
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2025

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор СЕБЕЛЕВ. Изнанка замещающей миграции	3
Ростислав ИЩЕНКО. Неизбежность выбора	8
Валентин КАТАСОНОВ. Вызовы времени	53
Андрей САМОХИН. А вопросы решать придётся	126

ПРОЗА

Юрий ВИСЬКИН. Шеф. Рассказ	21
Валерий МАРТЫНОВ. Попутчики. Рассказ	87
Андрей МАРКИЯНОВ. Шутка. Рассказ	107
Андрей ПУЧКОВ. Красная незабудка. Рассказ	138

ПОЭЗИЯ

Андрей ГРУНТОВСКИЙ. По белому — синим. Стихи	44
Виктор КАРПУШИН. Снега и земля за холмом. Стихи	48
Ирина ЗАХАРОВА. И свеча, и заря, и зарница... Стихи	116
Анна КОНДРАШОВА. Безымянная тишина. Стихи	121
Стихи поэтов России	153

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Россия и Япония	161
--	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

- Геннадий ЛУКИНЫХ. **Русский вопрос — главный** 177
Олег КАССИН. **Время взлететь русскому соколу** 182

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Вячеслав БОГДАНОВ. **Горите, вечные огни!.. Стихи** 194

УРОКИ ИСТОРИИ

- Борис ДВЕРНИЦКИЙ. **Русофобы XX века** 207
Филипп ЛЕБЕДЬ. **Вечный пораженец** 211
Сергей ВЕСТНИК. **Палач перед смертью** 217

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

- Игорь РОМАНОВ. **Сатанизм гуляет по стране** 220

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

- Владислава РОМАНОВА. **Третий путь для еврейства** 224

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Евгений ВЕРТЛИБ. **Ядерная скрепа** 230
Андрей СОШЕНКО. **Большие иллюзии** 233
Игорь РОМАНОВ. **Приближение антихриста** 241
Владимир ВАСИЛИК. **Звенья одной цепи** 243
Андрей ФЕФЕЛОВ. **Перестройка: что это было?** 246

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 249

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Руслан СЕМЯШКИН. **Во имя преобразования России.**
К 150-летию со дня рождения Сергея Сергеева-Ценского 262

КРУГ ЧТЕНИЯ

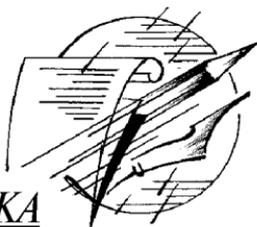
- Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. **О стихотворной энергии преобразования мира** 278
Владимир СПЕКТОР. **Ангелы Суджи.**
О новом романе Владимира Пронского 283

Виктор СЕБЕЛЕВ,
эксперт в области миграции населения

ИЗНАНКА ЗАМЕЩАЮЩЕЙ МИГРАЦИИ

Уже более двадцати лет продолжается массовый, неконтролируемый завоз в Россию иностранных трудовых мигрантов, в первую очередь из стран Средней Азии и Закавказья. Ежегодно Государственную границу России с различными целями пересекает до 14 млн. иностранных граждан, и с учетом накопительного эффекта их численность в стране уже значительно превышает 10 млн. человек, что является одной из основных причин, по которым преступность мигрантов достигла такого уровня, что стала угрожать национальной безопасности страны. В статье предлагается рассмотреть несколько показателей иностранной преступности.

Первый показатель. Доля или удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами, — показатель, часто используемый в манипулятивных целях, для демонстрации якобы низкого уровня преступности мигрантов. Адепты замещающей миграции старательно занижают этот показатель, вводя в заблуждение не только российских граждан, но и ответственные за миграционную, национальную и демографическую политику государственные органы. Так,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

например, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН утверждает, что на долю мигрантов в 2022 году приходилось около 2% от совокупного количества преступлений. Такое же можно услышать и из других источников, в том числе от известных экспертов в СМИ.

На самом деле это совсем не так. По данным МВД России доля преступлений иностранных граждан за последние 10 лет никогда не опускалась ниже 3,3%, а в прошлом году она достигла рекордного значения — 4,3%. Вряд ли занижение показателя вызвано неосведомленностью авторов этого утверждения — необходимые статистические сведения имеются в открытых источниках. Возможно, мы наблюдаем преднамеренное искажение данных, с целью успокоить российское гражданское общество, возмущенное постоянно растущей преступностью приезжих.

Обращает на себя внимание и тот факт, что иностранные мигранты совершают значительно больше, чем регистрируется, преступлений, совершенных в отношении их самих. Откуда же берутся эти пресловутые два процента, которые явно напоминают не лучшие моменты из нашей совсем недавней истории? Ответ прост — нераскрытые преступления манипуляторами не учитываются при подсчете (в их массиве тоже есть преступления, совершенные иностранцами), а долю преступлений мигрантов высчитывают не от числа раскрытых, а от числа зарегистрированных в целом преступлений. Этим «убивают» сразу двух зайцев. Во-первых, занижают этот показатель более чем в два раза. Во-вторых, все нераскрытые преступления, а их до 50%, приписывают гражданам России.

Фактически же в России самый высокий показатель доли преступлений, совершаемых иностранными гражданами, из всех стран СНГ. По данным Исполкома СНГ в 2021 году в большинстве стран Содружества он не превышал и 1,0%, а в Киргизии всего 0,003%. В других странах: Армения — 0,37%; Казахстан — 0,01%; Таджикистан — 0,18%; Узбекистан — 0,15%.

Но средняя доля по стране — это как «средняя температура по больнице» (у кого-то горячка, а кто-то уже холодный). По данным Портала правовой статистики Генпрокуратуры России, есть субъекты Российской Федерации, в которых доля преступлений мигрантов менее 1% (но там и иностранцев почти нет). При этом достаточно много субъектов, более привлекательных для иностранных граждан, в которых доля совершаемых ими преступлений, значительно превышает средний показатель по стране. На первом месте г. Москва — 17,1%; г. Санкт-Петербург — 12,1%; Московская обл. —

12,0%; г. Севастополь — 8,4%; Республика Крым — 6,6%; Смоленская обл. — 5,7%; Ленинградская обл. — 4,8% (данные за 2022 г.).

Второй показатель. Количество совершенных мигрантами преступлений в абсолютных цифрах — мало используемый показатель, применяемый лишь для демонстрации снижения числа преступлений.

Последние три года действительно фиксируется небольшое снижение количества преступлений иностранных граждан. Но снижение это мнимое, которое достигается лишь за счет постоянного роста числа нераскрытых преступлений. Этот вывод подтверждает и одновременный рост доли преступлений иностранных граждан в числе раскрытых преступлений.

Сколько же на самом деле преступлений совершают мигранты в России? По данным МВД России за прошлый год: зарегистрировано 1 911,3 тыс. преступлений; из них раскрыто — 899,6 тыс. (47,1% от числа зарегистрированных); осталось нераскрытых — 1 011,7 тыс.; подтверждено преступлений, совершенных иностранцами — 38,6 тыс.

Логично предположить, что доля преступлений иностранных граждан в числе нераскрытых преступлений, которых свыше одного миллиона, также не менее 4,3%, что предположительно составит — 43,5 тыс. преступлений. Тогда общее предполагаемое количество преступлений, совершенных иностранцами в 2024 году, может оцениваться в 82,1 тыс.

Невозможно отрицать тот факт, что иностранные граждане значительно увеличивают нагрузку на всю правоохранительную систему, что не только отрицательно влияет на раскрываемость преступлений, но и значительно ухудшают криминогенную обстановку в стране.

Но преступления совершают также и мигранты, получившие гражданство России. По информации Следственного комитета за 8 мес. 2024 года ими совершено 11 тыс. преступлений, соответственно за 12 мес., оценочно, — до 16,5 тыс. преступлений. Тогда общее количество преступлений, совершенных мигрантами в России только за один 2024 год, оценочно составит — 98,6 тыс., что в 2,5 раза больше официальной цифры.

Но доля преступлений иностранных граждан в числе нераскрытых может быть и значительно выше, чем 4,3%, так как преступления с участием иностранных граждан — это наиболее сложные в расследовании: нет подразделений по борьбе с этнической преступностью, не хватает переводчи-

ков и средств на перевод, круговая порука в среде мигрантов и возможность для них скрыться на родине.

Третий показатель. Количество осужденных за преступления иностранных граждан в абсолютных цифрах. Показатель почти не используется, так как отражает истинное положение дел с иностранной преступностью в стране.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в период с 2017 по 2024 год по различным статьям Уголовного Кодекса осуждено — 170,6 тыс. иностранных граждан, в том числе за преступления против жизни и здоровья — 10,7 тыс. чел., из них за: убийство — 1,9 тыс. чел.; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 4,7 тыс. чел.; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью — 883 чел.; умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои — 1,2 тыс. чел.

Таким образом, если принять условно: один осужденный — одна жертва, то выражаясь военным языком, за последние 8 лет количество жертв среди мирного населения, пострадавших от рук иностранных мигрантов, — 10,7 тыс. человек, в том числе погибло — 1,9 тыс. чел., ранено или потеряли здоровье — 7,3 тыс. чел. (в том числе тяжело ранено — 4,7 тыс. чел.), что сопоставимо с потерями мирного населения на приграничных с СВО территориях. Еще нужно добавить — 3,8 тыс. чел, подвергнутых насилию против половой неприкосновенности, в том числе 1,4 тыс. изнасилованных, а также более 10 тыс. пострадавших от ограблений, разбойных нападений и вымогательства.

Но и это не всё. По данным Научного центра безопасности дорожного движения МВД России с 2017 по 2024 год по вине водителей-иностранцев в стране погибло — 4 тыс. и ранено — 57,9 тыс. человек.

Обращает на себя внимание ежегодный рост осужденных несовершеннолетних детей иностранцев: 2020 г. — 90 чел., 2021 г. — 112 чел., 2022 г. — 112 чел., 2023 г. — 126 чел., 2024 г. — 141 чел. и одновременно настораживает рост числа иностранцев, осужденных заочно: 2020 г. — 319 чел., 2021 г. — 269 чел., 2022 г. — 360 чел., 2023 г. — 416 чел., 2024 г. — 539 чел.

Но наибольшее возмущение коренного населения вызывает «гуманное» отношение правоохранительных и судебных органов к иностранным гражданам, совершившим преступления в России. Ежегодная тенденция проявления гуманизма к иностранным преступникам, показательна на примере официальной статистики за 2022 год: совершено преступлений иностранцами — 40,2 тыс., выявлено лиц, совершивших преступления — 33,2 тыс. чел., осуждено — 21,8 тыс. чел., а

получило реальные сроки — всего 7,8 тыс. чел. Причем более пятисот из них скрылись от наказания на родине.

Как видно из представленных материалов, потери населения от рук иностранных мигрантов значительны, и если этот процесс не остановить, то убыль коренного населения ускорится, и будущее нашей страны станет под вопросом. В качестве экстренных мер для исправления ситуации и снижения уровня преступности мигрантов, предлагаются следующие:

1. Запретить въезд в страну иностранцев, имеющих судимость.

2. Объявлять в розыск и выдворять из страны иностранных граждан, не имеющих законных оснований на пребывание (проживание), с запретом на въезд сроком на 5 лет.

3. Депортировать из страны иностранных граждан, осужденных судом и получивших наказание, не предусматривающее лишение свободы, с запретом на въезд сроком на 5 лет.

4. Депортировать из страны иностранных граждан, отбывших наказание в исправительных учреждениях с запретом на въезд сроком на 10 лет, а за тяжкие и особо тяжкие преступления — пожизненно.

5. Признать отягчающим обстоятельством — отсутствие у иностранного гражданина законных оснований на пребывание (проживание) при определении наказания за совершение преступления.

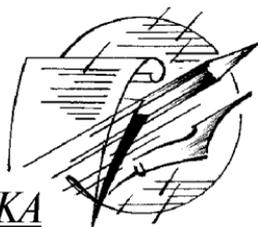
НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЫБОРА

Украина как антисистема

Мы часто говорим, что Украина создана как антиРоссия. Это правда. Но это не вся правда. Украина-антиРоссия — частный случай. Украина — антисистема в принципе.

Отдельные внешние проявления анархии не означают отсутствие на Украине порядка в принципе, хоть на первый взгляд (и на второй тоже) именно так и кажется. Это антипорядок — порядок, но с обратным знаком, порядок, в котором поддерживается то, что угнетается при нормальном порядке и угнетается то, что при нормальном порядке поддерживается.

Люди чаще всего не понимают, **что** мы имеем в виду, когда говорим, что на Украине создано тотально коррупционное государство как система. Ну ладно, говорят они, допустим, там воруют больше, чем у нас, даже больше, чем в Европе, возможно, по степени коррупционности они превосходили даже США, но в чём же принципиальное, не количественное, а качественное отличие?

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

А отличие это в том и состоит, что и в России, и в Европе, и даже в США коррупция является болезнью системы, а борьба с ней необходима для выживания системы. Если коррупция, разрастаясь, превышает определённый предел, то система тяжело заболевает, начинает разрушаться и может умереть.

На Украине же коррупция является сутью системы. Чем больше коррупции, тем система прочнее, чем её меньше, тем хуже себя чувствует система, она заболевает, начинает хиреть, дело может кончиться смертью. Впрочем, Украине никогда не грозило «меньше коррупции». Любая борьба с коррупцией приводила к её увеличению, так как открывала ещё одну коррупционную кормушку — борцы с коррупцией брали взятки за то, чтобы бороться с коррупцией, не дающей взяток, и не трогать ту, которая за себя заплатила. То есть своими действиями они стимулировали рост коррупции, а значит укрепляли коррупционную систему.

Именно поэтому я всегда говорил, что у украинского государства одна по-настоящему уязвимая точка — необходимость постоянного внешнего финансирования. Коррупция слишком быстро пожирала внутренний ресурс, чтобы подобная антисистема могла жить за собственный счёт. Понятно, что коррупция угнетала настоящее производство так же, как угнетала настоящую политику. Именно поэтому на Украине не было ни настоящих бизнесменов, ни настоящих политиков, ни настоящих деятелей искусства, ни настоящих учёных. Доживали свой век те, что остались от СССР, а новые не производились. Покупались соответствующие бумаги, бесплатно приватизировались предприятия стоимостью в миллиарды долларов. Люди, всю жизнь работавшие на мизерную зарплату чиновника, не стеснялись демонстрировать собственность, стоимостью в тысячи лет работы.

Но компетенций и квалификации, соответствующих имеющимся документам или занимаемой должности эти люди не имели. Им и не надо было её иметь. Вся украинская система-антисистема была ориентирована на то, чтобы использовать государство (его собственность, функции, его аппарат) для личного обогащения. Кредит за рубежом брали не для того, чтобы решить проблемы государства, а чтобы разворовать его в частном порядке. Полностью разворовать, а не частично.

Русские, европейцы, американцы, китайцы, даже турки и арабы, в общем любые иностранцы, пытавшиеся вести бизнес с украинским государством, уже начиная с ющенковского правления удивлялись тому, как можно требовать на

откаты не пять, не десять, не двадцать, даже не тридцать процентов, а пятьдесят-шестьдесят процентов от финансирования. На оставшееся же невозможно выполнить обязательство. Они не понимали, глупые, что это только начало. Скоро откаты дошли до 90%, а затем и превысили их.

Когда-то знакомый в Киеве спросил меня, нет ли среди моих друзей человека, которому хотелось бы получить «выгодное предложение». «Выгодное предложение» состояло в том, что вы платите всего 10% от предполагаемого бюджетного финансирования и... не получаете ничего. А когда я поинтересовался, в чём же здесь выгода, он просветил меня: оказывается, под бумагу о наличии у вас бюджетного финансирования вы можете взять кредит в банке и... украсть его.

Понимаете, они научились воровать 200% и более от наличного ресурса. Всякие американские схемы с деривативами для них детский лепет. Там, по крайней мере, существует первоначальный актив, от которого зависит стоимость всех последующих бумаг. Деривативы — законная афера в рамках нормальной системы. А украинская откатная модель предполагает возможность продолжения воровства даже тогда, когда изначальный актив уже раз пять украден.

Американцы научились производить из денег деньги, минуя товарную фазу, а украинцы из воздуха всё — минуя все фазы. Причём чем меньше у них становилось реальных ресурсов, тем больше был оборот коррупционной системы. В конце концов нынешняя власть украла всё, что было внутри страны, вплоть до частных состояний, разворовала кредиты и помощь. Тем не менее, уже привлекла только за последние три с половиной года свыше трёхсот миллиардов долларов кредитов и безвозмездной помощи и продолжает привлекать дальше.

Трамп — единственный из зарубежных политиков, уловивший экономическую суть украинской коррупционной системы. Он сразу же потребовал «компенсации» в виде несуществующих природных богатств Украины. Ведь он может под бумагу о контроле над ресурсами, которых нет, получать реальные деньги. А Зеленский, продавший украинские недра уже и англичанам, и американцам, продолжает предлагать их к продаже. И правда, какая разница сколько раз продать то, чего всё равно нет? Его ведь меньше не станет.

В этой системе-антисистеме всё работает наоборот. ГАИ не пытается снизить аварийность, а создаёт условия для неизбежного нарушения, чтобы вы оказались перед выбором — платить штраф или дать взятку в половину стоимости штрафа. Налоговая торгует своей «слепотой», позволяющей вам

за взятку не платить налоги. Политики разворовывают финансовую помощь, полученную ими для ведения войны, а генералы, до которых живых денег доходит мало, торгуют поставленной союзниками военной техникой и боеприпасами.

Не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, что миллион снарядов для Украины, на которые чехи уже два или три раза собрали деньги со всего ЕС и окрестностей, закупились у самой Украины, причём в наличии их не было. Они, ведь всё равно для Украины. Следовательно, по бумагам, украинские генералы могли продать снаряды, которых у них нет, какому-нибудь Чаду, Чад — Чехии, а Чехия поставила на Украину. Круговорот бумаг в природе завершился, а были ли снаряды в наличии, всё равно никто не проверит — война идёт, пушки стреляют, снаряды исчезают. Такой «торговый маневр» можно повторять бесконечно или пока не кончатся деньги у тех, кто сбрасывается на «помощь жертве».

В схеме все — от последнего солдата, который платит командиру за отпуск, а чтобы ему было из чего платить, командир выписывает ему премиальные за десять подбитых танков, которые ни разу не появлялись на данном участке, до президента, премьера, генерального прокурора, руководителей МВД и спецслужб, к которым стекаются коррупционные ручейки с разных сторон, превращаясь в бурные потоки.

Они потому и не хотят бросать Украину, потому и не хотят капитулировать даже под гарантии личной безопасности, что где же ты ещё найдёшь такой актив, в котором ничего нет, но украсть и продать можно всё, да ещё и не по одному разу?

В этом украинская слабость — остановите приток внешнего ресурса и система-антисистема не сможет функционировать, но в этом и её сила — слишком много заинтересованных в том, чтобы украсть *ничто* стоимостью в 200% и более от инвестиции, причём вложиться один раз (дать взятку за допуск к участию в коррупционном бизнесе) и перепродавать потом это *ничто* бесконечно.

В этом и опасность данной антисистемы. Украины уже не будет, а она останется и разлагать будет не только американцев и европейцев — те уже достаточно разложены, давно и плотно с Украиной работают. Разлагать она будет и наших людей и структуры, работающие с бывшими гражданами Украины и на бывших украинских территориях. Войти в схему и начать регулярно получать бешенные деньги за *ничто* — слишком соблазнительно.

То есть Украины уже не будет, а созданная ею система-антисистема будет продолжать пакостить. Она будет бороть-

ся за жизнь с нашей системой, справедливо видя в её победе свою смерть и пытаясь переделать её в такую же антисистему, как сама, чтобы выжить.

И это ещё одна причина, по которой Украину надо ликвидировать полностью, с концами. Украинское обаяние тотальной коррупции и так слишком велико, но если же эта антисистема будет, как сейчас, ещё и иметь собственное государство, она усилится десятикратно. И вновь, как сейчас, для победы над пороками, которые лелеет украинская антисистема, надо будет вначале победить на поле боя и окончательно ликвидировать Украину. Только это будет уже сделать намного труднее.

Ибо, чем дольше просуществует Украина, тем больше окажется вокруг неё заражённых.

Хотят победить, но не хотят умереть

26-го июля было опубликовано заявление помощника президента России Николая Патрушева, в котором он пообещал НАТО сокрушительный ответ всеми имеющимися у России средствами в случае военного посягательства на Калининградскую область.

Заявление сделано в ответ на сообщение командующего силами США в Европе и сухопутными войсками НАТО Кристофера Донахью, из которого следует, что альянс разработал план разгрома российской группировки в Калининградской области, оккупации региона и его последующей аннексии.

По мнению Донахью, только таким образом можно гарантировать безопасность прибалтийских членов НАТО. Несмотря на то, что главнокомандующий объединёнными силами НАТО в Европе Алексис Гринкевич поправил Донахью, уточнив, что план сугубо оборонительный (на случай если Россия вдруг ни с того ни с сего решит напасть на Прибалтику), тот же Гринкевич заявил, что, по его мнению, Россия на Прибалтику таки нападёт, причём уже в 2027 году, потому что якобы её об этом «попросит Си Цзиньпин», чтобы отвлечь внимание от «нападения Китая на Тайвань».

Не надо смеяться над уровнем НАТОвского «прогнозирования», не допускающего и мысли о том, что тайваньский кризис может разгореться ещё в 2026 году и даже в 2025-м. Опустим и предположение, что Китаю будет выгодна война его союзника со всем НАТО, что исключит возможность масштабной военно-технической и прямой военной помощи России Китаю. Так как всё произведённое российским ВПК

понадобится для Западного фронта. Они знают о чём говорят, так как любая война в современном мире (включая мелкие внутриафриканские разборки) начинается только тогда, когда Запад её начинает или провоцирует.

То есть в планах НАТО есть война с Россией в 2027 году на Балтике. Планы эти могут не реализоваться, и война не состоится, но планы такие есть.

Россия в этом убедилась. Иначе ничем невозможно объяснить запаздывание более чем на неделю ответа Патрушева, по сравнению с высказыванием Донахью. Патрушев не сказал ничего нового, сделав акцент на вещах вполне очевидных. Всё это в той или иной форме и раньше звучало в высказываниях российских политиков всех уровней, вплоть до президента. Следовательно, речь шла не о формулировках ответа, а о том, стоит ли вообще отвечать, и если стоит, то кто должен это сделать.

То, что ответ прозвучал, означает, что Россия, проведя непубличное зондирование (на которое и ушло время), убедилась, что заявление Донахью — не пустая похвальба очередного генерала (генералы во всех странах любят бахвалиться своей «способностью» захватить всю солнечную систему с окрестностями и ещё чуть-чуть сверху), но реальные серьёзные планы, подготовка к реализации которых уже началась. Поэтому в очередной раз Патрушев ненавязчиво напомнил, что ответ Россия даст «всеми имеющимися у неё средствами». Все — это включая межконтинентальные ядерные. Ни советская, ни российская военная доктрина никогда не витали в опасных заблуждениях возможности «ограниченной ядерной войны» или «демонстрационного ядерного удара» — «стрелять, так стрелять», всем и сразу — только так можно надеяться на победу и выживание.

В то же время Россия старается не облегчать западным «ястребам» путь к войне, поэтому, определяя политическую позицию Патрушева, отечественные СМИ настойчиво позиционировали его не столько как помощника президента, сколько как председателя Морской коллегии РФ. Путин преобразовал Морскую коллегию при правительстве РФ в Морскую коллегию РФ (повысив таким образом её статус) год назад — в августе 2024 года. Тогда же её председателем был назначен Николай Патрушев, 12 мая того же года оставивший пост секретаря Совета безопасности. Год о деятельности коллегии никто ничего не слышал, так же как и о её предшественнице «при правительстве РФ», что не удивительно, так как главная задача коллегии — координация работы всех государственных (ране правительственных) ведомств,

связанных с морской деятельностью. Работа эта сложная, объёмная, но, как и работа аппарата Совбеза, непубличная.

Настойчивое позиционирование Патрушева именно как председателя Морской коллегии, оставляет российскому руководству больше пространства для манёвра. С одной стороны всем понятно, что один из старейших и влиятельнейших членов путинской команды просто так бросать слова на ветер не станет. С другой — жёсткое заявление сделано председателем Морской коллегии вроде бы в пределах компетенции: Калининград — морской порт, а коллегия координирует всё, связанное с морем. Патрушев внешнюю и военную политику России в данный момент не определяет и не осуществляет. МИД в любой момент на любой вопрос может ответить, что не в курсе и что обязательно сообщит о своей позиции по этому вопросу, но потом.

Таким образом Кремль всё, что требовалось, сказал, но обвинить Россию в занятии чрезмерно жёсткой позиции невозможно: у вас генерал поделился своим мнением, у нас — председатель Морской коллегии. Ну да, он ещё и помощник президента, так и Донахью не простой генерал — именно он должен будет отдать непосредственный приказ сухопутным силам НАТО в Европе на начало боевых действий.

Ещё раз подчеркну, что жёсткость заявления Патрушева свидетельствует об отсутствии у российского руководства сомнений в реальности подготовки НАТО к войне на Балтике, в реальности угрозы, нависающей над Калининградом и в реальности обозначенных Донахью сроков. Почему 2027 год, почему НАТО так торопится, если они сами утверждают, что смогут более-менее подготовиться не раньше 2029—2030 года, а пессимисты из чиста натовских экспертов, которых я лично отношу к реалистам, считают, что раньше 2032—2035 года о какой-либо готовности к войне с Россией говорить не приходится?

О причине Донахью в своём заявлении сказал открыто. В НАТО считают (кстати, правильно считают), что какие-либо бои за Прибалтику будут иметь смысл лишь в том случае, если в самом начале конфликта силы альянса смогут быстро, почти моментально, ликвидировать калининградский эксклав. Калининградская область окружена странами НАТО, но и Прибалтика окружена территорией России и Белоруссии (кроме узкого Сувалкинского коридора). В такой конфигурации не только НАТО может полностью блокировать Калининградскую область, но и Россия в состоянии перекрыть любые (сухопутные, морские и воздушные) пути снабжения Прибалтики, превращая её территорию в

один большой лагерь военнопленных (сколько войск там ни разместит).

Следовательно, гипотетический конфликт России с НАТО в Прибалтике, в рамках конвенционных боевых действий, должен будет протекать как две альтернативные деблокирующие операции: российская — по прорыву блокады Калининградской области (с занятием всей Прибалтики) и на-товская — по деблокаде Прибалтики, путём полного занятия Калининградской области. Чья операция пройдёт, тот и победитель.

Но в НАТО считают, что их позиция лучше. Во-первых, они исходят из того, что в Калининградской области есть российское ядерное оружие, и в случае создания угрозы ему Москва должна будет решать — задействовать его или смириться с поражением, в обмен на отсутствие препятствий в выводе войск и вывозе ядерных вооружений. Во-вторых, в НАТО исходят из того, что для России утрата Калининграда будет однозначным поражением и соответственно будет воспринята народом. Что же касается потери Прибалтики, то это будет поражение НАТО, а не США, Великобритании, Франции и т.д.

Нет «народа НАТО», есть народы отдельных стран. Мало кому в Лондоне, Париже или Вашингтоне придёт в голову переживать из-за того, что «Прибалтика вернулась в российскую гавань». Это никак не помешает им вести против России экономическую, информационную и прочие войны и искать новых прокси для горячего конвенционного конфликта с Москвой.

Запад настолько уверен в своей неуязвимости, что прёт к войне, не считаясь с тем, что не может обеспечить достаточное для длительного конфликта производство расходных материалов (прежде всего боеприпасов). Они ориентируются на то, что в нынешних условиях могут создать на конкретном калининградском направлении подавляющий перевес в силах и средствах и провести блицкриг, после чего России будет крайне трудно рассчитывать на обратное отвоевание Калининграда в рамках конвенционной войны. На массивный ядерный удар в локальном конфликте (моментально превращающий его в третью мировую), как считают на Западе, Москва не пойдёт.

Отсюда и сроки — 2027 год. Западу надо успеть, пока основные силы ВС РФ заняты на Украине: либо ещё ведут боевые действия, либо недавно закончили и пока не передислоцированы на другие направления, так как обеспечивают военный контроль бывших украинских территорий. Если у

России будут развязаны руки в плане развёртывания на границах Прибалтики только что победившей на Украине армии — единственной в мире имеющей опыт полномасштабной современной войны, то никакие операции НАТО не просто не проходят — Прибалтику сметут раньше, чем население Калининграда успеет понять, что началась война.

Я весь последний год, если не дольше, пишу о том, что НАТО готовит нам серьёзную провокацию на Балтике. Нынешнее выступление Донахью должно помимо всего прочего ещё и успокоить, и мотивировать прибалтов, которые тем больше теряют кураж, чем очевиднее становится украинская катастрофа. Без США с Россией уже не только поляки, но даже эстонцы, опасаются воевать... Заявление Донахью должно показать испуганным лимитрофам (и полякам тоже), что США с ними, что НАТО будет воевать (хоть это и не факт, всё зависит от того, как будут развиваться события). На самом деле, США и другие «старые члены» НАТО обязательно придут поучаствовать в победе, но ни в коем случае не вступят в войну, пока ситуация окончательно не прояснилась, пока чаши весов колеблются.

Тем не менее, ситуация сейчас для России опасная: при самом благоприятном исходе украинского кризиса — полном разгроме Украины и ликвидации её государственности до конца текущего года — высвободить и перебросить на прибалтийское направление основную массу войск удастся не раньше конца весны будущего года. Это только по расчёту: вывод из операции, отдых и пополнение, логистика. Дополнительные трудности, а значит и задержку с новым развёртыванием может представить отсутствие достаточных жилых мощностей для размещения крупной группировки войск. Если войны нет, то армию нельзя вечно держать в окопах и палатках.

То есть до середины, а то и до конца 2026 года Россия в Прибалтике будет находиться в уязвимом положении. Правда, надо понимать, что и у НАТО ресурсы не бесконечные, а потенциальные прокси — расходный материал конфликта — боятся остаться один на один с Россией. Но надо понимать и то, что нет такой войны, которую нельзя было бы спровоцировать при желании.

За ситуацией в Прибалтике я наблюдаю уже больше года. Всё это время она деградирует. Рассмотрев за это время массу потенциальных вариантов развёртывания, я пришёл к выводу, что если не удастся дипломатическими средствами хотя бы оттянуть потенциальный конфликт за пределы 2027 года, когда он становится для НАТО проблематичным, у Рос-

сии есть всего два варианта его военного разрешения в свою пользу:

1. В момент, когда становится понятно, что НАТО приняло окончательное решение на войну, не дожидаясь полноценного развёртывания натовских сил, нанести превентивный удар по Прибалтике силами, имеющимися вне украинского ТВД (без полноценного развёртывания сил НАТО их должно хватить для быстрого разгрома прибалтийских армий и занятия всей территории Прибалтики). Политические и дипломатические издержки будут серьёзными, но решать, стоит ли начинать ядерный конфликт, придётся НАТО. Этот вариант уязвим в том смысле, что можно ошибиться с расчётом сил и средств, увязнуть в борьбе (хватит даже месяца) и дать НАТО не только повод, но и время развернуть силы для полноценной конвенционной войны.

2. Второй вариант беспроигрышен, но и выигрышным его назвать трудно. О нём предупредил Патрушев. Как только натовские провокации перейдут в стадию прямой агрессии против территории России, — нанести в ответ полномасштабный ядерный удар, не думая о последствиях и надеясь, что НАТО либо не успеет, либо не сможет полноценно ответить. Победа не гарантирована, но ниже ядерной ничьей точно не опустимся.

Ну и чтобы не завершать на пессимистической ноте, прошу помнить, что возможности дипломатического решения (оттягивания) навязываемого нам прибалтийского кризиса пока не исчерпаны, о чём тоже говорит заявление Патрушева. Наконец, есть шанс, что НАТО просто не сможет собраться с силами и с духом, чтобы рискнуть на прямое столкновение с Россией, хоть и через польско-прибалтийскую прокладку. Да и сами прибалты с поляками, конечно, очень хотят победить, но очень не хотят умереть. И противников войны с Россией в США и Европе довольно много, в том числе и в элитах. В общем, Западу далеко не просто развязать конфликт по своему хотению.

И всё же гарантировать победу могут только собственные усилия, а не надежда, даже обоснованная, что у врага что-то не получится.

Приключения молдаван в политике

Знаете, что такое прецедент? Это такое неприятное правило, согласно которому, если ты что-то сделал, то другие тоже могут. Даже те, кто, как говорил незабвенный Аркадий Исакович, «нам не нравится».

Помните, когда в феврале-марте 2008 года американцы и их наиболее верные вассалы наперегонки признавали самопровозглашённую независимость Косово, они громко кричали: «Это не прецедент, это особый случай!» «Прецедент-прецедент», — приговаривали Россия и Китай. В августе того же года, Россия, после пятидневной войны, признала независимость Абхазии и Южной Осетии, а когда американцы попытались возмутиться, напомнила им: «Говорили же вам, что прецедент! Не верили, глупые».

Так оно работает в политике, если, конечно, у вас достаточно сил, чтобы отстоять своё мнение.

Есть такая женщина, Анжелика Караман. Она работает председателем Центральной избирательной комиссии Молдавии. А в Молдавии, надо сказать, скоро выборы. 28 сентября новый состав парламента выбирать будут. Президент Молдавии, гражданка Румынии, Майя Санду, со своей румынофильской партией всем уже надоела. У неё одна мечта, одна цель, одна задача — интегрировать Молдавию в Румынию, чего бы это ни стоило.

Примерно 70% молдаван в Румынию не хотят — хотят жить в независимой Молдавии. Кто другой радовался бы такому патриотическому настрою населения, а Санду огорчается и все силы свои и правительства бросила на то, чтобы убедить молдаван, что румынский патриотизм лучше молдавского, прогрессивнее, что ли.

В процессе борьбы за румынизацию патриотизма Санду с коллегами напрочь угробила и без того не самую мощную экономику Молдавии, а сами молдаване могут утешаться разве что тем, что стараниями Порошенко (внесен в РФ в список экстремистов и террористов) и Зеленского украинцы даже их «бедненькой, но чистенькой» жизни завидуют, ибо жизнь определённее лучше, чем смерть. За это Санду в Молдавии не любят и мечтают переизбрать. Поэтому очень важно правильно считать голоса и не забывать, что все молдаване в ЕС голосуют только за Санду, а сколько их там, никто не знает. Поэтому сколько надо для победы, столько голосов за рубежом за Санду и отыскивается.

Должность у Анжелики Караман крайне ответственная. А сейчас, на парламентских выборах, ответственная вдвойне. Против правящей партии «Действие и солидарность» формируется мощный блок из едва ли не всех остальных системных политических сил. При неаккуратных подсчётах можно нарваться на большие неприятности. Ведь «миллиарды» молдаван из ЕС не придут в страну, чтобы защитить «своих избранных».

Возможно Анжелика Караман не знает мудрёное слово прецедент (не президент же — не по её части). А может быть, слышала, но не вникала в его значение. В конце концов, не исключено, что она хорошо училась в школе (всяко бывает) и даже знает значение этого слова. Но она определённо не заметила, как прецедент создала, к тому же крайне негативный для Санду.

Президент Майя на каждом углу обвиняла Россию во вмешательстве в выборы. Все уже привыкли, что если какого-то политика в Европе и её окрестностях народ не любит, то виновата Россия, и давно перестали обращать внимание на крики о вмешательстве. Но тут молдаване выяснили, что правящая партия («сандунисты») мешками берёт деньги на выборы у французов. Факт политической коррупции был зафиксирован, поднялся скандал. Анжелика Караман — чиновник ответственный и бросилась на защиту своих (румынофилов).

У нас американцев обвиняют в дуболомной политике, но по сравнению с молдавской американская политика — высший класс византийщины. Как бы поступили в таком случае американцы? Сказали бы: «Если это правда, то случай возмутительный, из ряда вон выходящий. Необходимо провести скрупулёзное расследование, выявить и наказать всех виновных. Но поскольку в этом казусе задействованы ещё и французы, расследование будет долгим. И так сложно координировать работу следственных органов двух разных государств, а французы — известные саботажники. Но, набравшись терпения, рано или поздно, мы доведём расследование до конца». Через неделю народ забыл бы о скандале, а расследование так никогда ничем бы не закончилось.

Но Анжелика Караман не искала лёгких путей. Она возьми и брякни официально и во всеуслышание, что ничего предосудительного во вмешательстве французов в молдавские выборы нет. Франция — страна ЕС, а Молдавия мечтает вступить в ЕС, поэтому страны ЕС имеют право вмешиваться в молдавские выборы. И вообще, это вмешательством не считается, просто братская помощь.

Красиво, логично, патриотично, можно было бы мудрой Анжелике Орден Республики вручить за находчивость, быстроту реакции и отсутствие лишней рефлексии. Но проклятый прецедент (хорошо хоть Анжелика не додумалась сказать, что страны ЕС обязаны вмешиваться в молдавские выборы).

Помните, Санду всё жаловалась, что Россия вмешивается во все сферы политической, общественной и даже личной

жизни молдаван. Пряма мамалыги не поешь, стаканом вина не запьёшь без российского вмешательства. Куда простой молдаванке податься (особенно если она румынка)? В Кремле и в МИДе всем уже почти стало стыдно («Простите нас, молдаване!»), но тут выступила Анжелика со своим новым видением международных норм. И жизнь в Кремле и на Смоленской площади сразу наладилась, прошение просить передумали.

Ведь что получается? В ЕС Молдавия ещё только хочет вступить, а вступит ли, неизвестно. Турция хочет в ЕС в два раза дольше, чем современная независимая Молдавия существует, иные из хотевших уже и умереть успели, а воз и ныне там. И ЕС, причём даже любая его страна в отдельности, согласно компетентному мнению председателя ЦИК Молдавии, уже имеет право вмешиваться в молдавские выборы.

Так ведь Молдавия — член СНГ. В прошлом году грозились выйти, какие-то соглашения денонсировала, но до сих пор не вышла. Получается, что любой член СНГ может вмешиваться в молдавские выборы. А какие тогда к России претензии? Это ещё Лукашенко не знает, что можно вмешиваться. Он выборы очень любит, особенно те, в которые вмешиваются европейцы.

Да что там Молдавия! Что там СНГ! У нас же есть ШОС и БРИКС, а ещё G-20. Это только для разминки. Ещё Россия — постоянный член Совбеза ООН. А Совбез ООН — единственный международный орган, уполномоченный принимать обязательные к выполнению всем мировым сообществом решения. Многие, правда, не выполняют. Но это же мы до сих пор не знали, что их членство в одной организации с нами даёт нам право отеческого вмешательства.

Какие оглушительные перспективы открываются перед Россией и её союзниками в плане продвижения нового формата международных отношений! Дух захватывает! Ай да Анжелика!

Вы скажете, что всё это досужие разглагольствования, а особо злые спросят: «Кто нам даст?» А я вам отвечу, что когда мы говорили, что Косово — прецедент, евроамериканцы в ответ громко смеялись — мол «пусть русские поговорят, кто им позволит что-то сделать», — а потом горько плакали, вместе с Саакашвили, лечившим медвежьей болезнью галстуками.

С тех пор возможности России резко выросли, а права в политике не дают, их берут, если есть возможности и создан прецедент.

ШЕФ

РАССКАЗ

После того, как я, хлопнув дверью, ушел из редакции, для меня наступило очень и очень нелегкое время — время напряженного ожидания, не повернется ли всё обратным ходом в мою пользу, и одновременно — необходимости что-то предпринимать, действовать, искать другую работу. Но и суетиться было нельзя, и я ждал, сидя дома, ни слова не говоря о своих делах жене, когда вечером она приходила со своего неуклонно гибнущего автохозяйства, где работала экономистом. Я делал вид, будто интенсивно помогаю выполнять домашнее задание сыну-третьекласснику, а на самом деле всё думал и думал об одном, жалея, что вспыллил, и время от времени, как говорится, предаваясь воспоминаниям.

Три с лишним года назад пришел я в эту редакцию и познакомился с Владимиром Ивановичем Рекрутовым, который на всё это время стал для меня шефом. Тогда ему было под шестьдесят, но выглядел он лет на сорок пять. Вид у него был очень интеллигентный, я бы даже сказал — импозантный. Высокого роста, стройный, черноволосый, с прической всегда предельно аккуратной (идеальный

ПРОЗА

пробор в недлинных и гладко причесанных волосах); с лицом, о котором можно сказать — мужественное лицо: обширный лоб, правильный заостренный нос, тонкогубый и обычно плотно сжатый рот, и глаза — темные, живые, умные, с сумрачным блеском глядевшие из-под густых, почти сросшихся бровей. Одет он всегда был безукоризненно: строгий классический костюм, когда черный, когда темно-синий; белая рубашка и галстук, поражающий правильностью узла, который нередко притягивал мой взгляд, вынуждая тихо вздыхать: никогда не научиться мне так завязывать галстук!

Что и сказать, — мужчина в лучшем понимании этого слова, именно такие слова пришли мне в голову, когда я увидел его впервые. Он как раз выходил из кабинета с распечатками материалов в руке, и я сразу понял, что это и есть редактор, поздоровался и представился, добавив, что час назад звонил сюда по объявлению в бюллетене службы трудоустройства. Он, перехватив из руки в руку материалы, поприветствовал меня крепким рукопожатием. И попросил подождать, указав на открытую дверь кабинета, верней, крохотной комнатенки, где впритык умещались четыре стола с компьютерами, за одним из которых сидела женщина с короткой стрижкой темных волос, на вид возрастом чуть за сорок, то есть где-то на десяток лет старше меня. Я поздоровался с ней, вошел в комнатенку и сел на один из стульев, чувствуя какое-то странное беспокойство, что-то вроде не очень доброго предчувствия, и в то же время заранее успокаивая себя: не возьмут, так не возьмут, не привыкать. Правда, положению моему в этом случае суждено было стать еще более тяжелым: долг за квартиру девять месяцев, да и другие долги... Так уж получилось, что я со своим университетским образованием не смог никуда прибиться: из пресс-служб богатых фирм выживали или сокращали, в двух городских газетах не пришелся ко двору, в отраслевых газетах не было места, и приходилось соглашаться вкалывать вне штата за гроши. Не было мест и во многих других редакциях, куда я ходил устраиваться. И в тот момент, сидя в ожидании, я думал, что, видимо, все-таки придется идти на какую-нибудь другую работу — из тех, что предлагали мне на бирже труда, может быть, даже санитаром по подъему трупов, как раз появилась такая вакансия.

Но не так уж много времени было отпущено мне для этих раздумий: Владимир Иванович пришел через считанные минуты, уже без распечаток, сел за стол, быстро посмотрел мои документы и сказал, глядя на меня прямо:

— Это хорошо, что вы окончили факультет журналистики. Но только учтите: мы — оппозиционная пресса, боремся с властью.

«Правильное, значит, было предчувствие», — мелькнуло у меня в голове, но ничего не оставалось, кроме как спросить прямо:

— Вы берете меня в штат или нет?

— Берем, — сразу ответил Рекрутов, быстро достал из стола чистый лист бумаги, положил передо мной, выхватил из внутреннего кармана пиджака ручку и положил сверху. — Пишите заявление.

Сказав, на чье имя и что конкретно писать, продолжал:

— Но повторяю, мы выступаем против режима. И все наши материалы должны быть выдержаны в этом духе...

Я писал заявление и думал: «Что ж, политика, так политика. Мне ведь сейчас главное — выбраться из ямы... Выберусь, а там видно будет...» Хотя, по правде говоря, я и сам не был сторонником этой власти. Поэтому, собственно, и не прижился в городских газетах, работавших на нее. Не хотел их нахваливать. А порой даже и поддерживал оппозицию в своих материалах.

— Вот ваше рабочее место, — кивнул на стол у окна Рекрутов. — И прямо сейчас приступайте к работе. Познакомьтесь, пожалуйста, — указал он на женщину. — Это мой заместитель, Тамара Васильевна Каретникова.

И когда женщина обернулась ко мне от компьютера, он сказал ей:

— Дайте, пожалуйста, Вячеславу Юрьевичу Смирнову поправить текст нашего заштатного автора, который я положил вам утром. А то, я вижу, у вас по горсовету много работы остается. Нам бы еще одного человека! У вас, Вячеслав Юрьевич, случайно не найдется среди знакомых не трудоустроенных коллег?

— Нет, — ответил я, принимая у Каретниковой распечатку.

— Жаль, — сказал он, вставая. — Надо срочно искать. Давайте заявление. Я занесу его с вашей трудовой в отдел кадров, а паспорт и диплом — вот, пожалуйста, возьмите. Да, и сделайте небольшой, но острый материал на тему ЖКХ. Наверняка, у вас наболело. А я полетел. Мне пора в суд.

И с моим заявлением и трудовой книжкой в руках ушел так быстро, будто и в самом деле улетел. Он вообще был очень быстр и легок в движениях. Через несколько минут, уже включив компьютер и приступив к работе, я увидел в окно, как он садился в издавший виды, приобретенный, должно быть, еще

в советское время, вишневый «жигулёнок», что стоял на остатках асфальта у бетонного забора...

«Заштатный» материал, оказалось, требовалось не поправить, а натурально переписать, что я быстренько и сделал. А потом написал из наболевшего о ЖКХ: как нам пришлось двое суток сидеть без света, прежде чем удалось добиться, чтобы прислали электрика.

Прочитав эти мои материалы, Каретникова с одобрительной улыбкой кивнула:

— Всё хорошо. Сработаемся.

Я спросил:

— А вы, Тамара Васильевна, давно здесь трудитесь?

— Да нет, с полгода. Как только газета перешла к этой организации, так и устроилась.

— А вообще, сколько вы уже в профессии?

— Лет двадцать. Я, как и вы, окончила журфак.

— А Владимир Иванович?

— Он не журналист, он политик. Депутат Законодательного собрания. А по образованию — инженер.

— Да? — удивился я. — А как же он на этом месте оказался?

— Учредитель поставил. У нас газета общественно-политическая...

— Сам-то пишет?

— Пишет. И неплохо.

Я помолчал и спросил

— Ну а как оно вообще-то здесь? Как работается?

Она посмотрела на меня внимательно и, слегка пожимая плечами и поворачиваясь обратно к монитору, сказала:

— Чтобы понять, надо в этом хоть немного повариться. Могу сказать одно: помните то, о чём он вам говорил, и не сбивайтесь с этой линии.

По ее голосу я почувствовал, что самой-то ей не очень по нутру эта линия. И вскоре, узнав ее получше, убедился, что так оно и есть. После университета она работала в областной газете, поднялась до заведующей отделом культуры, а потом, когда началась перестройка и в газетах пошли сокращения, осталась без работы. Но вскоре ее приняли в областную сельскохозяйственную газету, где она так же быстро стала заведующей отделом культуры, и работала долго; но и там пришло время, и всё начали перекраивать, руководство сменили, газету переименовали и перерегистрировали, а весь прежний штат перевели на учет в службу занятости. Больше года Тамара Васильевна Каретникова получала пособие по безработице без всякой надежды получить место в журналисти-

ке. Но когда после перерыва вновь открылась эта оппозиционная газета, и Каретниковой предложили в службе занятости должность заместителя ее редактора, она стала отказываться. По правилам же службы занятости, если безработный отказывается от подходящего места, его снимают с учета и лишают пособия. Этим и пригрозили Каретниковой, и она, скрепя сердце, согласилась. Ситуация-то у ней тоже была не из легких. Замуж она вышла поздно, когда ей было за тридцать, и ее дети-погодки, сын и дочь, были еще школьниками, немногим старше моего сына. А муж работал начальником осветительного цеха в городском театре, где зарплата год от года усыхала из-за инфляции. В общем, главное, что объединяло нас с Каретниковой — отнюдь не жажда борьбы с властью, а необходимость выживать.

Итак, перспектива сменить профессию на санитарную или еще какую от меня отдалилась. Жалованье было небольшим, но оно позволило мне постепенно, месяцев за семь, выкарабкаться из долгов. И я был благодарен Рекрутову и старался выдерживать его требования, правда, не очень хорошо у меня это получалось: не мог я в своих материалах костерить власть так, как это было необходимо ему, как костерили ее несколько внештатных сотрудников нашей газеты: одна известная, вышедшая недавно на пенсию журналистка, один пожилой преподаватель пединститута и еще несколько человек, так же немолодых. Они напропалую, не выбирая выражений, наносили разящие удары по власть имущим, а эти удары неизбежно задевали и главу областного правительства — в результате на газету сыпались и сыпались судебные иски. Тут уж Рекрутов вынужден был остужать пыл своих бойцов.

— Ну что ж ты, Евгений? — как всегда выдержанно, спокойно и негромко выговаривал он одному из них. — Мне срочно надо было в поликлинику, и я не смог прочитать твой материал, а если бы прочитал, то в таком виде не пропустил бы. Ты же думай! Он — глава области, у него в руках вся судебная власть. Зачем же ты так грубо? Теперь нам с тобой придется отвечать перед судом.

На эти суды мне постоянно приходилось ходить в качестве корреспондента. Я писал с них репортажи, и они печатались в нашей газете. Странно, в каждом из этих материалов я цитировал все самые острые и правдивые места текстов, из-за которых был подан иск, но никто уже никаких претензий к нам не предъявлял. И я думал: зачем подавать на суд, если это дает возможность еще раз напечатать то же самое? Но была и другая сторона: деньги, которые истцы срывали с проигравших. На приличную сумму была наказана

известная журналистка-пенсионерка, и эту сумму без ее ведома сняли с ее сберкнижки. Влетел и преподаватель пединститута, он рассказывал, как к нему домой пришли судебные приставы, описали и унесли в счет иска телевизор и музыкальный центр. Иски навешивали и на редакцию, и к нам тоже приходили приставы, забирали компьютеры, ксерокс, сканер. Учредитель потом всё это выкупал.

Один раз и я угодил под суд — за статью против директора, распродавшего налево и направо комнаты общежития своего завода. Мне присудили штраф в размере четыре моих месячных зарплат, и пришлось срочно взять кредит в банке и рассчитаться, чтобы судебные приставы не пришли ко мне на квартиру описывать имущество.

После этого Каретникова, взяв газету с моей злополучной статьей, увела меня, как ребенка, в пустой актовЫй зал покровительствующей организации и битый час втолковывала, как надо было написать конкретно этот текст и как вообще надо писать, чтобы ни власть имущим, ни суду не к чему было придраться. И только тогда до меня дошло, что ведь она, постоянно выступая против власти, выдавая ту же правду в чистом виде с еще большей остротой, чем мы, ни разу под суд не попала.

Пришлась и мне этому научиться, и больше меня по судам не таскали.

Но из процесса борьбы я не выпадал, да и невозможно было выпасть, работая под руководством такого шефа, как Рекрутов, который бросал и бросал нас на борьбу, как командир на войне бросает в атаку солдат. И мы с Каретниковой боролись, и боролись честно. На планерках шеф грузил нас по полной, мы и проводили эти планерки обычно втроем — за исключением тех случаев, когда Рекрутов приглашал ответсекретаря, прекрасно знающую свое дело женщину, сидевшую в соседней комнате с наборщицей и верстальщицей, но это случалось редко, потому что ответсекретарь всегда была загружена выше головы. Ну и в те недолгие периоды, когда у нас появлялась третья рабочая лошадка, планерки мы проводили вчетвером. Однако на третьего нам не везло, попадались то пьющие, то мало что умеющие. Рекрутову приходилось от них избавляться, и снова мы тащили газетный воз вдвоём с Каретниковой, благо объем был невелик — еженедельная восьмиполоска с телепрограммой на центральном развороте.

И мы справлялись, всегда успевая написать по полторы-две полосы, да плюс материалы внештатников, остальные площади заполняли текстами из Интернета. Иногда писал и

Рекрутов, действительно неплохо, но главную свою задачу он все-таки видел в организации нашей работы, в том, чтобы озадачивать нас в соответствии, как он часто повторял, с «идейной направленностью нашей газеты».

Шеф внимательно следил за потоком официальной прессы, смотрел все новости по телевидению и слушал их по радио и всегда мгновенно реагировал на каждое проявление лжи и несправедливости власти, давая нам новые и новые задания. Например, когда по телевидению сказали о двух десятках бесплатно выделенных ветеранам войны и труда квартирах, он немедленно поручил мне узнать, так ли это на самом деле. И я отправился по тому адресу и выяснил, что никто никому никаких квартир не выделял, а те жильцы, что поселились в них, — не ветераны, а в основном молодые люди, которые приобрели это жилье даже не в ипотеку, а за наличный расчет.

Или вот еще. На коллегии областной администрации председатель гильдии предпринимателей, обращаясь к главе области, сказал с отчаянием в голосе в переполненном зале заседаний:

— Прошу вас, повернитесь, наконец, лицом к малому бизнесу!

Глава области холодно ответил:

— Ваши слёзы безосновательны. Много делается.

И мне пришлось по заданию шефа провести среди предпринимателей города обширный опрос — выезжая на места и названивая по телефону. В результате выяснилось, что все они испытывают невероятные трудности, едва удерживаясь на плаву, и ничего ровным счетом для них не делается. А один молодой владелец автомойки сказал мне резко:

— У нас скоро вообще малому бизнесу придет копец!

Словом, работы у нас был непочатый край. К тому же приходилось писать материалы о заседаниях Законодательного собрания и горсовета. В Заксобрание ходил я, в горсовет — Каретникова.

А меня шеф еще и обязал сидеть на его депутатских приемах, которые он проводил по четвергам каждую неделю и временами ездить с ним на его «жигулёнке» по вызовам избирателей, после одного из которых он всерьез заинтересовал меня как личность, как человек. Это было собрание жильцов вконец запущенного девятиэтажного дома: в подвалах стояла вода, отчего, естественно, во всём здании царил сырость, по лестничным клеткам носились крысы, свет в подъездах не горел... Это мероприятие стало для меня едва ли не самым запоминающимся. Стоял погожий денек бабьего

лета, ласково пригревало клонившееся к закату солнышко, а легкий ветерок дул со стороны расположенного поблизости парка, и потому воздух был сладким, без малейшей примеси выхлопных газов. Полный природный комфорт. Но до чего ужасный внутренний дискомфорт ощущал я среди людей, собравшихся во дворе той девятиэтажки! Их было не очень много для такого громадного дома, человек двадцать, в основном женщины, но шум, создаваемый ими, казался мне равным шуму полка, отвечающего дружным «ура» на поздравление командира. Только здесь «ура» никто не кричал, кричали другое, резко, зычно, громко, а главное — злобно, и меня поражало: сколько же зла накопилось в людях из-за такой вот жизни! У меня трещала голова. Особенно усердствовала средних лет полноватая широколицая дама в очках, очень энергичная; мне почему-то подумалось: наверное, учительница. Она хватала свой нос рукой и тут же резко выбрасывала ее вперед и выкрикивала:

— Воняет?! — и снова хватала нос, выбрасывала руку и кричала: — Воняет!!! Весь подъезд воняет!!! — Не верите?! — поворачивалась она к домоуправу. — Зайдите в подъезд, проверьте!!!

Домоуправ, высокого роста человек лет тридцати пяти, стоял, возвышаясь среди собравшихся в молчаливой и серьезной задумчивости, и даже не пытался оправдываться, да ему, скорей всего, и рта бы не дали раскрыть, но когда Рекрутов, так же возвышаясь над всеми, сказал негромко, но отчетливо: «Можно вопрос?» — все смолкли и обратили взгляды к нему.

— Всё ли в порядке в этом доме с квартплатой? — спросил шеф, посмотрев на молодую симпатичную женщину, которая стояла чуть поодаль от собравшихся и просматривала какие-то бумаги в раскрытой папке. Все молча перевели взгляды на нее, и она сразу ответила:

— Да, здесь задолженности нет.

— Тогда почему, — отчеканил шеф, — жильё не обслуживается должным образом?

Опять поднялся шум. Кто-то крикнул, тыча пальцем в женщину с бумагами:

— Да потому что они воруют нашу оплату!

Лицо женщины мгновенно вспыхнуло алой краской, и она, потрясая бумагами и встряхивая каштановыми волосами, прокричала:

— Если б я воровала, то не жила бы так, как живу, и не ходила бы по три года в одном костюме!

Костюм на ней, темно-коричневый, ладно сшитый по ее ладной же фигуре, был аккуратным и чистеньким, но и в самом деле не новым.

— Но хоть с крысами-то можете справиться? — сказала широколицая дама, сбавляя тон. — Мы ведь этого не сумеем. Получается, дожили до того, что поймать крысу — для нас такое же знаменательное событие, как на Растеряевой улице у Глеба Успенского.

Мне стало понятно, что эта дама действительно учительница, преподает литературу.

— Да и как поймаешь? — развела она руками. — В темноте-то!

— Вот с этого и надо начать, — сказал Рекрутов домоуправу. — Восстановить освещение в подъездах.

— Мы этим уже занимаемся, — ответил домоуправ. — Я только что дал распоряжение подготовить проводку, и завтра утром ее сюда принесут...

На том и порешили: сначала сделать свет, а потом постепенно, поэтапно всё остальное.

На следующее утро, когда я уже сидел в редакции, вошел Григорий Иванов, активист из того дома, он тоже был вчера на собрании, добродушный, вечно улыбающийся мужик в просторном синем костюме, который делал его несколько грузноватым на вид. Пожимая мне руку, он сказал весело:

— Так это... чё... Думаешь, принесли проводку?

— А разве нет?

— Да нет, чё. — Он едва ли не за каждым словом, широко улыбаясь, вставлял это «чё». — Я ждал там, чё, а они не идут, не несут...

— И не сделали?

— Ну, сейчас-то делают, чё. Это вот благодаря ему, — кивнул Иванов на вошедшего Рекрутова. — Он приехал, чё, дал им накачку..

— Иначе никак, — хмуро сказал шеф, пожимая мне руку. Я понял, что он и привез на своей машине Иванова, просто зашел сначала не к нам, а к ответсекретарю. — Побеседуйте с Григорием Васильевичем, — говорил он мне. — Пусть подробно расскажет о делах в его доме, и сделайте материал с учетом вчерашнего собрания.

Иванов, улыбаясь, восхищенно воскликнул:

— Ну, вы лихо, чё, в оборот-то их взяли!

— Я знал: не проверишь, не пошевелишь — не сделают, — сухо сказал шеф, садясь за свой стол. — Жизнь научила меня этому, когда я еще мастером на заводе работал.

Не сказать, чтобы меня как громом поразило, но удивлен я был немало. Почему-то мне думалось, что Рекрутов всю жизнь так и проработал в чистом отглаженном костюме и в белой рубашке с галстуком. Но что такое завод, что такое производство и мастер в нем, я знал хорошо, поскольку сразу после универа около трех лет трудился в заводской многотиражке, куда ее не закрыли по причине остановки завода. И этот неожиданно для меня открывшийся факт, что шеф в грязной одежде носился среди станков, ругался с рабочими, как это часто бывает, конфликтовал с мастерами других участков, получал нагоняи от начальства и напрягал все силы для того, чтобы сделать план, натурально перевернуло мое представление о нем, заставило задуматься и заинтриговало. Я стал внимательно приглядываться к нему и потихоньку, когда была возможность, расспрашивать о его прошлом. Он отвечал нехотя и коротко, не любил о себе рассказывать, в основном говорил о делах, правда, нередко, особенно на планерках, вспоминал какие-нибудь интересные или забавные случаи из своей жизни, связанные с тем, о чем речь шла в данный момент (свойство людей, как я заметил, с богатым жизненным опытом и хорошим воображением), но и тогда оставался серьезным, в умных глазах его стоял всё тот же сумрак, и я не помню, чтобы хоть раз на его лице появилась улыбка. Скорей всего я бы в конце концов решил, что он просто от природы такой неулыбчивый человек, не умеющий ни веселиться, ни радоваться, если бы однажды к нам в редакцию не пришла исхудавшая бледная женщина лет пятидесяти, одетая в потертое коричневое демисезонное пальто и простенькую шерстяную шапочку. Она была очень расстроена. У нее возникли проблемы с жилплощадью, и Рекрутов долго и внимательно слушал ее, а потом, быстро вставая, сказал:

— Сейчас я схожу к нашему юристу, проконсультируюсь...

И вышел. А женщина сокрушенно покачала головой:

— Какой Владимир Иванович суро-овый стал...

Оказалось, она долгое время работала с ним в одном техотделе на заводе, и знала его как жизнерадостного хохотуна, довольно даже балагуристого поначалу, когда он перешел туда из цеха; да и позже, став заместителем начальника отдела, он любил и пошутить, и посмеяться, всегда был тамадой на праздниках...

— А вот когда вся эта катавасия в стране началась, он изменился, — говорила она, снимая шапочку и обнажая волосы, крашенные в рыжий цвет, но давно, это было видно по седым корням. — Конечно, там-то, на заводе, и всем стало не до веселья. А ему так и вообще: только начальником отдела

назначили, и тут же — бац! — перестали платить зарплату.. Тогда он, правда, еще иногда и веселым бывал, а теперь, смотрю, вконец посмурнел...

Выяснилось так же, что и Рекрутов, и эта женщина, инженер, специалист по новой технике, так и числятся на заводе, в том же отделе, пребывая в бесконечном отпуске.

— Для нас он, наверное, закончится, когда уже достигнем пенсионного возраста, — сказала она с грустной улыбкой и что-то хотела добавить, но тут вошел шеф, позвал ее, и они ушли.

Потом она еще приходила, уже не расстроенная, а довольная, с помолодевшим лицом, и всю благодарила шефа, выставила из сумки на стол нам к чаю три литровых банки разного варенья. То, что я услышал от нее о Рекрутове, было неожиданно для меня и очень удивило, поскольку я все-таки никак не мог представить его весельчаком. Но это и добавило мне знаний о нем, и кое-что объяснило в его характере и его судьбе, когда я раздумывал, пытаюсь нарисовать в своем воображении цельную картину его жизни, начиная с рождения в начале войны, когда отец уже погиб на фронте, а старший из двух братьев в девятилетнем возрасте встал к заводскому станку на перевернутый железный ящик для заготовок и деталей, чтобы руки доставали до суппорта. Его станок стоял рядом со станком, на котором работала мать. У нее, как и у всех матерей того времени, декретный отпуск был очень мал, и после него младшенький Володя оставался дома под присмотром среднего, пятилетнего сына, тот кормил его сцеженным материнским молоком из бутылочки с соской, тем самым уже тогда начиная обретать нелегкий отеческий опыт.

Вообще весь долгий отрезок времени от младенчества до окончания семилетки, когда Владимир Рекрутов пошел на завод учеником, за тот же токарный станок, поначалу представлялся мне медленным выходом из тяжелейшей ситуации, однако заметно облегченной тем, что он стал приносить домой зарплату. Но была еще и вечерняя школа, и я с содроганием представлял себе, каково это — отработать смену за станком, а потом несколько уроков сидеть за партой. Хотя ему, думал я уже и тогда, скорей всего это не было так уж трудно, поскольку, как он сам говорил, его всегда очень сильно тянуло к учебе. Он с детства мечтал стать инженером, хотел решать проблемы производства, как опять же говорил он сам, полетом творческой мысли, почему и поступил сразу после службы в армии на вечернее отделение института металлообработки. А когда учился на третьем курсе, его, токаря пятого разряда, и назначили сменным мастером, а года

через полтора и старшим, но перед окончанием вуза он неожиданно для всех перешел (не без скандала, отпустить его не хотели) в соседний цех технологом, то есть на понижение и должности, и оклада. Думаю, работал он там очень даже успешно, иначе-то чем объяснить тот факт, что вскоре его перевели в техотдел ведущим технологом, а это значило, что мечта его детства сбылась, и весь предыдущий трудный путь был пройден им не напрасно.

Впрочем, вскоре я понял, что ошибался, и путь этот был для него не столько трудным, сколько счастливым, потому как сама по себе загруженность, пребывание в водовороте кипучей деятельности было для шефа высшим благом. А он ведь еще, как узнал я чуть позже, успел и позаниматься боксом в секции при институте физкультуры, и поиграть за цеховую команду в футбол, игру, которую он любил всегда: играл и в армии, за сборную полка; играл много лет и когда работал в техотделе, за заводскую итээровскую команду. Вдобавок участвовал в художественной самодеятельности, читал стихи, был ведущим на праздниках, что проходили в заводском Дворце культуры. Тогда же и обзавелся семьей, на свет появилась дочь. В общем, это была до края насыщенная и по-настоящему счастливая жизнь, она и выковала из шефа советского человека, глубоко убежденного в том, что такой она и должна быть всегда и что лучше той жизни нет и быть не может.

Признаюсь: я абсолютно согласен с ним. То советское время, выпавшее на мое детство, на мои школьные и студенческие годы, было и для меня самым счастливым. А всё «перестроечное», свалившееся на голову позже, было неизмеримо хуже, по сути, это была не жизнь, а сплошные мучения. Мне хорошо запомнился телемост с американцами в самом начале перестройки, где их женщины говорили о своих многочисленных трудностях, о таких же, по сути, мучениях, тогда еще нам не ведомых: за всё надо платить, всё дорого, так что зарплаты постоянно не хватает, тем более что безудержно растут цены. Плати за образование, за медицину, а на детский садик уходит половина доходов матери, и не дай Бог потерять работу, сразу попадешь под давление дикого страха перед тем, что с тобой станет завтра в процессе голодного существования, и так далее, и так далее. А когда наши женщины говорили о своей жизни, о бесплатном образовании и здравоохранении, о мизерной квартплате и такой же мизерной плате за детсад, о невозможности остаться без работы, и так далее, и так далее, американки изумленно восклицали: «Да они что-то скрывают! Они обманывают нас!». Хотя скры-

вать было нечего, и никто обманывать их не собирался, а просто говорили о том, что было на самом деле, о простом и привычном для всех в той жизни, поистине счастливой. Это счастье было естественным, как воздух, и потому его даже не замечали, а значит, не могли оценить, оценили только потом, когда окунулись в жизнь иную, счастьем и не пахнущую.

И вот из той счастливой жизни, из водоворота кипучей деятельности, которая была по душе и всегда только радовала, Рекрутова швырнуло в водоворот деятельности еще более кипучей, но уже не желанной, а вынужденной, не радостной, а изнуряющей. Швырнуло в битву за восстановление порушенного, а по правде сказать, он сам, не раздумывая ни мгновения, бросился в эту битву, сначала возглавив заводской забастовочный комитет, а потом согласившись пойти на выборы в Законодательное собрание от оппозиции. Он одержал на них победу с внушительным перевесом над конкурентами — благодаря нескончаемым встречам с избирателями на дворовых площадках, у подъездов, на лестничных клетках, где неустанно, в немногих словах разъяснял свою позицию, свои цели... Но битва все-таки была неравной, ужасающе неравной, настолько неравной, что ни малейшей тени надежды на победу, по крайней мере в ближайшем будущем, не проглядывало. Где уж там было оставаться веселым, жизнерадостным!

А сколько здоровья отнимала эта битва, можно было понять по лицу шефа, темнеющему чуть не до черноты, по глубокой ложбине между его почти сросшихся бровей, по морщинам на лбу и натянутой до полированной гладкости коже на скулах, когда он с тускло горящим взглядом стоял за своим столом на заседании Законодательного собрания, ожидая шквал летевших со всех сторон выкриков депутатов от власти, которых было подавляющее большинство и агрессивность которых не собирался пресекать спикер, ведь он тоже был от власти. Но шеф стоял в безмолвном ожидании неподвижно, как монумент, на лице не вздрагивал ни один мускул, и стоило только установиться тишине, как начинал монотонно звучать его негромкий, твердый и спокойный голос: «Пора заканчивать с этим хамством. Наши законопроекты обеспечат социальную защиту нищих, которых вы называете малоимущими, но реально они сегодня просто неимущие, их больше половины населения, и каждый из присутствующих здесь народных избранников должен понимать, что им необходима эта защита, эти льготы, снижение тарифов, повышение доплат и введение новых доплат, и каждый из вас обязан отдавать свой голос «за», как нищие отдавали

за вас свои голоса на выборах...» Но «за» голосовали только депутаты от оппозиции, несколько человек, все остальные, три с лишним десятка, не только не голосовали «за», а вообще не голосовали, выражая тем самым то, о чём просил спикер, а он просил «выразить отношение», и они его выражали, и это было не что иное, как презрение — презрение, разумеется, не только к предложениям оппозиции, но и к народным нуждам. Когда же депутаты от власти выносили на голосование свои законопроекты, а они всегда были антинародными, направленными на ухудшение жизни людей (повышение тарифов, отнятие льгот и тому подобное), спикер говорил: «Прошу проголосовать за данный документ», — и все, кроме нескольких оппозиционеров, отдавали за него свои голоса.

Через всё это шефу приходилось идти, как сквозь строй под ударами шпицрутенов, и когда я видел его день ото дня мрачнейшее лицо, мне казалось, что у него, как у жильцов, оравших возле запущенной девятиэтажки, всё больше и больше накапливается зла на тех, кто, как он говорил, «до сих пор проедают то, что создано до них, и всё никак не могут проесть», но вместе с тем и никакого зла от него не исходило, во всяком случае я его не чувствовал и думал, что оно, наверное, сосредоточено где-то в глубине его нутра, недостижимо для внешнего восприятия, и потому-то от него всегда веет одним лишь спокойствием, с которым он, к примеру, время от времени констатировал: «Мы проиграли всё, все суды, не смогли провести ни одного закона в областном парламенте, но...» Дальше следовало молчание, ни единого слова за этим «но», произнесенным с многозначительным нажимом, однако любовью, кто видел его в эту минуту, мог бы без промедления закончить фразу, и звучало бы это, безусловно, так: мы не оставимся, будем продолжать до победы.

А в том, что победа придет, он не сомневался, хоть никогда и не говорил, но уж это-то я чувствовал, трясясь, например, с ним рядом в его «жигулёнке» по ухабистым дорогам подле военного городка, мимо бетонных останков боксов для боевой техники, и слушая сквозь шум двигателя его негромкий голос: «А потом ведь и это придется восстанавливать...» Мне становилось досадно от мысли: когда же оно придет, это «потом»? Когда отпадет необходимость корячиться в постоянном напряге, надирать пуп и трепать нервы в этой битве; когда, наконец, появится возможность работать и для души, писать то, что хочется писать? Это донимало не только меня, но и Каретникову, причем ее-то куда больше, ведь она так долго в своей жизни «просидела

на культуре». Но когда предлагала шефу печатать материалы о театральных постановках, фестивалях, выставках, он жестко говорил: «Мы не призваны отражать культурный слой. У нас другие задачи», — и содержание нашей газеты по-прежнему было строго выдержанное в духе «соответствующей идейной направленности».

И когда шефа первый раз положили в больницу, Каретникова в качестве исполняющего обязанности главного редактора сразу надавала мне заданий по культуре, первым делом — взять интервью у главного режиссера городского театра, куда я без промедления и отправился. А когда после интервью вышел из его кабинета, меня ждал муж Каретниковой, крупный человек с красивым лицом, обрамленным пышными русыми кудрями. Мы пошли в его просторное помещение, заставленное осветительными приборами, и за чаем поговорили. Он был очень недоволен ситуацией, в которой находилась его жена.

— Не хочу, чтобы она в этом вращалась, — говорил он, нахмуренно глядя перед собой и продолжая мешать ложечкой чай в стакане с давно растворившимся сахаром. — Не для нее это, по ней вижу... Думал устроить ее к нам администратором, но она не хочет уходить из журналистики. Я упорно ищу ей место в других газетах, но там как услышат, в каком издании она работает, сразу прекращают разговор. Не знаю, что и делать...

А я не знал, что ему посоветовать, и сидел молча, слушая его и сочувственно кивая. Наконец, он спросил, с надеждой глядя на меня:

— Может, у вас на примете есть место в какой-нибудь не политизированной газете?

Я задумался, но ответить не смог.

— Понимаю, — сказал он со вздохом. — Наверное, если бы было, давно бы сами туда перешли.

И на это я не смог ответить, хотя однозначно никуда переходить не собирался. Во-первых, из благодарности шефу, ведь он помог мне выбраться из ямы, а во-вторых... Не знаю, мне почему-то не хотелось от него уходить, просто не хотелось и всё. Что-то удерживало, несмотря на большие тяготы. Было в Рекрутове при всей его суровости и жесткости что-то располагающее, я никак не мог понять, что именно; как ни ломал голову, не мог разгадать, что же это в нем такое, что ускользает от понимания, но, очевидно, составляет его главную человеческую суть.

— Вы не расстраивайтесь, Николай Никодимович, — сказал я на прощание мужу Каретниковой. — Всё-таки у Тама-

ры Васильевны работа по специальности, а значит, как ни крути, по душе. А теперь она еще и в культуру возвращается!

Но возвращение это было недолгим. Отлежав месяц в больнице, Рекрутов вышел на работу, просмотрел все номера, которые мы выпустили в его отсутствие, и недовольно сказал:

— Похоже, газета стремительно превращается в театральную.

И здорово порезал все материалы по культуре, которые мы написали в задел. Меня это не очень огорчило, а Каретникову ударило сильно. Она сразу поскуичнела, стала гораздо молчаливей, и когда к зданию подъезжал вишневый «жигуль», бросала в окно быстрый взгляд и что-то тихо и неприязненно шептала (один раз я напряг слух и расслышал: «Яви-ился...»)

После больницы Рекрутов немного похудел, но в целом оставался всё тем же деловитым, подвижным, с головой погруженным в дела шефом, так что и трудно было поверить, что у него начались серьезные проблемы со здоровьем, о чем он ни словом не обмолвился, но мы узнали об этом от его соратников и решили: надо бы ему снизить нагрузку, а еще лучше вообще прекратить, выйти из борьбы. И даже попытались сказать ему об этом, но он сразу отмахнулся — резко, категорично, будто отрезал: не обсуждается! И продолжал свое, не только не снижая нагрузку, а наоборот, наращивая ее, выдавая новые и новые идеи, результатом которых стала наша аккредитация в областном управлении внутренних дел, в прокуратуре, на таможне, где-то еще. Когда он высказывал это на планерке, Каретникова вставила:

— А что, если нам заодно аккредитоваться и в музыкальном театре?

И смотрела на него насмешливо, явно ожидая отказа. Но шеф, сначала вздрогнув, замер, чуть подумал и кивнул:

— Давайте.

У Каретниковой от удивления открылся рот.

— Чем больше аккредитаций, тем лучше, — добавил шеф. — Только учтите: все материалы должны быть выполнены под нашим углом.

Рот Каретниковой мгновенно закрылся, и она, усмехаясь, сказала, как бы продолжая:

— В духе соответствующей идейной направленности...

— Именно так, — оборвал ее шеф с подчеркнутой серьезностью, что, конечно же, было ответом на ее иронию.

В общем, он продолжал гнуть свою линию, твердо, уверенно, напористо, неустанно стремясь вносить свой вклад в победу, которая, он знал, обязательно будет. Но победить свой недуг он не мог. Вскоре его опять положили в больницу, на

какую-то химиотерапию. После нее он с полгода чувствовал себя нормально, работал на подъеме, потом недели на две ушел на больничный, вернувшись, вновь ринулся в работу, с какой-то уже и жадностью, и на следующий день, правя материал за своим столом и одновременно разговаривая с нами, вскользь бросил:

— Есть у меня еще одна мысль, но этим займемся, когда пролечусь.

И на осторожный вопрос Каретниковой ответил:

— У меня опять всё пошло на ухудшение, опять ложусь в больницу.

Он произнес это спокойно, будто не о нем шла речь, лишь чуток досады послышалось мне в его голосе, но уже в следующее мгновение он оживленно говорил о чем-то другом, продолжая внимательно пробежать взглядом по тексту, временами что-то вычеркивая и делая пометки на полях.

Месяца через полтора он вернулся еще более похудевшим, но энергии и жадности деятельности в нем не убавилось. Он сходу загрузил нас новыми заданиями, перечитал все материалы «из портфеля» и те, что шли в номер, и внес в них, разумеется, свою правку. Шеф руководил и весенним субботником, на котором нам поручили убрать территорию с наружной стороны здания. Было тепло и солнечно, и мы работали в своей старенькой летней одежде, подметали асфальт, прочесывали граблями газоны, сыпали лопатами прошлогоднюю листву в ведра и уносили во двор, в мусорный контейнер. В одну из таких ходок шеф вернулся не только с пустым ведром, но и с кувалдой, которую, видимо, попросил в гараже у шоферов.

— Надо это засыпать, — указал он на просторную впадину в разрушенном асфальте, возле которой впритык к бетонному забору стояли его вишневые «Жигули». — А то в дожди опять будет огромная лужа.

Он набросал в эту впадину крупных кусков битого кирпича из большой кучи возле того же бетонного забора, а потом начал крушить их кувалдой. Картина была впечатляющая. Шеф в красной футболке с эмблемой спортивного общества «Труд» и в синих шерстяных штанах от «олимпийки», держа кувалду в правой руке, лихо взмахивал ею и прицельно обрушивал на кирпичный обломок, разбивая его в крошки, тут же перекидывал кувалду в левую руку и обрушивал на другой обломок, а потом брал кувалду двумя руками и, вскидывая ее над головой, как дровосек, бил по разным обломкам подряд много раз. Он делал это увлеченно, даже самозабвенно. Лицо его густо запунцовело, на лбу вздулась толстая жила.

Короткие рукава футболки, когда он заносил кувалду над головой, соскальзывали на плечи, обнажая крепкие мускулы.

Мы с Каретниковой подошли к нему и с полминуты наблюдали, потом я сказал:

— Давайте смену.

— Не надо, — ответил он и нанес новый сокрушительный удар. — Заканчивайте с газонами.

— Мы уже закончили. Дайте мне, пожалуйста, кувалду.

Но он, не слушая, продолжал долбить. Каретникова спросила с усмешкой:

— Вы, Владимир Иванович, случайно функции молотобойца не исполняли?

— Приходилось, — отвечал Рекрутов, круша и круша кирпичные обломки. — На практических занятиях в вузе.

Тут меня позвал вышедший из здания на крыльцо учредитель, молодой массивный человек, смугловатое лицо которого выражало в этот момент дикую свирепость.

— Вы ш-што ш это, — зашипел он тихо, когда я подошел к нему, — своего редактора так эксплуатируете? Он же большой человек!

— Да кто его эксплуатирует? — возразил я. — Он сам...

— Заберите у него немедленно кувалду!

— Не отдает. Я пытался.

Учредитель немного подумал, глядя на взблескивающую на солнце никелированную рукоять кувалды в руках Рекрутова, на летящие в разные стороны осколки кирпичей, и сказал:

— Тогда вот как сделаем. Я позову его сейчас, а вы кувалду спрячьте.

И сказал громко:

— Владимир Иванович, прервитесь, пожалуйста. У меня к вам срочное дело.

Шеф нехотя положил кувалду, снял черные рабочие рукавицы и, зажав их в одной руке, а тыльной стороной другой руки отирая пот со лба, пошел за учредителем в здание.

Схватив кувалду, я быстро понес ее во двор, а стоявший у ворот активист Геннадий Иванов в красной каске и в коричневой рабочей спецовке с отбойным молотком в руках сказал мне, широко улыбаясь:

— Ты шоферам-то ее не носи, чё. Найдет.

— А где не найдет? — спросил я, приостанавливаясь.

— В дворницкой, чё. Хотя и там может найти...

Я унес кувалду в помещение дворничихи тети Даши и попросил спрятать ее под ветошью. А когда вернулся, шеф уже

стоял возле впадины с недоразбитым кирпичом и строго спрашивал:

— Где кувалдометр?

— Забрали, — сказал я.

Он быстро направился во двор, размахивая руками. Под красной футболкой двигались его острые лопатки. Глядя ему вслед, Каретникова, в зеленой тенниске и серых джинсах, оперев руки в бока, цыкала языком и с досадой говорила:

— Ну, не может он по-другому...

Активист Иванов, загородив в воротах дорогу шефу, сказал со своей широкой улыбкой:

— Да ее... чё... увезли, Иваныч... Вот сейчас только «уазик» выехал, чё, а она им на той территории, видать, нужна, они и взяли...

Шеф насупился и постоял молча, оглядывая убранный территорию, затем махнул нам рукой и буркнул:

— Закончили.

И с недовольным видом, ссутулившись, пошел в здание... На другой день его снова положили в больницу. И потом несколько месяцев, до середины сентября, так и чередовалось: то он работает, то лежит в больнице. Шеф менялся на наших глазах. Менялась его внешность, он всё больше худел, лицо становилось заостренным, руки костлявыми, а спина сгорбленной. Менялся и его характер. Жизнь со всей ее беспощадностью превращала шефа из выдержанного, уравновешенного и корректного в раздражительного, порой теряющего над собой контроль.

Благо, летом у него были депутатские каникулы, и ему не приходилось ни заседать в Законодательном собрании, ни вести прием избирателей. Но в редакции он находился постоянно, если, конечно, не лежал в больнице, и работать с ним становилось всё тяжелей. Он перестал слушать других, на всякое возражение выкрикивал: «Будет так, как я сказал! Я веду газету! Всё!» Однажды он крикнул: «Я ничего не боюсь!» — хотя ему никто и ничем не угрожал, однако в том, что он и в самом деле ничего не боится, можно было не сомневаться. Если мы продолжали возражать ему, он вскидывал вверх руки и кричал: «Стоп! Сто-оп!» — а потом, прежде чем заговорить, довольно долго сидел в нависшей тишине, глядя перед собой, и губы его раз за разом то сжимались, то разжимались, издавая звуки, похожие на звуки капающей воды. И было понятно, что это хворь морочит его, и надо терпеть.

Но я не вытерпел. Он изменил первое предложение моего большого материала, и получился грубый ляп. Я пытался объяснить, но он только отмахивался и кричал:

— Закончено! Всё!

Ладно бы это было в середине текста, где не так заметно, но в первой фразе... Я уперся. И крикнул:

— Тогда работайте без меня!

Он крикнул в ответ:

— Справимся!

Я крикнул:

— Мы с вами расстаёмся!

Он ответил уже мне вслед:

— Мы еще и не встречались!

И этим взбесил меня еще больше. Я хлопнул дверью.

А потом, поостыв, пожалел об этом. И не столько даже от того, что теряю работу из-за какого-то ляпа, сколько от того, что уронил себя до ругани с человеком, заслуживающим лишь сочувствия, но никак не проявленной мною злой несдержанности. Мне стало стыдно, и я готов был пойти и извиниться перед шефом, но поскольку все-таки в той стычке объективно был прав, и извиняться мне было не за что, решил пока подождать.

На третий день мне позвонила Каретникова и сказала:

— Выходи на работу. Он опять в больнице, с последующим... Ну, сам понимаешь... Срочно приезжай!

И я продолжил работать. А когда через несколько дней вышел свежий номер газеты, Каретникова сказала ответсекретарю:

— Думаю сегодня съездить в больницу, отвезти ему газету.

— Конечно, надо проведать шефа, — согласилась ответсекретарь. — Я тоже поеду.

— Нет, вам бы лучше остаться на газете, — нерешительно проговорила Каретникова. И покосилась на меня: — Вячеслав Юрьевич, конечно, не поедет...

— С чего ты взяла? — слегка даже возмутился я, вскидывая на нее взгляд. Для меня съездить к шефу, что бы там ни произошло между нами, было делом обязательным. И я твердо сказал: — Поеду.

— Ну вот вдвоем и съездим, — с облегчением сказала Каретникова. — Тогда надо...

— Понял. — Я встал я из-за стола и пошел в гараж заказывать машину.

Вскоре мы ехали на служебном «Москвиче» на окраину города, к огромному зданию клинического онкологического диспансера. Дорогой почти не говорили. Мне и не хотелось говорить. Да и думать ни о чем не хотелось. Как-то пусто было на душе. В здании мы долго искали нужную нам палату, наконец, нашли — в дальнем конце, на пятом этаже. Но

когда вошли в нее, шефа не увидели. Было там четверо пожилых людей в полосатых пижамах, которых я бы и за больших не принял, если б встретил их где-нибудь в другом месте. «Но ведь и шеф, — подумалось мне, — еще не так давно не выглядел больным...» И тут же я почувствовал легкий дружеский хлопок по плечу. Обернулся и увидел шефа. Он почти следом за нами вошел в палату: выходил куда-то. И от его дружеского хлопка, от последовавшего за ним крепкого рукопожатия, будто и не было у нас никакого раздора, пустота в моей душе мгновенно заполнилась хорошим теплым чувством, и до меня вдруг дошло, что же это такое было, ускользавшее от понимания, но составляющее главную человеческую суть шефа. Всё оказывалось на удивление просто: *в нем никогда не было зла*. Позже я пойму, что сделал для себя самое настоящее открытие, а в те мгновения, когда шеф пригласил нас жестом и, как всегда, легко и быстро пошел к кровати у окна, шел за ним и думал: «Да, так и есть, — всё, что делал он в своей жизни, шло от добра и направлено было на добро». Помню, как защемило у меня на сердце, и что-то горячее подступило к горлу. Шеф сел на кровать, указал Каретниковой на кровать напротив, и она села на нее, а я сел на стул, стоявший у окна меж спинок кроватей. Каретникова достала из сумки кипу свежих газет, не меньше двух десятков (столько обычно шеф брал в редакции, а потом раздавал людям везде, где бывал).

— Вот спасибо, — сказал он, принимая эту кипу, и сразу встал, прошел по палате и вручил по экземпляру всем четверым, и они сразу зашуршали, начали читать, а он вернулся и, садясь на кровать и кладя рядом газеты, сказал: — Остальные раздам позже в другие палаты.

И взял одну газету и стал ее просматривать. А я разглядывал его. На нем была не полосатая пижама, а синяя спортивная майка с коротким рукавом и новенькие черные спортивные брюки. Шеф похудел неимоверно. В изрядно отросших волосах не было пробора, он был взлохмачен, мы видели его таким впервые. Костяк лица шефа вверху оставался широким, а внизу превратился в острый клинышек. Кисти его рук казались несоразмерно большими, потому что сами руки были очень тонкими, из коротких рукавов майки выглядывали кости, обтянутые кожей, на них не было и следа тех крепких мускулов, которые мы видели, когда он крушил кувалдой кирпичи. Внешне это был уже не шеф, а лишь его подобие, его изувеченная болезнью оболочка. И все-таки в этой оболочке в полной сохранности продолжал жить мужчина в лучшем понимании этого слова. Его тускло мерцающий

взгляд, которым он просматривал газету, был по-прежнему внимателен, а в голосе, все таком же спокойном и негромком, звучала прежняя жесткость.

— Острота, я смотрю, остается прежней, — говорил он. — Социальность тоже. Молодцы, выдерживаете нашу линию... А тут что? Опять театр... М-да... Н-ну, правда, это... — вчитавшись в текст, потер он подбородок, — под нашим углом, да. О попытках уничтожить репертуарный театр — это серьезно. Я думаю, надо бы на эту тему взять интервью у какого-нибудь заслуженного артиста.

— Большое? — спросила Каретникова.

— Да хоть на полосу! И хорошо, если артист поимпровизирует, позубоскалит... У нас был случай, меня попросили прочитать на вечере басню одного заводского самостийного поэта. А в ней — барсук, и я подумал: хорошо бы в этом барсуке отобразить нашего зама директора, махровый был бюрократ! И я рассказал эту басню наполовину своими словами, поэт даже слегка обиделся, зато все поняли, о ком речь, и долго хохотали... М-да... Видно, убедительно получилось...

— Да ты вообще убедителен, Владимир Иванович! — сказал один из госпитализированных, на вид моложе остальных, лет пятидесяти, и даже с прической модной среди молодежи: голова почти полностью лысая, точнее, в стерне волосков пшеничного цвета, и только надо лбом жидкий чубчик дугообразными волосинками. — Меня-то уж, во всяком случае, убедил. Буду голосовать за ваших!

Я заметил, что все четверо соседей по палате хоть и читали газеты, но всё время поглядывали на шефа и внимательно его слушали.

— Я тоже, — сказал другой, не иначе работник какой-то творческой сферы: волосы до плеч, вперемешку черные и седые; под живыми, всё что-то наблюдательно выискивающими глазами большие мешки, а на рукаве пижамы сверху — золотистая булавка в форме скрипичного ключа. — Пока здесь с тобой нахожусь, многое понял.

— А я и раньше понимал, — обращаясь к нам с Каретниковой, сказал третий, белоголовый и сухонький. — Но ваш редактор это понимание углубил. Он, кстати, и в других палатах многих на свою сторону перетянул. Жаль вот только, Антоныч пока не может созреть, — кивнул он на четвертого, с лысой большой головой и густыми рыжими бровями. — Но процесс-то идет? — посмотрел он на Антоныча.

Тот, слегка скривив рот, сделал замысловатый жест рукой возле уха: мол, вроде идет.

— Он на последней стадии созревания, — сказал длинноволосый.

И все, кроме шефа, погруженного в газету, засмеялись. В этом смехе мне послышался всхлип. Я быстро взглянул на Каретникову, но увидел только, что она смеется несколько нервным смехом.

— Мне бы хотелось, — сказал шеф, отрывая взгляд от газеты и поднимая его на Каретникову, а потом переводя на меня, — чтобы кто-то из вас сходил на завод электроприборов и побеседовал с кем-нибудь из руководства. Они, насколько я знаю, тоже на последней стадии, только отнюдь не созревания. И еще я бы хотел...

Шеф продолжал говорить, а мы слушали, пока в палату не заглянул молодой врач во всем белом и в очках с золоченой оправой.

— Владимир Иванович, зайдите, пожалуйста, ко мне, — сказал он.

Когда мы вышли в темноватый коридор, шеф нам шепнул как бы по секрету:

— Это насчет моей выписки на завтра. Ну, всего, — кивнул он Каретниковой и пожал мне руку.

И пошел следом за врачом. На ходу оглянулся и, вскинув над головой руку, добавил:

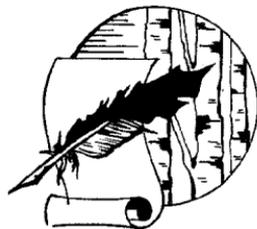
— Не теряйте оптимизма!

И улыбнулся. Все-таки успел я увидеть, как он улыбается.

Выйдя из этих стен, небогатых светом, я жмурился от желтоватого, еще высокого солнца. Шагая к машине, смотрел сквозь посверкивающий паутинками воздух на картофельные поля, где орудовали лопатами люди, а подальше полз, рокоча, трактор; смотрел в бескрайнюю бушующую жизнь, в которой мне предстояло пребывать еще долго и только в борьбе, так я решил в тот момент. И хотел сказать об этом Каретниковой, когда мы уже сидели в летящей вперед машине, но не сказал, и лишь, сглатывая горечь, искоса поглядывал на ее лицо в медленно текущих слезах и слушал, как она с хрипотцой в голосе произносит:

— Ну вот и провели планерку... Последнюю... с шефом...

г. Омск

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

ПО БЕЛОМУ — СИНИМ

СТАРЫЙ ДУБ

Ты помнишь этот старый дуб,
К которому плечом припала...
Упал его древесный труп,
Да только память не пропала.
Уже разрушилась страна,
Война пришла по наши души, —
Судьба по-прежнему странна...
Но память сердца не нарушить!
Ты прикоснулась и ушла —
Пусть мы не обладаем речью,
Но плоть древес и их душа
Страдают болью человеческой.
И от обид, и до обид,
От чудного того мгновенья
Лежал он, молнией разбит,
Но помнил то прикосновенье...
Обломки после увезли
И дуба старого не стало...
Но зелень встала из земли
И тень на травах трепетала...

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Поедем в парк в вечерний час,
Он без тебя грустит в опале,

Покуда листья не опали,
В ту рощу, что венчала нас,
Где каждый дуб и каждый вяз
Нас помнят в молодости нашей...
И всей листвою своей опавшей,
В которой тихий шаг увяз,
Нас поминают, сыплют вслед,
Хотя листвы былой уж нету,
Осин багряную монету,
Благословляя этот свет...
Поедем в парк в вечерний час,
Он без тебя грустит в опале,
Пока снега ещё не пали
И птичий не растаял глас...

РОЖДЕСТВО

Опять в больнице день-деньской
Не пишется, не пашется...
В окошко пялишься с тоской,
Жуёшь пустую кашницу..

А за окошком жизнь как жизнь.
Закрыты плотно рамы.
И смерть как смерть идёт, — держись! —
По всем законам драмы.

И Ирод войско шлёт на вы —
Детей и жён не милует.
А по холмам идут волхвы
Под бомбами, под минами...

Ещё последний переход...
Народ в пещерах кроется.
А Ирод по кварталам бьёт —
Никак не успокоится.

В вертепе родился Христос... —
Бомбят, бомбят пещеры...
И так уж это повелось
С начала нашей эры.

МОЛИТВА

Я помню, как давно, при Брежневе,
Своей не ведая вины,
Молились бабки наши прежние:
«Лишь только б не было войны!»
И вот оно теперь покоится,
То поколение бабушь...
И кто теперь за нас помолится,
Кто от греха отмоев Русь?
Искупит всё, что мы наделали
И что не сделали в свой срок —
Вновь переделится наделами
И память свяжет в узелок!
А то дорогою проторенной
Опять воротится война,
И злые шестерни истории
Смолотят наши имена.

ШЕСТОЕ ИЮНЯ

Что рассказать вам, ребята, про Пушкина?
Каждая строчка сквозь сердце пропущена.
Русскою речью, судьбой человечью,
Всем, что случилось над Чёрною речкою,
Всем, что в России свершится и свяжется,
Всем, что споётся, и всем, что расскажется...
С Пушкиным связано, как пуповиною, —
Первой любовью и мукой повинною...

ЛЬВЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Слыхали ль вы, видали ль вы:
Когда погаснут окна в залах,
То с постаментов сходят львы
Пугать прохожих запоздалых.
Их сотни две на водопой
К Неве спускаются игриво...
А днём, недвижны под рукой,
Склоняют каменные гривы...
Они изсечены из скал —
Ши-дза, грифоны, сфинксы, львицы...

И кто их днём не приласкал,
Тот ночью может поплатиться...
Да... наводнений, бунтов, бурь
Они свидетелями стали...
Ночь коротка, плывёт лазурь...
И львы спешат на пьедесталы.

* * *

Давай нарисуем планету,
Где нету ни войн, ни забот...
Другую, конечно, не эту...
Звезду и волхвов хоровод!

Там в каждой чудесной избушке
И верят, и любят, и ждут...
И чудные сны под подушки
Друг дружке с любовью кладут...

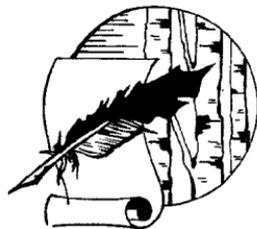
Давай нарисуем колядки,
Как ангел в оконце крылом...
Как будто бы всё по порядку,
Взаправду оно за окном...

Давай нарисуем планету
Без хворей, обид и разлук...
А нашу, родимую... эту... —
Не выпустим всё же из рук.

Пусть где-то худое пророчат —
Не помнят, не любят, не ждут —
Строки неразборчивый почерк
В конверте давно не несут...

Давай нарисуем Россию
И в сердце её сохраним...
Как ангел, по белому — синим:
Дыханием чутким твоим...

г. Санкт-Петербург

Виктор КАРПУШИН

СНЕГА И ЗЕМЛЯ ЗА ХОЛМОМ

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Железнодорожная линия.
Дорога. Подтёки песка.
Плывёт белоснежная лилия,
Да нет — над водой облака.

Мне ангелы тут не встречаются,
Всё больше — угрюмый народ...
Рассохлись мосточки, качаются,
Мотив угадаешь с трёх нот.

Знакома здесь каждая трещина,
Но сердце почти не болит...
И колокол на Благовещение
По всем непутёвым звонит.

ПОЕЗДКА

Немодное пальто дождём пропахло,
На остановке сумрачный народ.
Ползёт маршрутка, словно черепаха,
И всё, что будет — ясно наперёд.

Сквозь турникеты выйдем на платформу,
Потом зайдём в вагоны. У окна —
Случайный блик, похожий на икону,
Напомнит то, что жизнь не так длинна.

Что до конечной — девять остановок,
Ну а потом, в вокзальной суете
Вдруг осознаешь: путь смертельно тонок,
Как будто паутинка на кресте.

* * *

И вилы, и вода, и редкие русалки,
И мутная луна над медленной рекой.
Уснули соловьи, давно затихли галки,
Вот так проходит жизнь, и воля, и покой.

Осталось ворожить, но это — выбор ложный,
Попробуй, измени, неясный ход времён.
И дальний огонёк, и холодок по коже,
Определяют путь, забвение и сон.

Как будто нет тоски, а только лёгкий сумрак,
Но так ли уж легка калитка в старый двор?
И я иду сквозь сад, хрустит тропинки сурик,
Где лебеда вплелась в калитку и забор.

А расплести траву получится не скоро.
Когда ещё в свой срок нагрянут холода?
Ущербная луна, забубрины забора,
Русалочий затон, и вилы, и вода.

* * *

Присохнет листик к ржавому ведру,
Сольётся с ветром пёрышко жар-птицы.
Не обращаюсь к апостолу Петру,
Зачем ему тоска и небылицы?

Полно забот — и сад, и огород,
Да и в лесах давно пошли опята.
Пусть пёрышко упавшее плывёт
По тихой речке, где в затонах злато.

Где в яме притаился водяной.
Чего он ждёт, надеется на случай?
А я достану хлебушек ржаной —
Что может быть от дум печальных лучше?

* * *

Переплети пырей и подорожник,
Убереги лампаду и свечу.
Зимой суровой солнышко дороже,
Когда преград достаточно лучу.

Когда не знаешь, что случится прежде,
Когда стучится неизвестно кто...
Сосед привычно правду-матку режет,
Не запахнув отцовское пальто.

Ему неведом гардероб Версаче,
Дожить бы только до времён, когда
Проклонится трава на старой даче
И станет слаще талая вода.

* * *

Не разглядеть ни избранных, ни званых,
На сумерки сердиться ни к чему.
Стоят церквушки в Суздалях, Рязанях,
Лампадами просвечивают тьму.

Никто не знает, сколько будет длиться
Угрюмая осенняя пора.
Промокшая задумчивая птица
В канаве ищет зёрнышки с утра.

А я ишу единственную стёжку,
Ведущую неведомо куда,
Где запекают ангелы картошку
И замерзает в сумерках вода.

* * *

Шурша листвою, сумей расслышать холод,
Который пробирается в дома.
Иголками сосны туман приколот
К заборам огородов. Бахрома

Растрёпанной ботвы не так изящна,
Как мёртвые осенние цветы.
Два мужичка, присевшие на ящик,
В своих желаньях искренно просты.

Согреться бы, постичь скупую горечь
Того, что приключилось и пройдёт...
...Валяется от бочки ржавый обруч
И застекляет лужу первый лёд.

* * *

Посыплю четверговой солью
В снегу забытые следы.
Потом калитку приоткрою,
Впущу предчувствие беды.

Пойду туда, где лес исхожен,
Где есть надежда на приют,
Где чёрный ворон насторожен,
Где никогда не предают,

Где неизменно предлагают
Раскрошенный сухарь ржаной,
Где ветры поутру рыдают
И не хотят судьбы иной.

* * *

Не обойти окрестных пустырей
За хмурый день, уж больно он короток.
Здесь почернели пижма и пырей,
Засохли на краю сиротских соток.

Заброшенность — не повод для тоски,
Бывает и тоска глотком целебным.
Дымы от новостроек далеки,
Восходит солнце над лесистым гребнем.

Не расчесать туманы над рекой,
Запутались упрёки и обиды.
Таковыми стали воля и покой
В пределах захолустной Атлантиды.

* * *

Под вечер спокойнее птицы,
Прислушивается тростник,
Стекает вода с черепицы,
Смолит самокрутку старик.

Какая-то странная благодать,
Неслышная поступь беды,
Когда ежевика не в радость
И не обойти лебеды.

Уснёт стрекоза на скамейке,
Моргнёт электрички окно,
Где едут варяги и греки,
А едут куда — всё равно.

Дорога предписана свыше,
Изменчив малиновый блик.
И капает, капает с крыши,
Прислушивается тростник.

* * *

Рогожа грубого бурьяна,
Лампада в слюдяном окне.
Россия верой осияна,
Освящена в святом огне.

Снега под Новый год просели,
Подтаяли на склоне дня.
Но бесшабашные Емели
С усмешкой смотрят на меня.

Над лунками сидят привычно,
И ничего, что тонкий лёд!
И ты не знаешь, что первично:
Отвага, удаль иль расчёт?

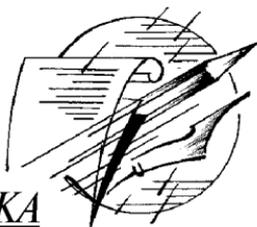
Аршином общим не измерить,
Заморским не понять умом,
Как можно беззаветно верить
В снега и землю за холмом.

г. Балашиха Московской обл.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Проект ликвидации денег

Еще 29 июня 2021 года на сайте российского Центробанка (ЦБ) появилась информация о том, что Сбербанк, ВТБ и еще десять банков примут участие в тестировании цифрового рубля, которое начнется в январе 2022 года. Для меня эта новость стала поводом подумать о том, что скоро, вероятно, в России вообще не будет денег. Почему? Начну издали. В истории нашей страны была попытка покончить с деньгами раз и навсегда. Это было во времена так называемого военного коммунизма — политики, которую большевики проводили в 1918—1921 годах. Они руководствовались положениями классиков марксизма об отмирании денег при коммунизме. И стремились ускорить приближение коммунизма путем перехода к прямому распределению продуктов труда и сворачивания товарно-денежного обращения. Наркомат финансов (казначейство) выпускал денежные знаки (совзнаки), которые стремительно обесценивались. Власти пришли к выводу, что лучше организовать прямое распределение жизненно необходимых продуктов и предметов, полностью отказавшись от денежных знаков. Г.Я. Сокольников

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

(нарком финансов в 1922—1926 гг.) в связи с этим писал: «В области денежного обращения эпоха военного коммунизма дала ориентацию на полную ликвидацию денег, на организацию безденежных расчетов, на прямое распределение производимых ценностей» (Сокольников Г.Я. Наша финансовая политика. М., 1995. С. 314—315).

Реформы «военных коммунистов» зашли так далеко, что 19 января 1920 года был упразднен Центробанк, который назывался Народный банк РСФСР (почти полтора года страна существовала без Центробанка). В.И. Ленин провозгласил лозунг «Учет и контроль». Это означало, что надо проводить прямой учет и контроль, с одной стороны, участия каждого советского гражданина в труде; с другой стороны, его доли в потреблении созданного трудом общественного продукта. Для учета труда вполне годилась такая единица измерения, как количество отработанных часов и дней. Для учета потребления — граммы, килограммы продуктов питания, единицы (скажем, коробок спичек), метры (скажем, тканей) и т.п. Долго эксперимент со сворачиванием товарно-денежных отношений не продержался. Ожидаемого коммунизма не получилось. В 1921 г. начался переход от политики военного коммунизма к так называемой новой экономической политике (НЭПу).

А теперь перенесемся в наше время. Во всем мире начались радикальные изменения, получившие название «Великая перезагрузка». Суть их описаны в книге Клауса Шваба «COVID-19: Великая перезагрузка» (вышла в свет в июле 2020 г.). Целью этой перезагрузки, как отмечает профессор Шваб, является переход общества от нынешнего «дикого», «несправедливого» и «жестокоего» капитализма к так называемому «инклюзивному капитализму». Я не буду описывать подробно модель этого «инклюзивного капитализма», при желании всё это можно найти в моей книге (Катасонов В. Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. М.: Книжный мир, 2021). Если говорить совсем простым языком, то «инклюзивный капитализм» Шваба — реинкарнация того военного коммунизма, через который прошла Россия в 1918—1921 годах. Но тогда было три года, а у Шваба — навсегда. Тогда лишь — одна Россия, а у Шваба — весь мир (естественно, не исключая России).

Клаус Шваб лишь мельком упоминает «цифровую валюту» как инструмент «Великой перезагрузки». А между тем «цифровая валюта» призвана заменить нынешние деньги — как наличные, так и безналичные. А для чего? Чтобы потом вообще отменить деньги. В «дивном новом мире» «инклю-

живного капитализма» деньги будут не нужны. И даже опасны для тех, кто собирается править «дивным новым миром».

Решил не отставать от них и Банк России, который подготовил и обнародовал доклад: «Цифровой рубль». И вот уже следующий серьезный шаг Банка России: на сайте российского ЦБ появилась информация о том, что Сбербанк, ВТБ и еще десять банков примут участие в тестировании цифрового рубля, которое начнется в январе 2022 года и будет проходить в несколько этапов на протяжении всего года: на первом этапе планируется опробовать эмиссию цифрового рубля и еще ряд операций. Тогда же первый зампред Банка России Ольга Скоробогатова в интервью телеканалу «Россия 24» раскрыла некоторые подробности: «На первом этапе с января мы планируем в тест запустить эмиссию цифрового рубля, переводы между физическими лицами и взаимодействие клиента, банка и платформы цифрового рубля. На втором этапе, также в 2022 году, мы планируем, что мы сделаем пилот по оплате товаров и услуг, то есть когда физическое лицо оплачивает юридическому лицу, и дальше уже вместе с банками выберем следующую этапность».

Также она оценила, насколько Россия готова к тестированию цифрового рубля в сравнении с зарубежными регуляторами. «Наша готовность к концу этого года, на мой взгляд, оценивается как достаточно высокая, и мы точно идем строго по плану, который мы обсуждали в рамках концепции», — заключила Скоробогатова.

Если вы зайдете на официальный сайт Банка России, то там найдете очень и очень много информации, посвященной цифровому рублю. В основном информация технического характера. Но 99,9% наших граждан так и не понимают, зачем нам цифровой рубль. Неглинка отвечает на подобные вопросы следующим образом: цифровой рубль станет третьим видом денег наряду с нынешними наличными и безналичными рублями. Наиболее пытливые пытаются понять, зачем нам третий вид денег. Вполне ведь хватало и двух видов денег. Может быть, Банку России лучше сконцентрироваться на том, чтобы навести порядок в обращении уже существующих видов денег? Тут, как говорится, «непаханая целина».

Таким наиболее «непонятливым» Банк России в упомянутом выше докладе отвечает: введение в оборот цифровых рублей приведет к снижению транзакционных издержек для потребителей, росту конкуренции среди банков и борьбе за клиента. Подобные объяснения цели разработки и введения в обращения цифрового рубля не проясняют, а, наоборот, еще

более затуманивают. И не случайно. Истинные цели скрываются.

Но о них можно узнать по материалам из китайских источников, где Народный банк Китая уже далеко продвинулся в реализации проекта «цифрового юаня» и детали его уже скрыть невозможно. Кое-что можно почерпнуть из материалов по проектам «цифрового доллара» и «цифрового евро». А также из материалов Банка международных расчетов (БМР) в Базеле; БМР считается центром, где формируются методология и идеология официальной цифровой валюты.

Во-первых, цифровая валюта призвана заменить в кратчайшие сроки наличные деньги. Вытеснение наличных денежных знаков из мира денег идет давно, но, как считают представители мировой элиты (типа Клауса Шваба), крайне медленно. Этому сопротивляются простые граждане, небезосновательно считающие, что наличные деньги гарантируют хоть какую-то свободу, избавляют человека от контроля со стороны Большого Брата. Цифровая валюта призвана нанести окончательный, смертельный удар по наличным деньгам. Китайцы где-то года два назад честно признались, что их цифровой юань призван заменить наличные деньги. Впрочем, эту страшную тайну можно найти и в материалах БМР, но эти материалы широкие массы трудящихся, как известно, не читают.

Во-вторых, цифровая валюта несет смертельную угрозу и обычным банкам, которые мы привыкли называть «финансовыми посредниками». Они являются промежуточным звеном между миллионами физических и юридических лиц и ЦБ. Коммерческие банки являются эмитентами почти всей массы безналичных денег (их объем в любой стране превышает объем наличных денежных знаков в несколько раз). В тех моделях цифровой валюты, которые разрабатываются БМР, для всех физических и юридических лиц (т.е. миллионов и десятков миллионов) предусматривается открытие счетов цифровой валюты в самом ЦБ. Миллионы и десятки миллионов физических и юридических лиц попадают под прямой контроль ЦБ. ЦБ и призван стать «недреманным оком» «Большого Брата». А коммерческие банки становятся «пятым колесом в телеге». Безналичные деньги, которые создавались коммерческими банками, уйдут в небытие вместе с самими эмитентами таких денег. Может быть, какие-то коммерческие банки и выживут, но не как самостоятельные субъекты денежного мира, а станут подразделениями ЦБ, выполняющими исключительно технические задачи («учет и контроль» обращения «цифровой валюты»).

В-третьих, цифровые деньги, которые заменят нынешние наличные и безналичные деньги, будут иметь ограниченные функции. Об этом откровенно заявил Народный банк Китая. Они сохранят функции меры стоимости, средства обмена и средства платежа, но будут лишены четвертой функции — средства тезаврации (накопления). Как было сказано, срок действия выпущенного в обращение цифрового юаня будет ограниченным. Он будет «таять» (дисконтироваться) и в какой-то момент прекращать свое существование. Сберегать и накапливать деньги с помощью цифровой валюты будет невозможно.

Можно продолжать и дальше (в-четвертых, в-пятых и т.д.). Но хочется сказать самое главное. То, чего мы не сможем найти даже в документах БМР, но что между строк читается в книге Клауса Шваба. Раз деньги в эпоху «цифровых валют» теряют свою функцию накопления, следовательно, невозможно и накопление капитала. А без накопления капитала не может быть и привычного нам капитализма. Именно об этом и говорит на «птичьем языке» профессор Шваб. И это новое общество, где уже не будет капитала, — он называет «инклюзивным капитализмом».

И уже, конечно, в таком обществе «инклюзивного капитализма» денег не будет. Будет действовать принцип «Учет и контроль», причем в режиме онлайн («Большой Брат следит за тобой»). Отдаленно этот «дивный новый мир» с его «учетом и контролем» напоминает то, что переживала наша страна в годы военного коммунизма. Но только отдаленно. Тогда не было такого электронно-цифрового концлагеря, который выстраивается и достраивается на наших глазах. Тогда военный коммунизм просуществовал лишь три года. Сейчас «военный инклюзивный капитализм» строится надолго или даже навсегда.

Итак, для продвижения проекта «цифрового рубля» Банк России использует набор пустых фраз: мол, «цифровой рубль» что-то улучшит (качество финансовых услуг), уменьшит (транзакционные издержки), снизит (риски потери денег), увеличит (финансовые возможности), ускорит (проведение платежей и расчетов), облегчит (доступ к финансовым услугам) и т.п. Как мне кажется, сами сотрудники Банка России до конца не понимают, что они озвучивают. Пустая болтовня! Вполне вероятно, что их используют втемную какие-нибудь неизвестные дяди из БМР, которые понимают истинные цели внедрения цифровых валют.

Цифровой рубль нужен лишь для достройки электронно-цифрового концлагеря. Как только он будет достроен, то циф-

ровой рубль будет отменен. В концлагерях, как известно, деньги не нужны. И даже строго запрещены.

Центральный банк РФ продолжает землю носом рыть и продвигать проект цифрового рубля. В документах Банка России и выступлениях чиновников с Неглинки звучит одна и та же мантра: «России нужен цифровой рубль. Он должен стать третьим видом денег». Третьим видом — наряду с наличными и безналичными деньгами. Чем традиционные наличные и безналичные деньги не устраивают Банк России, руководители ЦБ ответить внятно не могут. Если в механизмах создания и обращения наличных и безналичных денег есть какие-то недостатки, то их надо исправлять, существующую денежную систему надо совершенствовать. А на сегодняшний день цифровой рубль выглядит как пятое колесо в телеге. Телега по каким-то причинам не очень хорошо катится. Вместо того, чтобы в ней что-то подправить, хозяин телеги принимает решение снабдить ее пятым колесом. Театр абсурда!

Впрочем, никакого абсурда нет, поскольку по всему миру ЦБ бросились разрабатывать и внедрять CBDC (англоязычная аббревиатура термина «цифровая валюта Центрального банка»). Они исполняют команду, которая пришла с самого верха (мировая финансовая элита или «хозяева денег», контролирующие ФРС США и другие Центробанки, Международный валютный фонд, Банк международных расчетов и другие международные финансовые и экономические организации). CBDC — важнейший элемент проекта построения мирового цифрового концлагеря и той «Великой перезагрузки», о которой громко заявил в разгар так называемой «пандемии ковида» Клаус Шваб, президент Всемирного экономического форума.

Чиновники на Неглинке не привыкли думать. Они привыкли исполнять те команды, которые поступают на Неглинку с того самого «верха». Поэтому добиваться от них ответа, зачем им потребовалось пятое колесо для телеги денежного хозяйства, бесполезно. Уже с конца 2021 года Банк России постоянно анонсирует тему цифрового рубля, при этом подчеркивая, что этот новый вид денег предназначен для применения внутри страны — как для розничных, так и оптовых пользователей (т.е. граждан, а также компаний и прочих организаций). Но он умалчивает то, о чем на Западе уже давно говорят вслух и очень громко: CBDC заменит сначала наличные, а потом и безналичные деньги и останется единственным видом денег. Собственно, их и деньгами-то назвать нельзя будет. Они станут эффективными инструментами на-

блюдения «Старшего Брата» за каждым человеком и контролем за его поведением. Но Банк России сообщил, что в уже разрабатываемую платформу цифрового рубля заложена возможность его использования в трансграничных расчетах при взаимодействии с цифровыми валютами ЦБ других стран.

Старт пилотного проекта был запланирован на 1 апреля 1922 года. Однако старт был отложен из-за того, что до сих пор Дума не приняла закон о цифровом рубле. «Для нас сейчас первоочередная задача — провести пилот с реальными цифровыми рублями с привлечением ограниченного круга реальных клиентов банков из пилотной группы. Мы вместе с банками полностью к нему готовы. Он начнется, как только будет принята необходимая законодательная база. Мы надеемся, что это произойдет в ближайшее время», — сообщили в пресс-службе Банка России. В Банке России уверены, что пилотные операции с реальными цифровыми рублями с привлечением узкого круга клиентов некоторых банков все-таки будут проведены.

Зампред ЦБ Алексей Гузнов заявил, что Банком России может быть запущен эксперимент по использованию цифровых финансовых активов (ЦФА) для проведения трансграничных расчетов. Закон о ЦФА был принят еще в 2020 году и вступил в силу с 1 января 2021 года. Он запрещает использование ЦФА в качестве средства расчетов и платежей внутри страны. Но, как говорят эксперты, при небольших доработках закона ЦФА можно будет использовать для трансграничных расчетов. Это на тот случай, если будет происходить пробуксовка с проектом цифрового рубля. По мнению экспертов, цифровой рубль будет запущен в обращение в 2025 году, а в международных расчетах он сможет начать использоваться самое раннее в 2026—2027 годах. До этого времени в трансграничных операциях можно попытаться использовать ЦФА.

В принципе, идея использовать цифровые технологии для проведения трансграничных платежей и расчетов здравая. И очень актуальная в свете тех санкций, которые коллективный Запад обрушивает на Россию. Но зачем для этого придумывать какой-то новый, третий вид денег? Это все равно, что изобретать какой-то новый микроскоп, которым заранее запланировано забивать гвозди. Может быть, лучше подумать о хорошем молотке. Вот и в данном случае: цифровой рубль — вопрос не из нашей, а из «их» («хозяев денег») повестки дня. А в нашей повестке дня сегодня приоритетным является вопрос обхода западных санкций против России. В том числе таких санкций, как блокировка трансграничных

платежных операций российских банков через систему СВИФТ, закрытие российским банкам зарубежных корсчетов и др.

Альтернатив привычным каналам платежей и расчетов России с иностранными контрагентами много. Например, тот же вариант с использованием ЦФА, которые в законе достаточно надежно отделены от внутреннего денежного обращения и которые даже в отдаленной перспективе не будут заменять привычные наличные и безналичные рубли.

После 24 февраля 2022 года процесс интернационализации СПФС несколько ускорился. 11 апреля в СПФС состоялось уже в общей сложности 39 иностранных организаций, а с использованием СПФС уже велись торговля и взаимодействие с 12 странами мира. К 18 апреля число иностранных организаций в СПФС увеличилось уже до 52, а к 22 апреля — до 59. К сентябрю число зарегистрированных в СПФС нерезидентов уже превысило сотню.

В феврале 2023 года директор департамента национальной платежной системы Банка России Алла Бакина сообщила, что СПФС уже насчитывала 469 участников, из которых 115 были нерезидентами. Она сообщила, что за 2022 год к СПФС подключились столько же государств, сколько за все предыдущее время работы. На начало 2023 года их число достигло 14 стран.

Конечно, можно по-разному оценивать работу Банка России по направлению СПФС. Некоторые эксперты дают высокую оценку. Некоторые говорят, что Банк России медленно раскачивается, что до последнего времени многие трансграничные платежи проводились не через СПФС, а с использованием нескольких кредитных организаций, являющихся российскими «дочками» зарубежных банков и пользующихся привычными каналами трансграничных операций (т.е. с использованием СВИФТ). Среди таких «дочек» особенно выделялся Райффайзенбанк — дочерняя кредитная организация австрийской банковской группы Raiffeisen Bank International. С моей точки зрения, СПФС — правильное направление работы Банка России. Но ЦБ настолько увлекся проектом цифрового рубля, что СПФС у него оказалась на втором плане.

А вот еще один вариант решения проблемы. Недавно наш Ростех сообщил, что находящийся под его «крылом» Новосибирский институт программных систем (НИПС) разработал виртуальную систему накопления и движения цифровых активов на основе так называемой промышленной блокчейн-платформы CELLS. Указанная платформа CELLS га-

рантирует независимость национальной финансовой и расчетной политики, так как обеспечивает анонимность операций с использованием персональных данных на внешних сервисах.

«Ни одна разведка не узнает, кто кому, куда и какие деньги перевел... Специалисты Ростеха, подхватившего разработку наших ученых, представляют ее как полноценную замену SWIFT. И это вовсе не преувеличение. CELLS, как утверждают специалисты, самая совершенная на сегодня платежная система в мире с самой высокой скоростью (до 100 тыс. операций в секунду). Безопасность и безотзывность транзакций обеспечивают самые передовые блокчейн-технологии», — отмечает Юрий Алексеев в статье «Блокчейн бьет по SWIFT. Россия предлагает миру свою глобальную платежную систему».

Возвращусь к теме цифрового рубля. У меня есть подозрение, что, поскольку проект этой цифровой валюты в России встречает все большее сопротивление со стороны общественности, его сторонники могут прибегнуть к новому аргументу: мол, цифровой рубль надо обязательно поддержать, так как он является прекрасным инструментом трансграничных операций в условиях санкционной войны. Но для того чтобы обходить западные санкции, не надо придумывать новую валюту, не надо, как говорится, «огород городить». Надо отрабатывать новые технологии трансграничных платежей и расчетов. Такие, как ЦФА, СПФС, CELLS и им подобные.

С 2020 года Банк России ведет активную подготовку к запуску цифрового рубля. Российский ЦБ стремится быть в «мировом тренде». По данным БМР в Базеле, на сегодняшний день более ста ЦБ интересуются темой CBDC. Одни ЦБ изучают вопрос целесообразности введения CBDC, а другие уже ведут практическую подготовку запуска цифровой валюты. Банк России находится в группе «передовиков».

Осенью 2020 года Банк России разместил на своем сайте материал «Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций». А в апреле 2021 года появился документ под названием «Концепция цифрового рубля». К концу 2021 года был создан прототип платформы цифрового рубля. В феврале 2022 года на базе этой платформы началось тестирование цифрового рубля с участием нескольких банков. Далее ЦБ РФ анонсировал запуск пилотного проекта цифрового рубля с участием 13 российских коммерческих банков. Правда, запуск был отложен, согласно сообщениям СМИ, из-за отсутствия нормативной базы. В Государственной Думе готовится закон о цифровом рубле. Но, как сообщали СМИ, в

продвижении документа возникли пробуксовки. А пробуксовки возникли из-за того, что подавляющая часть наших граждан относится к идее цифрового рубля настолько и даже оппозиционно. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения и многочисленные публикации в российских СМИ. Даже ярые поклонники цифровых технологий в цифровом рубле видят много минусов и рисков.

И вот, чтобы ослабить продвижение проекта цифрового рубля, Банк России открыл на своем сайте страницу, которая называется «Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться». На ней размещены три блока информации: «Что такое цифровой рубль»; «Как будет работать цифровой рубль»; «Мифы о цифровом рубле». В каждом блоке — набор вопросов (наиболее типичных, по мнению ЦБ) и ответов. В первом блоке — пять вопросов и ответов, во втором — десять, в третьем — восемь. Всего получается 23 вопроса и ответа.

Первый вопрос: «Что такое цифровой рубль?». Ответ: «Цифровой рубль — это третья форма рубля. Сейчас у нас есть наличные (банкноты и монеты в наших кошельках) и безналичные (деньги на счетах в банках, на картах), а в дополнение к ним появится еще и третья форма — цифровая. Цифровые рубли будут храниться в цифровых кошельках граждан и компаний. Кошельки, в свою очередь, будут открываться на платформе Банка России. Операции с цифровыми рублями также будут проходить на этой платформе. При этом доступ к цифровым кошелькам будет через привычные дистанционные каналы: мобильные приложения банков и интернет-банки».

Большинство вопросов и ответов носят чисто прикладной, технический характер. Например, вопрос 9: «Что нужно будет сделать, чтобы перевести кому-то цифровые рубли?». И ответ: «Войти в свой цифровой кошелек через привычное мобильное приложение своего банка, выбрать опцию перевода, нужного человека из списка контактов или ввести номер мобильного телефона, затем ввести сумму и подтвердить перевод. Деньги мгновенно окажутся в цифровом кошельке получателя».

Но вернемся к началу. Нам в ответе на первый вопрос говорят, что цифровая валюта ЦБ — третья форма денег, наряду с наличной и безналичной формами. Но самый главный вопрос так и остается без ответа: а зачем нужна третья форма денег, когда две другие на протяжении всей истории существования банковской системы вполне удовлетворяли потребности государства, хозяйствующих субъектов и граждан? А без ответа на этот фундаментальный вопрос теряют

смысл все остальные вопросы и ответы Банка России. Без понимания причин внедрения цифрового рубля рисуемая ЦБ трехпостасная денежная система выглядит как телега с пятым колесом.

Напомню читателям, что раньше других к разработке цифровой валюты приступил китайский ЦБ. Лично я первые сообщения на тему цифрового юаня стал фиксировать где-то в 2015 году. Народный Банк Китая (НБК) также говорил, что цифровой юань станет третьей формой денег в дополнение к наличному и безналичному юаню. Честно признаюсь, что не мог тогда уяснить смысл цифрового юаня, выстраивал разные версии, которые на тот момент времени нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Но где-то в году 2019 в одной из публикаций познакомился с заявлениями высокопоставленного чиновника китайского ЦБ, который сказал, что денежная система страны, состоящая из трех форм денег, — временное состояние. Со временем цифровой юань заменит наличный юань. На это обратили внимание и российские эксперты. Затем подобное «откровение» об отмене наличных сделал и ЦБ Швеции, который уже давно обещал, что эта скандинавская страна станет первым в мире абсолютно «безналичным» государством. Позднее ряд ЦБ на своих сайтах сделали еще более радикальные «откровения»: после отмены наличных денег будут ликвидированы и традиционные безналичные деньги, которые находятся на счетах коммерческих банков. В итоге денежная система будет редуцирована до одной формы денег — CBDC.

Спрашивается: а почему ЦБ РФ не будет действовать по отработанному алгоритму: а) сначала добиться внедрения в оборот цифровой валюты; б) затем отменить наличные деньги, заменив их цифровой валютой; в) еще позднее таким же образом отменить безналичные деньги (а вместе с ними и коммерческие банки, на счетах которых находились безналичные деньги)?

Учитывая подобные опасения граждан, Банк России под пунктом 16 размещает следующий «миф»: «Со временем отменят наличные и заставят пользоваться только цифровыми рублями». И развенчивает этот «миф» следующими словами: «Нет, это не так. В обороте будут находиться и наличные, и безналичные, и цифровые рубли. Цифровой рубль выпускается в дополнение к уже существующим формам. Выбор — какой именно формой пользоваться — останется за гражданами». Интересно провести опрос общественного мнения: а сколько граждан поверят подобному заверению Центробанка? Думаю, что не более 1%.

Чтобы понимать, какими могут быть дальнейшие перспективы цифрового рубля, желательно мониторить ситуацию с CBDC в наиболее «продвинутых» странах. А таковой на сегодняшний день является Китай. Там уже официально заявляют, что цифровой юань будет «программируемой валютой», его параметры будут привязаны к социальным рейтингам. В зависимости от рейтинговых оценок человека будет определяться набор доступных ему товаров и услуг, географическая сфера возможного использования цифрового юаня и др. Кроме того, цифровой юань нельзя будет накапливать — это деньги с ограниченным сроком использования. И т.д.

Между прочим, Банк России также является членом БМР — «клуба центральных банков». Соответственно, ЦБ РФ может создавать цифровой рубль с учетом тех наработок, которые уже сделаны БМР.

Многие эксперты считают, что Китай — идеальная страна для внедрения CBDC. Китай — гигантский пилотный проект, который станет эталоном для других стран. «Поднебесная» имеет такое преимущество по сравнению с большинством других стран, как высокая готовность населения жить и работать по тем правилам, которые спускаются сверху. Эксперты утверждают, что, мол, китайцы не возражают ни против социальных рейтингов, ни против цифрового концлагеря, выстраиваемого с помощью CBDC. Но, судя по некоторым сообщениям из Китая, эксперты переоценивают готовность народа «поднебесной» принять цифровой юань.

Как сообщило информационное агентство Reuters, цифровой юань в Китае не обрел пока высокой популярности. По мнению бывшего сотрудника китайского ЦБ Се Пина (Xie Ping), которое он озвучил в интервью финансовому изданию Caixin накануне нового года, сфера применения цифрового юаня пока очень ограничена даже в рамках пилотного проекта. «Кумулятивный оборот цифрового юаня за два года тестирования составил всего 100 млрд. юаней (14 млрд. долларов)», — заявил господин Се Пин. Этот результат, по мнению специалиста, «не идеален», и он указывает на «низкое, крайне неактивное» использование нового платежного средства. Для этого следует вывести цифровую форму валюты за пределы потребительского рынка, потому что здесь и так много инструментов для гражданского оборота: наличные, банковские карты и альтернативные платежные системы. Спрос потребителя здесь уже удовлетворен в полной мере, и что-то здесь менять очень непросто. Цифровой юань не смог найти своего места и в банковской сфере: сторонние платежные службы вроде Alipay от Alibaba Group смогли предло-

жить целый пакет услуг, включая инвестиции, страхование и потребительское кредитование. Эту проблему, по мнению Се Пина, можно преодолеть, разрешив физическим лицам покупать за цифровые юани финансовые продукты.

Если проецировать ситуацию с CBDC в Поднебесной на Россию, то можно предположить, что проект ЦБ РФ по внедрению цифрового рубля будет тем более буксовать. Агитации за цифровой рубль, о которой я сказал выше, явно недостаточно. Думаю, что ЦБ России придется придумывать какие-то «морковки» для того, чтобы заманить граждан в царство цифрового рубля. Например, разрешить покупать с помощью цифрового рубля какие-то особые «финансовые продукты» (как это предложил в отношении цифрового юаня господин Се Пин).

Конечно, хотелось бы брать пример с тех стран, которые после изучения вопросов по CBDC приняли решения об отказе от цифровой валюты. Таких стран уже немало: Дания, Финляндия, Эквадор, Япония. Некоторые ЦБ дипломатично говорят, что не отказываются от CBDC, но берут тайм-аут.

Вот история Дании. Она еще в 2016 году декларировала желание запустить цифровую крону. Но потом Национальный банк Дании озвучил отказ от цифровой валюты. ЦБ указывал на необходимость дополнительных расходов, связанных с внедрением цифровой валюты, и наличие возможных рисков, а также учел негативное психологическое отношение граждан к цифровой кроне.

Банк России постоянно говорит, что при разработке проекта цифрового рубля учитывает опыт ЦБ других стран. Рекомендую Банку России не обходить опыт тех ЦБ, которые приняли решения об отказе от CBDC или хотя бы взяли тайм-аут на продвижение цифровой валюты.

От редакции: В июле 2025 года президент России Владимир Путин подписал закон, согласно которому массовое внедрение цифрового рубля в стране начнется 1 сентября 2026 года.

Израиль обнуляет решения ООН

Современное государство Израиль возникло 77 лет назад на основе решения Организации Объединенных Наций (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 273 от 11 мая 1948 года). Незадолго до того, 29 ноября 1947 года, ООН приняла план раздела Палестины. Этот план предусматривал прекращение британского мандата в Палестине и создание на её

территории двух государств: еврейского (Израиль) и арабского (Палестина). Иерусалим и Вифлеем, согласно решению ООН, должны были стать территорией под международным контролем.

14 мая 1948 года первый премьер-министр страны Давид Бен-Гурион торжественно объявил о создании первого за два тысячелетия независимого еврейского государства. Однако уже вскоре Израиль начал нарушать решения ООН. И чем дальше, тем нарушений становилось всё больше, и они были всё более дерзкими.

Большинство инициатив ООН по Израилю не становились действующими резолюциями по той причине, что их блокировали Соединенные Штаты, которые как постоянный член Совбеза накладывали на них вето. Количество проектов резолюций Совбеза ООН, требующих от Израиля прекращения своего беспредела в отношении палестинцев и остановки территориальной экспансии еврейского государства, не поддается точной оценке (в любом случае таких инициатив было более сотни).

Согласно оценкам экспертов, за первые семьдесят лет существования Израиля через Совет Безопасности ООН в отношении сионистского и израильского беспредела всё-таки удалось провести 27 резолюций. Большинство из которых Израиль нагло проигнорировал. Первая в этом списке — резолюция от 5 июня 1948 года о прекращении огня в Палестине и Иерусалиме. Однако она не остановила военное насилие Израиля в отношении палестинского населения. И это насилие продолжается по сей день, становясь всё более жестоким и кровавым.

Резолюции Совета Безопасности ООН обязательны к исполнению. Если они нарушаются, то, по логике вещей, должны последовать общемировые санкции и/или страна исключается из ООН. Устав ООН (Глава II, Статья 6) гласит: *«Член Организации, систематически нарушающий принципы, содержащиеся в настоящем Уставе, может быть исключён из Организации Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности»*. К слову, еще в 2009 году Реджеп Тайип Эрдоган (в то время премьер-министр Турции) публично заявил, что Израиль следует выгнать из ООН или, по крайней мере, лишить права голоса. *«Как можно позволять стране, которая не выполняет резолюции Совета Безопасности, переступить порог штаб-квартиры ООН?»*, — возмутился турецкий лидер. Как и следовало ожидать, инициатива Эрдогана не была поддержана.

Более того, Израиль объявляет о разного рода санкциях против ООН. Так, в 2016 году Совбезу ООН все-таки удалось принять резолюцию, запрещающую создание еврейских поселений в секторе Газа (территория, изначально предназначенная для создания государства Палестины). Один из немногих случаев, когда сионистскому лобби в США не удалось наложить американское вето на документ. Это было ещё при американском президенте Бараке Обаме, которого сионисты заклеили как «антисемита».

В ответ на абсолютно справедливую резолюцию Совета Безопасности ООН, где от Израиля потребовали прекратить оккупацию Палестины, Нетаньяху приказал резко урезать взнос Израиля в ООН. Членская выплата в бюджет ООН в 2017 г. изначально была определена в 10,9 млн. долл. Нетаньяху урезал ее на 9 миллионов долларов, т.е. на 83%. Подобного рода денежные бойкоты странами-членами наказываются лишением их права голосования в ООН. В отношении Израиля эта мера, как и следовало ожидать, не была применена.

В прошлом году Израиль закрыл въезд Генеральному секретарю ООН Антониу Гутерришу и объявил его персоной нон грата, сообщил глава израильского МИД Исраэль Кац. Это единственный случай за восемьдесят лет существования ООН, когда Генсек этой организации был признан нежелательной персоной. Решение Израиля в отношении Антониу Гутерриша было обосновано тем, что он не выступил «решительно» и «однозначно» против Ирана, «Хезболлы» и ХАМАС, призывая к деэскалации все стороны.

Как известно, легитимными с точки зрения международного права являются санкции против тех или иных стран, если они одобрены Совбезом ООН («многосторонние» санкции). В 2022 году Совбез ООН поддерживал санкции против следующих стран: Ливия, Сомали, ЦАР, Южный Судан, Судан, Кот д'Ивуар, Ливан, Либерия, Ирак, КНДР, Эритрея, Гвинея-Бисау, Сирия, Конго, Йемен. Примечательно, что ни одна из этих стран не додумалась до того, чтобы в порядке «взаимности» объявить Генсека ООН персоной нон грата. А вот Израиль, против которого никаких «многосторонних» санкций никогда не принималось, обнаглел до того, что принимает в отношении ООН разного рода «санкции».

С какого боку ни посмотри, получается, что Израиль — государство с особым международным статусом. Которому всё дозволено и которое имеет иммунитет от нарушения любых норм международного права.

Плевки в сторону ООН со стороны еврейского государства следуют один за другим. Последний имел место 23 июля 2025 года. Кнессет (парламент Израиля) одобрил декларацию о распространении суверенитета Израиля на Иудею, Самарию и долину реки Иордан. 71 депутат проголосовал за и 13 — против. «The Jerusalem Post» сообщила, что эти территории Западного берега Иордана, согласно тексту документа, считаются *«неотъемлемой частью исторической родины еврейского народа»*. И установление на этих землях израильского суверенитета поможет стране «укрепить еврейское присутствие на родине и защитить своих граждан». Основанием для расширения границ Израиля «народные избранники» назвали защиту граждан и государства. Мол, нападение ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 года продемонстрировало необходимость радикально пересмотреть границы еврейского государства.

Спикер кнессета Амир Охана после принятия документа заявил: *«Это наша земля. Это наш дом. Земля Израиля принадлежит народу Израиля. В 1967 году оккупация не началась, она закончилась, и наша родина была возвращена законным владельцам. Мы — коренные жители этого клочка земли. Евреи не могут быть оккупантами земли, которая на протяжении 3000 лет называлась Иудеей»*.

Западный берег Иордана — одна из двух частей того, что должно было стать полноценным государством Палестина (другая часть — сектор Газа). С 1995 года территорию вроде бы контролирует Палестинская национальная администрация (ПНА), возглавляемая Махмудом Аббасом. Вместе с тем, согласно израильскому закону, территория Западного берега Иордана находится под «временной военной оккупацией». Израиль никогда не объявлял о буквальной аннексии Западного берега Иордана. Однако де-факто оккупация происходит со времени Шестидневной войны в 1967 году (в 1948—1967 годах Западный берег находился под контролем Иордании). Как сообщает газета, в зоне Западного берега Иордана в настоящее время уже проживает примерно полмиллиона израильских поселенцев. Уже минуло 77 лет, как не исполняется резолюция ООН о создании государства Палестина.

В указанном документе есть такая фраза: *«Кнессет подтверждает, что Государство Израиль имеет естественное, историческое и юридическое право на всю Землю Израиля — исконную родину еврейского народа»*. Надо понимать, что зона Западного берега Иордана — еще не вся Земля Израиля. За Западным берегом должны последовать другие территории.

Всё то, что входит в понятие Великого Израиля — от Нила до Евфрата.

Особой реакции со стороны западных СМИ на декларацию кнессета нет. Мол, по той причине, говорят некоторые эксперты, что документ носит политический, а не юридический характер. Да, поначалу документ будет обоснованием еще более жесткой и жестокой военной оккупации Израилем Западного берега Иордана. Палестинцев предупредили, что скоро начнется зачистка территорий (на них в настоящее время проживает около двух с половиной миллионов людей — преимущественно палестинцев). А уже затем израильские законы будут пересмотрены, и «временно оккупированные» территории получат статус «суверенных израильских».

Некоторые наблюдатели считают, что принятый кнессетом 23 июля документ в первую очередь нацелен на зачистку Восточного Иерусалима, который фактически рассматривается как часть территории Западного берега Иордана и с 1967 года находится под «временной оккупацией» Израиля. Резолюция кнессета инициирована теми депутатами, которые себя относят к «религиозным сионистам». И для них особо сакральной территорией является Восточный Иерусалим. В ходе арабо-израильской войны 1948 года эта территория была захвачена Трансиорданией и вошла в подконтрольную Израилю часть Иерусалима. Произошло разделение города на Западный и Восточный. В 1967 году в ходе Шестидневной войны Восточный Иерусалим был аннексирован Израилем. Эта аннексия (впрочем, как и предыдущая, иорданская) не была признана большинством стран мира. Ведь Иерусалим с его святынями христианства, ислама и иудаизма с самого начала получил от ООН статус международного города. Правда, в декабре 2017 года президент США Дональд Трамп подписал указ о переносе американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим. Что было с восторгом воспринято властями Израиля и всеми сионистами как признание того, что Иерусалим — столица еврейского государства. Израиль не желает делить Иерусалим ни с палестинцами, ни с кем-либо еще, считая его своей вечной и неделимой столицей.

Особая сакральность Восточного Иерусалима заключается в том, что здесь расположен Старый город. А в нем: Елеонская гора с Часовней Вознесения, Храмовая гора, Стена плача, Храм Гроба Господня, мечеть Аль-Акса и Купол Скалы, Гефсиманский сад и др.

Действия Израиля, его агрессивность и невероятная жестокость имеют глубокие религиозные корни. Всё вращается вокруг проекта возведения Третьего храма. Сионисты лишь

для отвода глаз говорят, что пределом их геополитических устремлений является создание Великого Израиля от Нила до Евфрата. Им нужна власть над всем миром. А это возможно лишь тогда, когда будет возведен Третий храм (напомню, что Второй храм был разрушен римскими войсками под руководством Тита Флавия еще почти две тысячи лет назад — в 70 г. по Р. Х.). А Третий храм нужен для того, чтобы там (согласно иудейским преданиям и Талмуду) мог воссесть Машиах — мессия «богоизбранного народа», которого христиане называют антихристом.

Мало кто за пределами Израиля обратил внимание на то, что 8 июля недалеко от Иерусалима иудеями был совершен акт сожжения и жертвоприношения так называемой «непорочной» рыжей (красной) коровы. Согласно Торе (19-й главе Книги Чисел), через этот ритуал происходит очищение иудейских священников и их подготовка к служению в Иерусалимском Храме. В самом Израиле СМИ активно обсуждали указанное событие. Одни утверждают, что сожжение телицы — лишь «репетиция» (и что были, оказывается, и до этого «репетиции» по сожжению коров). Другие говорят, что это признак того, что подготовка к строительству Третьего храма уже завершается (всё необходимое для такого строительства уже заготовлено). Остается последний шаг — зачистка Храмовой горы от мечети Аль-Акса и Купола Скалы. Надо поспешать. Ведь в 1995 году раввинат иудеев-хасидов объявил о том, что Машиах уже пришел (родился). Стало быть, сегодня ему уже ровно тридцать. Согласно преданиям и Талмуду, с этого времени «избранник» может уже нести миссию вождя еврейского народа. С этого года градус ожиданий Царя Иудейского в Израиле и за его пределами резко возрастает. Со всеми отсюда вытекающими непредсказуемыми последствиями для Израиля, его соседей и всего человечества.

Лишний раз хочу напомнить, что Израиль и его сионистские покровители руководствуются не резолюциями ООН и нормами международного права, а Торой и другими книгами Ветхого завета (причем в виде масоретских текстов или Та-наха), Талмудом и прочими источниками и нормами, о которых большая часть человечества имеет очень смутное представление.

Поставит ли Трамп под контроль ФРС?

Как известно, центральным банком США является Федеральная резервная система, созданная 111 лет назад. Согласно закону о ФРС США, это независимый частный институт, не

подчиняющийся президенту США. И на протяжении всей истории существования ФРС США ни один президент не пытался поставить под сомнение независимый статус Федерального резерва. За исключением, наверное, президента Джона Кеннеди. Впрочем, он напрямую не посягал на независимость ФРС США, он лишь попытался ограничить монополию Федерального резерва на эмиссию доллара США. Летом 1963 года согласно его указу Минфином США была начата эмиссия казначейских билетов под обеспечение государственного резерва серебра. Исследователи истории убийства Джона Кеннеди, которое произошло в Далласе 22 ноября 1963 года, не исключают, что такое посягательство на монополию ФРС США было одной из причин убийства 35-го президента.

Наверное, никто из американских президентов с момента создания ФРС так не «собачился» с руководителями этой организации, как Дональд Трамп. И в период первого своего пребывания в Белом доме (2017—2021 гг.), и сейчас, после своего возвращения в Белый дом в 2025 году. Трамп требовал и продолжает требовать главного — снижения ключевой ставки.

Во-первых, такое снижение, по его мнению, способствует более динамичному развитию американской экономики. Во-вторых, снижение ключевой ставки позволяет сократить бюджетные расходы на обслуживание государственного долга США (выплату процентов). В момент первого прихода Трампа в Белый дом государственный долг США был 19,8 трлн. долларов. Сейчас он достиг величины 37 трлн. долларов. В 2017 году бюджетные расходы на обслуживание государственного долга США составили 263 млрд. долларов, в этом году эти расходы впервые превысят 1 триллион долларов. Они станут самой большой статьёй бюджетных расходов, опередив расходы на оборону.

Сначала Трамп добивался снижения ключевой ставки от главы ФРС США Джанет Йеллен, но безуспешно, несмотря на угрозы со стороны 45-го президента, что он уволит даму. Она благополучно досидела на этом посту до 2018 года. На её место, благодаря стараниям Трампа, был назначен Джером Пауэлл, которого считали лояльным президенту чиновником. Уже в первый срок своего президентства Трамп разочаровался в Джероме Пауэлле, который отказывался прислушиваться к просьбам президента и которого Трамп также грозил уволить. Трамп вернулся в Белый дом, а Джером Пауэлл продолжал сидеть в кресле председателя Совета управляющих ФРС США. Опять со стороны Трампа стали звучать требования и

угрозы. Но Джером Пауэлл оказался к ним невосприимчивым. Срок пребывания Пауэлла в должности главы ФРС США — до мая 2026 года. Многие гадают: досидит ли Джером Пауэлл в своем кресле председателя или же Трампу удастся досрочно отправить его в отставку.

Кроме вопроса ключевой ставки есть некоторые другие вопросы деятельности Федерального резерва, которые волнуют Трампа. В частности, он очень негативно отнёсся к планам ФРС США ввести цифровую валюту центрального банка (CBDC) — цифровой доллар. В январе 2025 года президент США Дональд Трамп издал указ, который запрещает федеральным агентствам создавать, выпускать или продвигать цифровую валюту центрального банка (CBDC) в США или за рубежом. По данному вопросу Джером Пауэлл не стал спорить с 47-м президентом и заявил, что, пока он занимает пост главы ФРС, не будет разрабатывать цифровой доллар. Для полной гарантии того, что Америка будет жить без цифрового доллара (который Трамп называет посягательством на права и свободу американских граждан), в Конгрессе США продвигается законопроект, который запрещает выпускать или тестировать цифровой доллар без одобрения Конгресса. В июле этого года данный законопроект был принят нижней палатой Конгресса. Ожидается его принятие Сенатом и подписание президентом.

А вот по ключевой ставке Джером Пауэлл непреклонен. Трамп уже несколько раз обращался к главе ФРС с тем, чтобы ставка была понижена на три процентных пункта и была лишь немного больше 1%. Снижение ключевой ставки лишь на один процентный пункт, как заявил Трамп, дает экономию бюджетных средств в размере 360 млрд. долл. в год. А три процентных пункта — более одного триллиона долларов! А это примерно половина средней величины дефицита федерального бюджета за последние годы!

11 июля на лужайке Белого дома Трамп в очередной раз обрушился на главу ФРС: «Я думаю, что он делает ужасную работу. Процентные ставки должны быть на 3 пункта ниже. Он обходится нашей стране в кучу денег». Трамп добавил, что Америка должна быть лидером мировой экономики, но из-за Пауэлла не является таковым.

28 июля Дональд Трамп еще раз призвал ФРС снизить процентные ставки, утверждая, что такой шаг поможет укрепить американскую экономику. «Я думаю, он должен это сделать», — сказал Трамп. Многие уверены, что призыв Трампа к Джерому Пауэллу в очередной раз будет проигнорирован и что ФРС сохранит процентную ставку по федеральным

кредитным средствам на уровне 4,25—4,5% годовых, на котором она находится с декабря 2024 года.

В июле этого года в США был принят закон, получивший название *GENIUS Act*. Он устанавливает правила для создания и использования стейблкоинов — криптовалют, привязанных к доллару. В США уже имеются такие долларové стейблкоины, большинство из них стартовали в 2018 году. Обеспечиваются они долларами на банковских счетах или краткосрочными казначейскими бумагами США в пропорции 1:1.

По состоянию на 29 июля 2025 года, по данным сервиса *The Motley Fool*, рыночная капитализация двух главных стейблкоинов, привязанных к доллару США: USDT — 164 млрд. долларов и USDC — 64 млрд. долларов. Суммарная капитализация всех долларových стейблкоинов оценивается примерно в 250 млрд. долларов. Между прочим, на долларové стейблкоины приходится более 90% суммарной капитализации всех стейблкоинов, эмитированных в мире (остальные привязаны к золоту и разным биржевым товарам).

Некоторые эксперты полагают, что стимулирование эмиссии и использование долларových стейблкоинов с помощью *GENIUS Act* преследует далеко идущую цель: создание новой валюты, альтернативной официальному доллару США. Мол, это стратегический замысел Трампа и его команды: ослабить роль ФРС США в финансовом мире Америки.

Эмиссия долларových стейблкоинов, согласно *GENIUS Act*, должна осуществляться специальными организациями, получившими лицензии финансовых регуляторов США. Такими организациями могут быть банки, дочерние структуры банков, компании. Если в настоящее время эмиссия стейблкоинов осуществляется под обеспечение долларов и долларových облигаций в пропорции 1:1, то в дальнейшем, как предполагают эксперты, под каждый доллар обеспечения будет разрешено эмитировать две, три или даже десять единиц стейблкоинов. Эмиссия будет с частичным обеспечением, что позволит опережающими темпами наращивать массу новой цифровой валюты. И в будущем объем долларových токенов может сравняться с долларовой массой, созданной Федеральным резервом. А затем и превысить ее. Незаметно произойдет переход к новой валюте, которая уже будет неподконтрольна Федеральному резерву.

Правда, будет ли новая валюта подконтрольна государству (в том числе президенту США) — большой вопрос. Формально да, должна быть подконтрольна. Ведь государствен-

ные финансовые регуляторы должны лицензировать те организации, которые будут эмитировать долларовые стейблкоины. Но лицензирование не предполагает регулирование объема эмиссии и условий предоставления долларových стейблкоинов пользователям. И может получиться по известной присказке: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Т.е. ФРС США с ее долларом ослабили (или даже уничтожили), а альтернативного центра управления денежной системой США создать не сумели.

Некоторые эксперты оценивают *GENIUS Act* как первый шаг к созданию новой финансовой системы США, а другие — как шаг к финансовому хаосу и краху Америки. Сенатор Элизабет Уоррен уже высказала свои опасения по поводу *GENIUS Act*. Закон принят в интересах криптоиндустрии, а не Америки. Не верит она и в то, что эмиссия долларовых стейблкоинов будет иметь полное обеспечение. Закон создаёт угрозу финансовой стабильности США и может привести к использованию стейблкоинов иностранными инвесторами или к спекулятивной торговле без необходимых барьеров для защиты обычных потребителей и т.д.

Впрочем, всё это является лишь кратким изложением предположений американских и зарубежных экспертов, пытающихся расшифровать замысел *GENIUS Act* и оценить его риски. Президент Дональд Трамп никаких комментариев по поводу данного закона не делал. Может быть, 47-й президент и не пытается подрывать монополию ФРС США с помощью *GENIUS Act*, и все эти разговоры — досужие домыслы некоторых экспертов.

Однако тактические маневры Трампа, нацеленные на установление контроля над ФРС, продолжают и видны невооруженным глазом. Как сообщил Bloomberg, сторонники Трампа потребовали инициировать расследование в отношении руководителя Федеральной резервной системы в связи с признаками хищения денег. Речь идет о финансировании проекта реконструкции главного офиса Федерального резерва в Вашингтоне. Изначально стоимость ремонта штаб-квартиры ФРС оценивалась в 1,9 млрд. долларов, но впоследствии она возросла до 2,5 млрд. долларов. Возникло подозрение, что примерно 600 миллионов долларов ушли «налево». Чтобы был понятен размах проекта, можно привести такое сравнение. Строительство комплекса Пентагона в 1943 году обошлось казне в 83 миллиона долларов — примерно в 1,5 миллиарда долларов в пересчёте на современные деньги. *New York Post* мраморную крепость ФРС назвала «Версальским дворцом», только более дорогим. Джером Пауэлл и его коллеги из

ФРС пытались оправдываться: мол, проект «не финансируется за счёт налогоплательщиков». Он финансируется за счет средств самого Федерального резерва. Примечательно, что, начиная с 2022 года, ФРС США вместо прибыли каждый год фиксировал убытки и ничего в федеральный бюджет не переводил. А критики Джерома Пауэлла и ФРС отмечают, что потому и не получал бюджет никаких денег от Федерального Резерва, что у американского центробанка куча подобных сомнительных и дорогостоящих проектов. Лишний повод для того, чтобы провести глубокий аудит Федерального резерва.

Очень резонансной была следующая новость, касающаяся отношений Трампа и Пауэлла. 16 июля на встрече с республиканцами палаты представителей в Овальном кабинете президент размахивал копией проекта письма об увольнении Джерома Пауэлла. СМИ отмечают, что проект письма об увольнении г-на Пауэлла был передан накануне этой встречи президенту Уильямом Дж. Пултом, директором Федерального агентства по финансированию жилья.

Трамп задал конгрессменам вопрос о том, следует ли ему уволить г-на Пауэлла, но заявил, что в ближайшее время не планирует сделать это. «Я обсуждал идею его увольнения. Я спросил: «Что вы думаете?» Почти все согласились», — сказал г-н Трамп, добавив: «Но я более консервативен».

Кто-то посчитал, что это очередной спектакль 47-го президента. А кто-то оценил это как репетицию перед его официальным решением об отстранении Пауэлла от должности. Позже на вопрос, исключает ли он увольнение председателя ФРС, Трамп ответил: «Я ничего не исключаю, но думаю, что это крайне маловероятно, если только ему не придется уйти из-за мошенничества». Затем президент указал на реновацию ФРС, заявив: «Я имею в виду, что, возможно, с реновацией стоимостью 2,5 миллиарда долларов связано мошенничество».

Американские СМИ подобные новости прокомментировали следующим образом: Трамп своими намеками на возможное увольнение просто-напросто троллит Пауэлла, добиваясь от него снижения ключевой ставки. Член нижней палаты Конгресса США от Флориды Анна Паулина Луна, присутствовавшая на встрече в Белом доме, опубликовала в социальной сети X сообщение: «Джером Пауэлл будет уволен. Увольнение неизбежно». А журналистам Анна Луна заявила: «Мяч на стороне Джерома. Так что, Джером, если ты не снизишь процентные ставки, ты будешь уволен».

По итогам двухдневного заседания 29-30 июля Федеральная резервная система США сохранила процентную ставку

без изменения, т.е. на уровне 4,25—4,5% годовых. Такое решение Федеральный резерв вопреки просьбам и даже угрозам 47-го президента США принимает пятый раз подряд. И всё же посмотрим: будет ли уволен глава американского центрбанка Джером Пауэлл?

Англосаксы и германский нацизм

Как я уже писал ранее, многие европейские страны в XIX веке стали завидовать Британии, создавшей обширнейшую колониальную империю, над которой никогда не заходит солнце. Завидовала и Германия, которая после франко-прусской войны 1870—1871 гг. опять стала единой и назвала себя вторым рейхом. У Германии не было ничего за пределами ее государственных границ, даже маленького острова в океане. И она хотела наверстать упущенное.

Первым символическим территориальным приобретением Германии стала бухта Ангра-Пекена в Юго-Западной Африке. Это произошло в 1884 году. Бременский купец Адольф Людериц основал поселение в упомянутом месте и обратился к канцлеру Отто фон Бисмарку с просьбой о протекторате. Бисмарк взял эту территорию под защиту Германии, это стало первым колониальным приобретением немецкого государства.

Бисмарк был против колонизации Африки. Он заявлял о том, что территориальные приобретения на других континентах принесут лишь незначительные финансовые выгоды для Германии. Однако вынужден был пойти на такой шаг из-за давления со стороны политиков, бизнеса и прессы. Вслед за тем в течение 1884—1885 годов германский флаг был поднят в Камеруне, в Того, в Германской Восточной Африке и в северо-восточной части Новой Гвинеи. К этому можно добавить, что в 1899 году Германия приобрела несколько крупных островов в Океании.

Германия вошла в клуб колониальных держав. Суммарная величина ее колоний в начале XX века составила 2,6 млн. кв. км. Она выглядела более чем скромно на фоне Британии (27,6 млн. кв. км) и Франции (10,6 млн. кв. км) и находилась примерно на одном уровне с Бельгией (2,3 млн. кв. км), Нидерландами (2,1 млн. кв. км) и Португалией (2,1 млн. кв. км).

Концом же для немецкой колониальной империи стала Первая мировая война. Уже в первый год войны немцы потеряли почти все свои колониальные владения в Африке. После войны и Парижской мирной конференции Германия вообще оказалась у разбитого корыта. Мало того, что, соглас-

но Версальскому мирному договору, она лишалась колоний. Она лишалась также части своих территорий. Германия возвращала Франции Эльзас-Лотарингию, Бельгии — округа Мальмеди и Эйпен, Польше — Познань, части Поморья и другие территории Западной Пруссии, Данциг (Гданьск) и его округ был объявлен «вольным городом», Мемель (Клайпеда) передан в ведение держав-победительниц (в феврале 1923 года присоединён к Литве). Часть Шлезвига перешла в 1920 году к Дании, часть Верхней Силезии в 1921 году — к Польше. На Парижской мирной конференции обсуждался даже вопрос возможного отторжения южной части Восточной Пруссии, но она все-таки осталась у Германии.

До прихода Гитлера к власти он в своих политических выступлениях требовал возвращения лишь тех немецких территорий, которые были отторгнуты от Германии по решениям Парижской мирной конференции (и которые он считал исконно германскими). После прихода к власти в январе 1933 года в речах Гитлера уже зазвучали новые ноты. Он по-прежнему требовал возвращения немецких земель, но стал также говорить о расширении «жизненного пространства».

Впрочем, идея «жизненного пространства» в Германии родилась на рубеже XIX — XX вв. И, как говорят историки, целью участия Германии в Первой мировой войне было именно расширение «жизненного пространства». Как за счет передела в свою пользу колониальных владений Британии, Франции, Бельгии и других западных стран, так и за счет приобретения территории на востоке, прежде всего Российской империи (Польша, Прибалтика, Украина). Германия войну проиграла, ее «жизненное пространство» даже сжалось.

Но идея «жизненного пространства» осталась. После прихода к власти Адольфа Гитлера «жизненное пространство» стало идеологическим принципом нацизма. «*Политика национал-социалистского движения... всегда будет пространственной*», — заявлял Гитлер. Первым шагом по расширению «жизненного пространства» стало возвращение Рейнской области (1936 г.), далее аншлюс Австрии (1938 г.), возвращение согласно Мюнхенскому сговору Судетской области Чехословакии (осень 1938 г.), поглощение всей Чехословакии (завершилось в марте 1939 г.), захват Польши (сентябрь — октябрь 1939 г.). В течение 1940 года была оккупирована большая часть Западной Европы (Дания, Норвегия, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург).

Армия третьего рейха вышла на берега Атлантического океана. Все ждали броска вооруженных сил через Ламанш

для захвата островов Британии. Очень странно выглядит фюрер, давший возможность британским войскам в начале июня 1940 года отступить от Дюнкерка (южная Франция). У третьего рейха был разработан план захвата Британских островов, получивший название «Морской лев». Но «Морской лев» своего прыжка на острова Туманного Альбиона так и не сделал. Говорят, что в голове Гитлера произошел какой-то «щелчок», вектор его геополитического сознания развернулся в другую сторону. Летом 1940 года фюрер направил большие силы вермахта (корпус Роммеля) в район Северной Африки и Средиземноморья (и там они застряли на целых три года). А 22 июня 1941 года началась операция «Дранг нах Остен» — война Германии против Советского Союза (которая для нас стала Великой Отечественной войной).

Рационально объяснить, почему Гитлер не довел операцию «Бросок на Запад» до своего логического конца, достаточно трудно. Военные эксперты считают, что шансы Гитлера на быструю и эффективную оккупацию островов Туманного Альбиона были очень высокими.

А некоторые историки погружаются в такие гипотетические рассуждения: мол, если бы Гитлер захватил Британские острова, он получил бы ключ ко всей британской колониальной империи. Гитлер вышел бы в «дамки», стал таким властителем мира, по сравнению с которым Александр Македонский и Бонапарт Наполеон выглядели бы очень бледно.

Знакомство с работами и речами Гитлера (в период с начала века до 1945 года) и воспоминаниями генералов и политиков из окружения фюрера подводит меня к мысли: у Гитлера было какое-то трепетное, можно сказать, религиозное отношение к Англии, вернее, англосаксам (британской элите). Кто-то Гитлера называет воспитанником британских англосаксов, кто-то говорит, что, мол, таким он стал сам (в процессе самообразования), кто-то даже считает, что он был британским агентом, завербованным еще в годы Первой мировой войны. Версий много, но, с какой стороны ни посмотреть на Гитлера, он вылитый и безупречный англофил.

Соответственно, он даже подумать не смел о том, чтобы посягать на британскую власть и британскую колониальную империю. Вот слова фюрера, произнесенные им 101 год назад: *«Мы должны были отказаться от колоний и от позиций морской державы и тем самым избавить английскую промышленность от необходимости конкуренции с нами... Мы должны были полностью отказаться от колоний и от участия в морской торговле, полностью отказаться от создания немецкого военного флота. Мы должны были полностью скон-*

центрировать все силы государства на создании исключительно сухопутной армии». Из этой фразы можно также заключить, что Гитлер рассчитывал на то, что «правильный» мир экономически должен быть поделен между Британией и Германией. Первой — колонии и доминионы, включая Новый Свет (США и Канаду), а второй — Евразийский континент.

Гитлер был заражен идеей того, что англосаксы (особенно британские) и немцы — «богоизбранные» народы. Именно им должен принадлежать мир, а остальные народы, этносы и расы — «недочеловеки», которые должны либо освободить Землю от своего присутствия, либо быть рабами «богоизбранных». Гитлер находился под влиянием многих англосаксонских идеологов, которые развивали идеи, обосновывавшие британский империализм. Среди них особую роль сыграл Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927). Примечательно, что в сентябре 1923 года Гитлер лично встретился с Чемберленом в мемориальном доме Вагнера в Байрейте (напомню, что Хьюстон Чемберлен женился на дочери музыканта Рихарда Вагнера и после этого проживал в Германии). Чемберлен дополнительно вдохновил Гитлера письмом, написанным спустя неделю после этой встречи. Оно заканчивалось следующими словами: *«То, что Германия в часы своей величайшей нужды рождает такого человека как Гитлер, доказывает её жизнеспособность».*

Идея, которую Чемберлен внушил Гитлеру и которая оставалась в сознании фюрера до конца его жизни, — мир должен принадлежать «избранным». Избранных народов два — британцы («англосаксы») и немцы («арийцы»). Британцы ведь также давние потомки германский племен, прибывших на острова Туманного Альбиона. Порознь этим двум народам мировую власть не захватить. Они должны действовать совместно. И в идеале (при правильно поставленной расовой политике) должна произойти конвергенция двух «избранных» народов и возникнуть единая раса «сверхчеловеков». Гитлер был очень послушным учеником Чемберлена, а потому враждовать со своими духовными союзниками не мог и не хотел. Через год после прихода к власти, в 1934 г., Гитлер воззвал: *«Двум германским нациям следовало бы стать друзьями уже под воздействием одного только природного инстинкта».*

Гитлеру на Мюнхенской встрече в сентябре 1938 года казалось, что наконец-то союз Британии и Германии начинает приобретать реальные очертания. Напомню, что в этой встрече приняли участие главы четырех европейских стран: канцлер Германии и фюрер третьего рейха Адольф Гитлер, пре-

мьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуард Даладье и премьер-министр Италии Бенито Муссолини. Уже в тогдашней прессе эту встречу стали называть «мюнхенским стовором», который фактически означал создание альянса под названием «европейский квартет». На самом деле это был «дуэт», поскольку главными участниками были Британия и Германия. Гитлер был несравненно счастлив: во-первых, получил добро на приращение территории за счет Чехословакии; во-вторых, кажется, союз Британии и Германии наконец-то сложился! А через одиннадцать месяцев Гитлер пережил страшнейший шок. 3 сентября 1939 года Лондон объявил Берлину войну. Его даже испугала не сама война, а крах британо-германского союза, а следовательно, и крах тех планов мирового господства, о которых ему говорил Хьюстон Чемберлен.

И тем не менее Гитлер фанатично продолжал верить в то, что британо-германский альянс будет восстановлен. А потому только делал вид, что воюет с Британией. Даже втянув германский рейх в войну на два фронта, он оставался *«уверенным, что конец войны станет началом длительной дружбы с Англией...»* (см.: Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Пер. И. Розанова. Смоленск: Русич. 1993). И Гитлер делал множество попыток восстановить этот альянс. Наиболее известная из них — полет рейхсминистра и заместителя фюрера в нацистской партии Рудольфа Гесса в Англию 10 мая 1941 года. Лондон не принял предложения Гитлера о заключении мира, а Гесса объявил военнопленным и посадил его за решетку.

Гитлеру англосаксы отводили роль инструмента для захвата обширных территорий на востоке, т.е. Советского Союза. А после того, когда Гитлер выполнит это задание «богоизбранных», последние объединенными силами Старого и Нового Света нанесут поражение третьему рейху. Наивный Гитлер поверил, что немецкий народ и он, фюрер в том числе, — «высшая раса», «богоизбранный народ». Гитлер, кажется, до конца жизни так и не понял, что он лишь игрушка в руках англосаксонских бесов.

Гитлер и его окружение постоянно говорили, что немцам надо изучать британский опыт создания колониальной империи. Карл Петерс (1856—1918), немецкий колониальный деятель, занимавшийся в конце XIX века колониальным освоением Африки, заявил: *«Происходящее в Британской империи всегда интересует нас в первую очередь: ведь там... наши наставники»*. За несколько месяцев до нападения на Советский Союз Адольф Гитлер напомнил своим товарищам по

партии: *«Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное»*.

О том, как глава третьего рейха собирался осваивать территории нашей страны (в то время называвшейся Советским Союзом), написано много книг. В которых собраны все цитаты Гитлера и других нацистов. Часто в рассуждениях на эту тему нацисты вспоминают опыт Британии по колонизации Нового Света (Северной Америки), Индии и Австралии. Гитлер говорил о двух вариантах колонизации: 1) колонизация с полным уничтожением местного населения (туземцев) и заселением «зачищенных» территорий людьми из метрополии (т.е. «богоизбранными»); 2) колонизация без такого замещения туземцев колонистами метрополии.

Первым способом английские колонисты осваивали Новый Свет и Австралию. Вторым способом — Индию. Туземное население Индии избежало судьбы туземцев по причине непригодности тропиков для заселения белым человеком, британские империалисты этого не скрывали.

О том, как Гитлер планировал учитывать британский опыт построения колониальной империи при походе на восток, достаточно подробно написано в книге немецкого политолога, историка и социолога Мануэля Саркисянца (1923—2015) «Английские корни немецкого фашизма» (она у нас издана на русском языке). Глава 9 работы называется ««Бросок на Остланд»: подражание Британской Индии». *«Наша цель — не Данциг, — заявил Гитлер 23 мая 1939 года. — Наша цель — расширение жизненного пространства на Востоке»*. Как пишет автор книги, Гитлер полагал, что пространство на Востоке должно стать для Германии тем же, «чем была для Англии Индия». Но фактически фюрер воспринимал Россию не как Индию, а, скорее, как Северную Америку и Австралию. Гитлер говорил, что перед третьим рейхом *«стоит лишь одна задача: осуществить германизацию путем ввоза немцев, а с коренным населением обойтись как с индейцами...»* Также: *«...нам придется прочесывать территорию, квадратный километр за квадратным километром, и постоянно вешать [людей]! Это будет настоящая индейская война...»* Как подчеркивает Саркисянец на основе анализа обширного круга источников, Гитлер собирался истребить местное население «своей Индии», т.е. России (Советского Союза), ради заселения немцами. Таким образом его «восточный» империализм был скорее похож на колонизацию англичанами Австралии, чем на их империализм в Индии.

Кстати, в книге «Английские корни немецкого фашизма» есть глава (под номером 8), которая называется «Британс-

кий расизм в действии: колонизация Австралии путем геноцида». Геноцид в отношении туземцев Австралии, описанный Саркисянцем, не менее страшен, чем геноцид третьего рейха в Европе. Мы об этом геноциде в России знаем крайне мало. А вот фюрер и его сподручные, как пишет Саркисянц, были знакомы с британским кровавым опытом на «континенте кенгуру» и брали на вооружение.

Правда, «восточный» империализм третьего рейха имел одно отличие от британского в Австралии. Как пишет Саркисянц, *«то, что происходило в Австралии, было спонтанным проявлением расового инстинкта англичан. Гитлер же с помощью внедрения соответствующих национал-социалистических догм попытался идеологически обосновать и заранее спланировать колонизацию своего восточного пространства»*.

Гитлера на свете нет уже восемь десятков лет. Нет столько же времени и третьего рейха. Но остались те, кого мы называем англосаксами. Они неуничтожимы, как вирусы или беды. И их планы «колонизации восточного пространства» никуда не ушли. Но миссию реализации этих планов англосаксы сегодня возлагают на других фанатиков и ненавистников России.

Конечно, объявление Лондоном войны Германии 3 сентября 1939 года было самым настоящим шоком для Гитлера. А тут еще и Париж буквально через несколько часов также заявил о том, что находится в состоянии войны с Германией. Видимо, это была реакция Лондона и Парижа на документ, подписанный Москвой и Берлином за десять дней до этого. Речь идет о пакте Молотова—Риббентропа от 23 августа 1939 года. Еще вчерашние союзники Берлина посчитали этот документ предательством. И объявлением войны решили проучить предателя Гитлера.

Гитлер прекрасно понял реакцию Лондона, воспринимая ее как рефлексивную тактику, и рассчитывал, что вскоре союз Берлина и Лондона будет восстановлен. Да и в Британии также многие были уверены, что состояние войны с Германией временное. Да, Лондону не очень приятно, что третий рейх начал двигаться на Запад и осваивать континентальную Европу. Но надо набраться терпения и добиваться разворота Гитлера на восток — в сторону Советского Союза. Сэр Артур Ракер, личный секретарь британского премьер-министра Невилла Чемберлена 11 октября 1939 г. сказал, что «в сложившейся ситуации коммунизм представляет собой наибольшую опасность, даже большую, чем нацистская Германия».

Согласно некоторым источникам, в 1939—1940 гг. были признаки подготовки Британии к войне с Советским Союзом.

Позиция Лондона в это время была весьма двойственной. Об этом наглядно свидетельствует советско-финская война, называемая еще зимней. Финляндия была ярко выраженным союзником третьего рейха. А ее антисоветская настроенность проявилась в том, что 30 ноября 1939 года она вступила войну против СССР. Но в зимней войне на стороне Финляндии прямо или косвенно участвовали многие страны. В том числе Британия.

К моменту, когда началась советско-финская война, она уже два месяца находилась в состоянии войны с Германией. И при этом Лондон изъявил готовность помогать одному из близких союзников третьего рейха — Финляндии. Об этой помощи говорится в книге американцев Майкла Сайерса и Альберта Кана «Тайная война против Советской России» (М.: Концептуал, 2023). Вот фрагмент: *«Премьер-министр Чемберлен, совсем еще недавно утверждавший, что его стране не хватает вооружения для борьбы с нацистами, принял срочные меры к отправке в Финляндию 144 английских самолётов, 114 тяжёлых орудий, 185 тыс. снарядов, 50 тыс. гранат, 15700 авиабомб, 100 тыс. шинелей и 48 санитарных машин»*. Авторы книги отмечают, что от Лондона в деле помощи Финляндии старался не отставать и Париж: *«В момент, когда французской армии был необходим каждый предмет военного снаряжения для отпора неизбежному наступлению немцев, французское правительство нашло возможным передать финской армии 179 самолетов, 472 орудия, 795 тыс. снарядов, 5100 пулеметов, 200 тыс. ручных гранат»*.

Так что Гитлер не терял надежды на то, что спектакль под названием «Война Британии против Германии» скоро закончится. Франция его не очень волновала. Особенно учитывая, что к началу лета 1940 года он ее уже полностью оккупировал.

Никаких прямых боевых действий между Германией и Великобританией не было. В результате блиц-операции третий рейх вышел к берегам Атлантического океана и Ла-Маншу. Но брать острова Туманного Альбиона Гитлер не стал. Также Гитлер лично распорядился позволить британскому экспедиционному корпусу беспрепятственно бежать из Дюнкерка. И, видимо, рассчитывал, что этот жест доброй воли приведет к отмене состояния войны между двумя странами и восстановлению того чудесного союзного «договорняка», которого Берлин и Лондон достигли осенью 1938 года в Мюнхене. В документах же, происходящих из окружения Гитлера, содержались следующие записи: «Фюрер не будет в обиде на Англию за эту мнимую войну» (цит. по: Мануэль Саркисянц.

Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». Пер. с нем. — СПб.: Академический проект, 2003).

Историки также полагают (ссылаясь на высказывания людей из ближайшего окружения Гитлера), что фюрер был категорически против захвата Британских островов. Тогда была бы разрушена вся конструкция британской колониальной системы. И британскими колониями завладели бы Америка и Советский Союз. Вскоре после завершения оккупации Германией Европы Геббельс заявил, что Гитлер ни в коем случае не желает «расправы» над Англией: *«Мы не хотим разрушать Британскую империю... Английский народ не должен чувствовать себя оскорбленным... Фюрер, несмотря ни на что, всё еще очень положительно относится к Англии».*

Со стороны Британии было также немало сторонников восстановления только-только начавшегося в Мюнхене в 1938 году сближения двух «богоизбранных» народов — англичан и немцев. Это Британский союз фашистов под руководством Мосли. Также «Нордическая лига» во главе с Молом Рэмзи и «Клуб правых» (также основанный Молом Рэмзи). Известные члены этих организаций в январе 1940 г. на секретном заседании даже планировали государственный переворот, рассчитывали свергнуть правительство и прекратить войну против Германии. В мае 1940 года правительство Черчилля провело аресты заговорщиков (всего почти две тысячи человек, среди них Арчибалда Мола Рэмзи). Впрочем, большая часть заговорщиков остались на свободе (по той причине, что имели очень высокий статус, были «неприкасаемыми»).

Сторонниками восстановления мира с Гитлером были британский министр иностранных дел лорд Галифакс и его заместитель Р.А. Батлер, которые опасались в противном случае краха Британской империи. Английский монарх Георг VI желал сделать лорда Галифакса премьером, именно потому, что он сумеет договориться с Гитлером и сохранить империю со всеми ее колониями и подмандатными территориями. Однако в конце мая 1940 года премьером стал поддержанный лейбористами Уинстон Черчилль, относившийся к идее восстановления дружбы с Германией сдержанно. А Галифакса назвал гангстером и даже пытался арестовать.

В мае 1941 г. посланник Гитлера Рудольф Гесс прилетел в Англию с предложениями о мире. Они, как считают историки, с одной стороны, содержали признание третьим рейхом Британской империи и гарантии невмешательства в дела империи. С другой стороны, они требовали признать за Гер-

манией ее контроль над континентальной Европой. И якобы такой контроль обосновывался необходимостью «не допустить большевизма» в Старом Свете. Кроме того, третий рейх берет на себя обязательство уничтожить большевизм в России (надо понимать, путем ее оккупации), а Британия должна оказывать Германии содействие в этом деле.

Историки до сих пор удивляются, почему Черчилль (пришедший на смену Невиллу Чемберлену) не согласился на столь выгодное для Лондона предложение? А Рудольфа Гесса, который мог бы, наверное, немного прояснить ситуацию, запечатали в тюрьму. Причем, что примечательно, он сидел за решеткой и во время войны, и еще 42 года после ее окончания (судя по всему, был убит в 1987 году в возрасте 93 лет, унеся с собой на тот свет многие секреты).

Считалось, что для того чтобы прекратить войну Британии с Германией, необходимо сменить Черчилля. На его место прочили сэра Сэмюэля Хора, у которого, как тогда говорили в Лондоне в открытую, хорошие отношения с Гитлером.

Так что же мешало Лондону и Берлину объединиться для того, чтобы уничтожить большевизм в Советской России и установить совместный контроль над большей частью мира? Отвечая на этот вопрос, часто апеллируют к Джозефу Кеннеди, отцу 35-го президента США Джона Кеннеди, который в начале Второй мировой войны был американским послом в Лондоне. У Джозефа были тесные отношения с британским премьер-министром Невиллом Чемберленом. Последний якобы жаловался Джозефу Кеннеди, что *«Англию принудили воевать Америка и мировое еврейство»*.

Очевидно, что Англия действительно была использована для того, чтобы запалить Вторую мировую войну. Ведь не будь объявления Лондоном войны Берлину 3 сентября 1939 года, может быть, не было бы и мировой войны. Без натяжки можно утверждать, что Лондон выполнил миссию провокатора этой войны. О провокаторской роли своего предшественника на посту премьер-министра Невилла Чемберлена, объявившего войну Германии, как-то упомянул Уинстон Черчилль: *«Однажды президент Рузвельт сказал мне, что он публично запрашивал предложения о том, как следует называть войну. Я сразу сказал: «Ненужная война». Никогда не было войны, которую так легко остановить, как ту, которая только что разрушила то, что осталось от мира...»*

Но зачем надо было Британии далее продолжать достаточно бессмысленную войну? Тем более что она воевала вполсилы, и ее участие в антигитлеровской коалиции иногда напоминало спектакль? Не возникает уверенности в том, что Лон-

дон действительно хотел уничтожить фашизм на планете.

Не лучше было бы Британии выйти из войны и стать «нейтралом»? Или действительно воевать в союзе с Германией, как предлагали многие политики и в Лондоне, и в Берлине? С какой стороны ни посмотришь, получается какая-то странная для Лондона война. Что вызывало удивление и возмущение с разных сторон. В том числе и со стороны Москвы, которая три года ждала от Лондона открытия второго фронта.

И у руля английского государства оказались не такие по своему логически мыслящие политики, как лорд Галифакс или Самуэль Хор, а мутноватый Уинстон Черчилль. Как неожиданно для многих он стал премьер-министром (10 мая 1940 г.), так и неожиданно он им перестал быть (26 июля 1945 г.). «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить» — этими словами из драмы Фридриха Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» можно охарактеризовать роль Черчилля во Второй мировой. «Мавр» (Черчилль) оставил после себя шеститомный труд «Вторая мировая война». Однако и в нём не просматривается какая-то стратегическая логика Лондона.

Вполне вероятно, потому что Британия, несмотря на всё её видимое имперское могущество, уже начала терять свойства субъекта мировой политики. Её роль во Второй мировой войне определялась теми двумя субъектами, которые Невилл Чемберлен назвал «Америкой» и «мировым еврейством». Америке нужны были колониальные владения Британии, а мировому еврейству (точнее, сионизму) — подмандатная Британия Палестина, на которой планировалось создать новое государство под названием «Израиль».

То, что Британия при премьер-министре Уинстоне Черчилле находилась в состоянии войны с Германией, ещё совсем не значит, что правительство Британии в годы Второй мировой войны боролось за свои национальные интересы. Оно боролось за чьи-то чужие интересы. Об этом парадоксе историки пишут нечасто.

ПОПУТЧИКИ

РАССКАЗ

Забутьё было удивительным, выпал я из яви. Вагон дёрнулся. Меня охватило блаженное чувство. За стеклом уплыла платформа вокзала. Уплывала выбоина в бетоне, в ней скопилась вода, в воде отражалось небо.

Я пропустил миг, когда женщина вошла в вагон. Она почему-то уселась напротив. Проскользнула по мне нехорошими, серыми, слишком светлыми, неудобными, непонятного цвета холодными глазами, мне показалось, не согретыми душевным теплом. Такие глаза, мне подумалось, сводят на нет красоту женщины. Для неё я был словно штора на окне, ничтожная частица движущегося вагона.

Повторюсь, я не сумел заслужить у неё ничего, кроме равнодушного взгляда. Но мне стало тесно, моё пространство теперь заполняла не только женщина, но и её воспоминания. Я стал раздваиваться, одно за другим проносились пережитые ею чувства. Вначале ничего не получалось распознать. Я как бы продвигался по её памяти. Не мог только определить: по лабиринту иду, по тоннелю, по разрушенным ли катакомбам?

ПРОЗА

Прежний «я» разглядывал из-под ресниц женщину, второй «я» получал информацию. Переходил из одного ответвления в другое.

Какие-то ходы были заложены. Раствор в кладке был ещё свеж. Недавно, знать, события происходили.

На женщине была надета модная дублёнка, меховая шапка. Замшевые сапоги. Она аккуратно повесила дублёнку на крючок. Вещей с собой никаких — значит, едет пару остановок, не больше.

Раскрыла журнал, стала его листать. Я смотрел в стекло окна, отражение оттуда смотрело на женщину. Острота пережитых женщиной чувств, начала колоть моё второе «я», предлагая докопаться до сути её воспоминаний. Перескок шёл с яруса на ярус.

Её чувства переходили в слова, слова входили в меня сами собой, я их только осознавал. При этом притворялся, что совершенно ко всему равнодушен.

Кудаю взгляд. В моём настроении произошла перемена.

Полумрак вагона. Поезд шёл вдоль края озера. Стук колёс ритмично накладывался на слышимые фразы. Я считываю их с судорожно сжатых губ. Губы готовы скривиться в плаксивой гримасе.

Не мне предназначены слова.

«Нам посчастливилось стать избранными — совпасть в двух главных проявлениях любви и человечности — в чувственной близости именно друг к другу и в интеллектуальном интересе именно друг к другу. Ты сам признавал, что это редкость, это — чудо, и это нужно беречь и лелеять. Я так и делала. Совершенно переформатировалась под тебя, дома сидела безвылазно, хотя это невероятно для того, кто привык сутками лазить с фотоаппаратом по окрестностям. Я совсем перестала писать, потому что утром непривычно, а вечером уже нужно спать.

Я вовсе не призывала тебя меняться. Я приняла тебя таким, каким увидела, встретила — как и ты меня. Страсть первых дней узнавания улеглась, она успокоилась, и нам нужно было жить друг с другом *каждый день, изо дня в день*. Оставаясь желанными и приятными друг другу.

Но, прости, ты выбрал не того человека, ты меня никогда не смог бы превратить в кухонную принадлежность. Я выше этого, я — лучше.

Меня нельзя контролировать. Я такого не потерплю. Но с тобой, что удивительно, я первое время могла быть сама собой. А потом как-то уяснилось, что ты не принял меня полностью такой, какая я есть, вот я и посчитала, что поэтому у

нас нет будущего. А без будущего зачем всё было начинать, не правда ли?

Тем не менее, ты мне был нужен — с этим не поспоришь. Мы стали попутчиками. Я не предполагала, что дорога, по которой мы пошли, окажется такой короткой.

Попутчикам и надо так внимательно относиться друг к другу. Уважать взаимно мнения, решения «второй половинки», поддерживать и помогать. Возможно, я что-то не видела, в чём-то поступала не так, как ты это видел. Так подсказать надо было. Но и самому, будь ласка, надо было учитывать мои пожелания, решения, потребности.

Не надо было дразнить меня, как обезьяну в зоопарке, если мои решения расходились с твоим видением жизни. Но, даже живя непохожими вместе, мы были не одно и то же, мы разные, и в этом была вся прелесть, тайна и жажда.

Мы как два ключика стеклись в один ручеёк. И течь надо бы согласно, не баламутиться, взбивая ил, а прозрачно сливаться».

Странно мне было слышать упрёки. Косился я на женщину: что слышал, не вязалось с тем, что видел. Женщина изливала свою душу. Она разговаривала не со мной. Поразительно, если бы она могла только предположить, что моё второе «я» стало её собеседником, как бы она поступила?

Ещё поразительней было бы, если б вдруг открылась дверь, вошёл и к ней подсел тот, с кем она разговаривала...

Никак не получалось представить того, кому обращены её слова. Конечно, к мужчине, который был старше её.

Прошло несколько секунд... И тут же слышу ответ. Начинаю ей отвечать. Не я сам, а он. Он отвечал через меня. Повторюсь, я её вижу в первый раз. Ни кто она, ни куда едет. Приблизительно ей тридцать с гаком. Теперь женский возраст определить трудно. Львиная доля денег тратится, чтобы скрыть возраст.

Мне как-то всё равно, куда она едет. Может, от кого бежит. Я для неё тоже попутчик, не любезный. Не удосужился помочь снять дублёнку. Не завёл разговор.

А Он между тем отвечает. В стекле видно отражение, может, это Он?

Женщина взглядом прошлась по мне. Отметила, что у меня спокойное лицо. У меня, оказывается, крупные ноздри. У меня шевелятся губы.

Он начал с ней говорить. Голос взволнованный, с хрипотцой.

«Я считал, что лишь на время человек прилепляется к другому человеку, до тех пор, пока в сердце сохраняется привя-

занность. Привязанность имеет свой срок. Ты, кажется, с самого начала для себя установила такой срок. Год, три года, пять лет? Сколько проживётся. На моё предложение выходить за меня замуж, ты ответила, что никогда замуж не пойдёшь. Замуж — это лишиться свободы.

Я понимаю, у тебя богатое прошлое, такое редко когда сразу отпустит. Оно постоянно будет выглядывать из-за плеча, оно будет подталкивать под руку, оно будет подмечать просчёты и огрехи. Оно будет сравнивать. Оно иногда холодным сожалением нелюбви наградит.

Тебе, как наркоману, нужны новые ощущения».

«С чего ты взял? «Поживётся» — зависит от тебя. Я тебе очень благодарна, мне с тобой было хорошо. Повторяю, насилия не переносу, а его постепенно накопилось до предела — и секс без желания, и диктат режима жизни, и ковыряние в мозгу. Просто стало невыносимо. Моё состояние — свобода, и я вернулась в неё. Уступки каждый день — это тюрьма. Я спасаю свою личность. И теперь мне очень хорошо».

«У моего прошлого тоже свой набор привычек, оно тоже сравнивало и сравнивало, выгребало из далёких тайников прошлые встречи, прошлые связи, сопоставляло. Лучше, хуже... Тебя морщило от моей сдержанности, от неласковости, от нежелания говорить доброе утро и спокойной ночи. Тебе хотелось чего-то особенного.

Раз за разом задаю себе вопрос, что лучше: когда соединятся двое неумех или когда, обременённые каждый своим опытом, неординарные, создают союз? Союз чего? Союз для чего? Союз ли?»

«Я живу теперь отлично — наслаждаюсь одиночеством и свободой. Связала декоративный элемент к одной из юбок. Никого не вижу и счастлива этим. Завтра будет весёлый день — всё утро составляла себе вкусный маршрут праздничного передвижения. Конечно, не всё намеченное сбудется, но буду стараться. Я выхожу редко, но метко».

«Мне раз за разом приходилось сдавать свои позиции, уступать в мелочах, не договаривать, подмечать несуразности. И молчать. В ушах стоит твоё: «Не говори мне это, я не хочу это слышать. Мне это не нужно... Я не боюсь, если ты меня выгонишь».

Почему «выгонишь»? Значит, ты в себе не уверена? Значит, такое уже было.

Спешка, с которой ты уехала, породила неясное чувство. Что-то мне нужно было делать не так? Что?

Сдуть пылинки? Влюбленно глядеть в глаза? Ворковать? Засыпать подарками? Так многое из этого я проделал до при-

выкания, до насыщения, до пресыщения, которое в позевоту стало выливаться. Я ведь не сразу понял, что ты начала, спустя пару месяцев, искать, к чему бы прицепиться. Это стало потом. Мелочи начали главенствовать: не так посмотрел, не то сказал, не так держу ложку. Запахи тебя начали преследовать. Тебе тошно стало. Ты ждала большего.

Ты глаза стала отводить в сторону. И эта дурная привычка — втиснуться в угол кресла и молчать. Делать вид, что книга заинтересовала. Ты молчанием отгораживалась от меня. И как-то исподлобья поглядывала. С этого начались сомнения. А сомнения — они жизненные качели».

Моноotonно постукивают колёса. Этот стук готов был свергнуть в равнодушие и сон. Никак не получалось представить того мужчину, кто говорил. Голос слышу. Странны мне эти мысли вслух. Тот мужчина не обличал, он пытался что-то понять. Он растерян. Удивительно, его как бы и нет, а я его слышу. Краем бы глаза сопоставить их обоих... А вообще-то, мне показалось, что женщина сожалеет. Я стараюсь стать ко всему равнодушным, отдаться забвению, в нём отвратительное противостояние двух забудется.

Негодование и досада, скопившиеся за несколько минут, превращали меня в съёжившуюся оболочку. Я стараюсь смотреть в окно, чтобы избежать взгляда с женщиной.

Мне ничего нельзя принимать всерьёз. И он, и она отплачивают долг. Мужчина виноват, больно сдержанным он оказался. Ни разу не опустился на колено, не осыпал цветами, не спел серенаду. Подобные мелочи имеют огромное значение.

Женщина с рассеянным и равнодушным видом перелистывала журнал. Она перелистывала совместно прожитые дни. Она упрекала себя за сентиментальность романтической дурочки.

«Я вообще никогда ни с кем не мечтала соединить свою жизнь. Вольный поэт жизни. Хоть это и звучит смешно, но я гордилась своим эгоизмом. Никому не обязана. Кто-то возил, кто-то кормил. А ты почему-то сразу заговорил о долгосрочном узаконенном отношении. Меня сначала вполне устраивали наши отношения. Сегодня, сейчас — хорошо, ну и нечего загадывать будущее. Я боюсь будущего. Беспокойство не по мне. А ты повёл себя странно. Надеюсь, теперь сожалеешь о своих поступках? Что-то хотел бы исправить, но поздно. Уже не вернуть тех счастливых минут. Теперь мне трудно было бы тебе поверить. Встреча с тобой вызовет панику, она не будет возвратом чувств, любое твоё слово не отзовется во мне. Ты вдруг стал не тем. А я, повторюсь, с тобой

чувствовала себя счастливой. Я была готова простить тебя за всё, забыть те минуты, когда ждала слов любви и готова была плакать из-за их отсутствия. Что ни говори, а ты подарил мне надежду.

Не сердись. Просто радуйся. Помнишь, что ты говорил, каким был в начале нашего общения? Вот и будь таким же. Просто радуйся, что я у тебя была. Ты считал, что я — подарок судьбы. Я — подарок судьбы тебе. Что у тебя есть ещё? Неужели твоё одиночество тебе приятнее? Тебе выпало счастье, а ты всё время хотел его прикопать поглубже. Зачем? Теперь просто живи и радуйся. Не грузи себя вопросами.

Когда я была с тобой, меня постоянно целый день угнетало чувство, что ты ждёшь только одного — тактильной близости. Сидеть рядышком или лежать... Я ж и не против — часок поваляться. А ты бродил по дому и тянул из меня жилы ожиданием ночи. Ну как я могла расслабиться, когда целый день в таком напряжении? Я уверяла тебя, что можешь напрочь выбросить из головы свои фантазии о моих вероятных изменениях — я уставала от секса с тобой. А теперь я просто летаю от ощущения свободы и независимости, телесной пустоты.

Ты убедил меня в самом начале нашей жизни, что близость необходима — я согласилась и несла это согласие старательно — не отказываясь. Но и ты меня пойми: то, что было вначале, это — страсть. Она могла повториться только если бы ты как-то вызывал у меня аналогичную вспышку страсти. Страсть из ничего не сделать, потому что я всё пропускаю через мозг.

Женщины вообще сложнее мужчин, которых тронь — и готово. Просто многие во благо добрых отношений врут и притворяются, а я тебя уважала и была предельно честна — даже в постели. Повторяю, я ничего не требовала, я была честна и открыта. И мне было тяжело, когда ты бродил вокруг, вздыхал, какие-то гадости думал...

Ты почему-то решил манипулировать мною. Я, наверное, проявила слабость.

Я через некоторое время трезво посмотрела на вещи: никакой совместной жизни у нас не получится. Я не Золушка — прекрасный принц не для меня.

Ты, кажется, навоображал про меня, точно даже и не знаю что. Я ведь сама к тебе приехала. Я не такая, какую бы ты хотел рядом с собой женщину. Да и ты вблизи не гавань, в которую мой корабль мог бы заходить на отдых. Мне пришлось бы отчитываться: что, когда, где, с кем... Тебе не удалось сделать из меня заботливую жёнушку. Я не способна влюбиться.

Мы — разные. Это не главное, главное в том, как мы относились к этой разности. Мы не нашли общего языка. Не договаривали друг с другом, не принимали вместе решения. А потом я почувствовала какую-то ненависть к себе.

Тебя взбесило, что я вдруг собралась и уехала в свою старую квартиру».

Женщина отложила журнал в сторону. Выражение лица поменялось. Задумчиво уставилась в стекло. За окном мелькали деревья. Поезд прогремел по мосту. Змеёй проблеснул извив речушки. Я видел, как таяла на лице женщины печать прожитых дней. Печать надежд. Воспоминаний о неудачном общении. Её глаза вспыхнули один только раз: наверное, те минуты она не выпустила в пространство. Мужчина лишил её того, на что она надеялась. У неё к горлу подступил комок. Она сглотнула. Достала платочек, пахло фиалками, прикоснулась им к краюшку глаза. Я внезапно почувствовал нелюбовь к ней.

«Как ни ломал я голову, всё неутешительно. Жизнь стала пустой и бессмысленной. Я ничего не достиг. Я думаю о тебе постоянно. Из-за наивности, наверное. Из-за привязчивости. Я, как и ты, мы оба рассчитывали на великий подарок жизни, на любовь, но любовь вряд ли посетит того, чья душа не возделана. Кому, мне или тебе не хватило терпения? Всякий раз у нас с тобой после разговора оставалось что-то недосказанное, невыясненное, какие-то слова становились подозрительно холодными, чуждыми, и мотив разговора получался обидным.

Ты уехала. Я понимаю, что надоел тебе, не тем оказался. Понимаю, что непрошенно лез, что вызывал у тебя своим непониманием отвращение. Я бездумно шарахался по дому, покушаясь на тебя. Ничего не делал. Я не умею склеивать прожитые страницы книги жизни.

У тебя серёдыш прожитой жизни толстый, пережитое ты склеиваешь, получают начало и всегда чистая страница. Твою середину никто не имеет права читать. Мой же серёдыш — листай, черкай, что хочешь. Прости за то, что я не воспринял тебя как целое — как человека и как женщину, которая пишет стихи. Я до сих пор продолжаю делить эти понятия. Ты открыла новое в моём видении. Встряхнула. Тебе было легче, непонимание ты в строчки стихов переводила. Не получилось мне вжиться в твои отъезды и приезды.

У тебя родилось множество стихотворений. Ты уезжала, приезжала другая, всё более замкнутая. Каждый раз приходилось принаравливаться.

Мы так и не научились говорить».

Мне послышался смех. Увидел полуоткрытый рот, белую полоску зубов. Мне бы прекратить сопоставлять бессмысленный разговор. Я не понимал, что происходит. И её, и его я могу истолковывать по-своему. Чудно вёлся разговор: то в прошедшем времени, то — в настоящем. Мне бы самому с кем-нибудь поговорить — поговорить всё равно о чём. Чтобы и мои слова дошли до чьего-то сознания, отозвались в ком-то. Но даже отражение в стекле не кивает мне оттуда. На мой язык не приходит ничего значительного.

«Я — такая, какой была всегда, какой тебе понравилась. Ты — тоже. Я тебя приняла как есть — не переделывала, ибо уверена, что это глупо и бесполезно. И тебе не надо было стараться это делать.

Ты говорил о понятии «мы», «наше». Появившись у тебя, я сразу заявила, что от меня одни проблемы, дохода в семью не принесу. Что я буду рукодельничать. Что я молчалива. Что мне важно чувствовать себя свободной. Ты всё это знал с самого начала. Не понимаю, почему ты так старался меня реформатировать? Я же не переделываю тебя — какой есть, такой и хорош. Ты мне понравился. Я тебе понравилась.

Я билась, бьюсь и буду биться об острые углы, потому что таков мой характер, который, как известно, не изменяем. Именно поэтому, устав биться о чужие углы, я и укрылась у тебя — чтобы возвращаться к тебе из недалёких и коротких странствий и отдыхать душой от несильных бурь. А ты сам шипы выставлял навстречу.

Да, мы с самого начала были разными! Скорее всего, так про себя думали.

Молча копили неприязнь, накручивали себя. Не помню, когда пришла в голову мысль снова сбежать, в моей прошлой жизни набор привычек создавал подобие жизни, я начала думать, что снова родится полнота той, прошлой жизни, та полнота меня выручит.

Так и не так. Повтор не бывает одинаковым. При повторе, раз за разом, нутро ссыхается. Раз за разом хотение мельчало. Я не думаю, что ты готов был согласиться на малое».

«Крохи чужой жизни издали кажутся полноценным куском. Чужие куски хватать — слезами давиться. Последнее дело — греться у чужого очага, особенно мужику.

Я помню наше предпривыкание. В недоговорках, в попытках перехватить взгляд, в стремлении суть происходящего понять.

Не получалось мне отгородиться от мира. Со всех сторон лезла информация, лезла в щели. И всё больше о тебе, и ни от чего нельзя было отмахнуться просто так. Слишком яркая ты для обыденной жизни. Мне говорили, что ты стоишь боль-

ших денег. Чтобы где-то выступить, готова для этого пойти на всё. А что это всё для женщины?

Я не ангел. Жил на острие, был в гуще происходящего, отвергал что-то, меня гнобили, доходило — был всё равно что изгой. Удерживался на ногах, шёл дальше. Топили в одном, всплывал в другом месте. Не искал чьей-то поддержки. Реагировал на всё.

Не матрёшка-неваляшка я, но несущий определённую миссию. В чём эта миссия — толком не знаю, но выстоять, и выполнить предназначенное обязан.

Не ловчил, не предавал. Кажется, это давало мне возможность ужиться даже с чёртом, но... Но я никогда не жил с чёртом. Можно ли, живя с чёртом, остаться самим собой? А мне хотелось и хочется, чтобы меня пожалели».

Мужчина, кажется, хотел сам себя утешить. Но для этого требовалось рассказать о себе всё. Он не готов к этому. Он не понимает, что с ним произошло. Это ужасное чувство: Он — как бы посторонний всему. Нет ничего проще не рассказывать ничего. Я почуял улыбку его. Почуял на расстоянии. Улыбка — это свет. Сколько раз про себя отмечал разные улыбки: липкие, обжигающие, пушистые, мерзкие. Многие улыбки можно только было угадывать. Я по-настоящему не знал, что мужчина пережил.

«Вспомни, что в глубине я самая хрупкая, нежная, не способная на сопротивление жизни. Эта моя конкретика, определённости в высказываниях — не грубость, не давление силы, это — защита. Могу только защищаться. Ухожу оттуда, где давят. Предупреждала, что могу быть только в любви и добре, и красоте человеческой. Злилась на тебя. Никто не имеет права лезть в мою личную жизнь. А ты готов терпеть хоть сатану. Тебе всё равно, кто рядом с тобой.

Знаю, что ты ждал ласки, любви, заботы. Но я ведь готова была это всё дать — и давала, разве нет?

Ты разбередил меня. Мы расстались, потому что трещина разраслась до размеров пропасти. Пожалуй, отложим разговор. Для такого разговора глаза нужны».

«Как так вышло, что и я стал не таким, и ты почужела? Я ревновал тебя ужасно. Было за что. Я не встречал более красивой, более желанной и сумасшедшей женщины в своей жизни. Ты была непохожа на жадных, голодных, крикливых баб. Я должен был каждый день подтверждать свою особенность в твоих глазах. Взгляд ли ловить, прикосновениями ли нелюбви полниться, раздаривать ли себя? В этом, что ли, должна состоять жизнь двух непохожих людей? А зачем? Я знал, что всё равно когда-то наступит тоскливая осень.

Что свело нас? Скорее всего, любопытство. Даже не любопытство, может, я для этого приехал в Снежинск, чтобы открыть тебя для себя. Может быть, и тебя судьба привела сюда. Твои руки, твой голос, манера держаться... И это, и что-то ещё. Мы оба поразили друг друга, заставили слиться два потока. Оба, каждый со своей стороны, разрыли перемычку, поплыли в предназначении. Нам озарение минутой позволило раскрыться.

Я помню удивление: как же раньше я тебя не встречал? Любопытство перешло в интерес. Потом возникла боязнь, что могу тебя потерять. Потом возникла тяга, потом узнавание. Потом твой телефонный звонок...

Ты такая же, как все, и не такая! Время лепило тебя для меня. Может, поздно встретились? Может, поиск тихой гавани, временного пристанища заставил тебя обратить внимание на меня? Может, виноват вековой ток сердца? Желание попробовать новых ощущений?

Я ведь один из... Мне думается, у тебя минутный сбой произошёл. Ты запуталась в себе.

В чём странность нашего сближения? Ты говорила, что всяких видела. Я — всякий и не такой».

Женщину я вижу перед собой. Кто он, тот мужчина, с кем разговаривает женщина? Он пока не назвал её имя, и она его никак не называет. Он вроде как не даёт заглянуть в свои карты, и она успешно избегает всего, что могло её ранить. К чему тогда разговор? Он будто вглядывается в опустевшую даль отношений, она, не разучившаяся улыбаться, ловит ушедшие мгновения. Мужчина переживает больше.

Меня внезапно посетила мысль о двойственности всего. Они оба делят друг друга. Только мужчина пытается свой мир приблизить к женщине, а женщина переступила порог, и для неё мир мужчины перестал существовать. Ей безразлично стало.

«Твои стихи, в них, несомненно, талант. Но ты поняла: что-то неуловимое ускользает, растворяясь в некой монотонности. Ну не совсем так. Накрутка образов, умозаключений, искусственной страсти — тупик. Ложатся на сердце простые строки. То, что написала в Снежинске, разительно отличается от твоих прежних стихов. Твёрже на ногах стоять стала. Шелест, шепот пением сменился. Стихи твои сшиты из специально подобранных красивых лоскутов-образов. Чувство добавилось...

Тебя волнует рейтинговая принадлежность к некоему кругу. Почему ты стремишься занять какое-то место, выторговать его, мельканием запомниться?

И снова сам себя спрашиваю: что в тебе такого особого? Скорее всего, чувство внутреннего одиночества. Ты глубоко одинока. Страшно это осознать. У тебя полно друзей, знакомых. Виртуальных, настоящих. И ты при этом одинока. Ты никому не можешь открыть душу. Еще поражает незащищённость, что ли, ранимость, непосредственность, неспособность долго удерживаться возле? Возле чего?

Ты, скорее всего, ловец ощущений. Ты на уступки временные идёшь, пересиливая себя. И легко уходишь, даже не оборачиваешься. Характер такой? Или в одиночестве твоём таится что-то другое?

Желание и боязнь уживаются воедино. Всё до какой-то черты. Какая-то отстранённость, взъерошенность и тут же отклик на ласку».

«Это верно! Именно изменения человека позволяют писать такое разное об одном и том же мире. Я счастлива, что могу так расти и меняться, могу в самом простом унылом виде каждый день обнаруживать новую историю, новую картинку, новую музыку слов. Это — главное содержание моей жизни и этим я дорожу. Как выключится функция — так и вымру. Но пока — идёт процесс накопления. Очень интересно жить! А ты, в тебе холодная кровь. Долго быть с тобой — скучно. Но мне было приятно, что ты признавал свои прошлые ошибки. А у меня ошибок не было. Моё прошлое — опыт. Я не представляю, как можно потратить часы на то, чтобы что-то сварить? Эти часы можно потратить на что-нибудь гораздо более важное. Полистать книгу, побродить по улочкам, сходить куда-нибудь... в театр».

Женщина вглядывается в стекло, как в зеркало. Она откидывает упавшие на глаза пряди. Никаких изменений на лице. Губы не стали ярче. Потух блеск глаз. Она пытается вымучить улыбку, чтобы для себя выглядеть обворожительно, но прелесть утратилась. Пришло совсем другое. Она снова пытается поймать взгляд. Он какой-то растерянный. Она будто видит такой себя впервые. Закрывает глаза и откидывается к перегородке вагона.

Я опять для неё никто, меня бессмысленно одаривать даже мимолётным взглядом. Я не в её вкусе. Но во мне откуда-то взялась смелость судить о них. Если подходить поверхностно, то всегда можно найти, к чему прицепиться. Наблюдая за женщиной, могу заключить, что одновременно, разговаривая с мужчиной, она смотрит в окно и видит небо, мелькающие деревья, представляет станцию, на которой сойдёт. Там её кто-то ждёт. Она снова

хочет быть счастливой. Она думает о том, какое произведёт впечатление. Всё это она обдумывает трезво и хладнокровно.

«Я бессильна перед судьбой, бессильна перед желаниями, порывами. Это мучительно непереносимо. Меня это чувство преследует всю жизнь, я не знаю, чего хочу. Это чувство превращается в наваждение. Нет уже способности превозмочь бессилие. Мне по ночам бывает страшно. Прости, меня. Уходя от тебя, я мстила самой себе.

Я — цветок под дуновением ветра. Я же всё пробую, прежде чем написать — всю жизнь пробую, на вкус, на тепло, на всё-всё-всё. Иначе как написать, если не знаешь? Я самый правдивый автор во Вселенной. Я верю в неземную любовь, которая сильнее смерти».

Кого теперь ни послушаешь, во всём виноваты мужчины. Перевелись рыцари. Мы не способны на подвиги. Мелочны, не умеем зарабатывать. Я, кажется, начал сочувствовать мужчине. Я не презираю эту женщину, которая быстро забыла о чувствах. Они сделались несуществующими. Ей не хочется бороться с претензиями мужчины. Она бессильна бороться и с собой. То, что говорит мужчина, до неё не доходит. Мне становится стыдно, что я как бы подслушиваю. Не понимаю, отчего возникло желание судить? Я всего лишь попутчик...

Стоп. Мне показалось, что на глаза женщины навернулись слёзы. Она тут же подумала о накрашенных ресницах. Подумала трезво, хладнокровно.

Нет, у неё не холодная кровь, её спокойствие — не равнодушие. Она просто не выплёскивает свои чувства. Другие на её месте кричали бы, вопили в голос, рвали волосы на голове, просили у кого-то защиты. Она всё время оставалась настоящей.

«Я видел твои промытые радостью глаза. Именно промытые, именно радостью счастья. Когда ты откровенно довольна, взгляд у тебя делался плавающим.

Что меня настораживало, так это необъяснимая, непонятно откуда возникающая шепетильность, мелочность, эдакий педантизм: делать и поступать нужно только так.

Ты интуитивно знала, что тебе нужно, природа в тебя заложила определённую задачу. Вопрос ты словами не всякий раз способна выразить, но движением, взглядом, поступком намерение обозначала.

Нет, ты не женщина-пиявка: пиявка выборочно жертву выбирает, не ко всякому присосётся. Пиявка выделяет в рану особое вещество, чтобы кровь не густела, а такая, как ты, обольщает чарами, интригой, посылками. Насытилась — от-

валилась, пока перевариваешь добытое, живёшь спокойно, а там очередная жертва, новый поиск.

Я тебя ни в чём не осуждаю, не имею права, я тебя не корю, ты заняла у меня всю пустоту в душе, я тебя по-своему люблю. Наконец, что странно, я привык к тебе такой. Мне достаточно видеть тебя рядом, не видеть, а находиться рядом, чувствовать. Но ты сбежала, уехала — всё равно, что умерла, а это будит вопросы».

«Не придумывай проблем там, где их нет. Не надо стараться делать мои дела, я сама справлюсь. Хочешь помочь — предоставляй возможности. В жизни всё случайно — от рождения до смерти. Включая попутчиков. Ты меня не заказывал доставкой по почте. И я ничего такого не предполагала. Если люди встретились и им хорошо — они могут быть вместе. Учитывая индивидуальные особенности. Тебе нужен покой и сидение дома — я тебя не беспокою. Мне нужно бурление жизни, я бурлю аккурратно.

Если тебя это сосуществование очень напрягало — я всегда готова была собрать вещи и уехать. Домоседкой-клушей я точно не стану. Для тебя работа на первом месте и для меня. Мы совершенно одинаковы. Только ты пишешь свою жизнь изнутри, а я её творю снаружи и потом только перерабатываю в тексты. Без этого творения, бурления я как поэт не могу существовать. Извини, но в последнее время ты не вызывал во мне ничего, кроме раздражения и страха. Да, ты не угрожал мне, поил, кормил, но не в этом счастье жизни. Мы не смогли сопоставить наши точки зрения и создать единое близкое представление».

«Мне легче к тебе было приноровиться, чем тебе. Я это понимаю. Твоя прошлая свобода просто так не сдавала свои позиции. Никакими вожжами тебя возле не удержат, если ты не захочешь. Даже если захочешь, сотни причин намёками звать тебя будут в прошлое. Подталкивать, показывать, сопоставлять. Всегда есть выбор. Всегда где-то лучше, веселее. Ты — поэт, и не в последнюю очередь — женщина.

Любовь — это, прежде всего, неспособность контролировать. В любви не нужно думать, строить планы, страдать о прошлом, ревновать непонятно к чему. Любовь — это когда тебе ничего не нужно от того, кого любишь, но при этом чувствуешь ответственность. Хочется делать, хочется прикасаться, стоять за плечом, наблюдать. Видеть в глазах одобрение.

В любви что-то хочется делать. Я не упрекаю. Ты в последнее время всё больше сидела молча, уткнувшись в книгу. Первый признак сомнений. Переворачивая страницы, мне

казалось, ты час за часом переворачивала наши минуты отношений.

Легче быть счастливым, чем несчастным. Легче любить, чем ненавидеть. Легче жить настоящим, ничего не вспоминая и не сравнивая.

Мою память заполнило «вчера». И там единственное, что имело значение — наши отношения. Отношение к самому себе, отношение к тому, кто рядом. Отношения к ощущениям. Мне иной раз, глядя на тебя, становилось страшно. Поэтому что счастливый человек боится потерять своё счастье.

Я долго ломал голову, почему ты несколько раз произносила: «Если ты меня выгонишь!» Чтобы выгнать, нужна веская причина. Как это, тебя да и выгнать? Скорее, наскучит — уйдёшь сама. Уйдёшь сама от себя. Не к себе! Снова поплывёшь по течению».

Я так и не понял, от чувства умиления или от чего-то другого, от воспоминаний, лицо женщины начало гореть. За окном пронеслись берёзовые околки, поля. Пронесилось прошлое. Оно, наверное, позволяло быть уверенной. Мне показалось, лицо женщины стало по-настоящему умным. Вспомню ли я её спустя пару дней? Моё замешательство прошло. Глаза женщины в беспрестанном движении, она сопереживает мелькавшим картинкам за окном. Меня по-настоящему начало угнетать, что я не удосуживаюсь её взгляда. Мои попытки вымучить улыбку, заканчиваются ничем. У меня, наверное, испуганный и рассеянный взгляд.

«Пять лет я жил один. Умершая жена меня не отпускала. Сколько раз, сидя у могилы, просил дать возможность попытки нового счастья. Она молчала. Ни разу не снилась. Мне говорили, что надо отстегать могилу прутом, тогда её последние слова «Я буду всегда у тебя за спиной» потеряют силу.

Я никогда никому не жаловался. Никогда не был должником. Не разменивался, не искал коротких утех. Я ждал. Кого? Может быть, тебя.

Ты у меня во всех ощущениях. В касаниях, в форме лица, в фигуре, в тембре голоса. Ты и беда, которую нельзя разделить с кем-то. Беда, разделённая с кем-то — так, недоразумение.

Ты вошла в мой мир. Вошла, вроде бы ничего не требуя, и в то же время, забирая всё. Парадокс. Мы в поиске, в ожидании. Насторожены.

Странно! Кажется, я тебя знаю давно. Кажется, я тебя совсем не знаю.

Я говорю «спасибо» за каждый прожитый день. Почему? Да потому что каждый такой день возвращал частицу жажды жить, полнил ощущениями, кончики пальцев начинали

улавливать токи другого тела. Тела, которое отзывалось на прикосновения.

Странность в том: тело хотело только получать ощущения, хотело забываться в страсти. Хотело, хотело. Оно быстро привыкло получать. Быть расслабленным. Находиться в неге.

А потом что-то разладилось. Как разобраться в растерянности и непонимании? Вырваться из пут. Раздражительность твоя не из-за того, что не писались стихи, не из-за того, режим стал другим. Раздражительность заключалась в несогласии».

«У меня очень спокойная и закрытая жизнь, никого не весело, не ублажаю, совершенно счастлива, проводя сутки в тишине и совсем без общества. Глаза не грустные, а «размышлятельные».

«Ты несёшь в себе что-то запретное для других, ты оберегаешь это. Я, наверное, вклинился в то запретное, иначе с чего перехватил как-то твой взгляд, полный неприязни. Рассуждать о твоих стихах стало непозволительно. Слушать их приятно. Видеть и ощущать твой темперамент. Твою жестикуляцию. «Воробышек».

Я, наверное, излишне рассуждаю. Коровье счастье — пережёвывать жвачку и доиться, доиться и есть. Так и в моих рассуждениях.

Претензий нет. Даже нет непонимания. Твой образ, как бы ты ни относилась ко мне, я пронесу до конца. Лошади удила вставляют, чтобы на скаку её останавливать.

А на что я надеялся? Говори «спасибо» судьбе за все минуты, и, насколько хватит сил, живи. Не изживай жизнь, бери от неё всё. Она одна. Бери, если даже миг будет длиться счастье. Часто ловлю себя на том: иду по улице и ищу тебя взглядом. Мимо идут люди, но я всё равно ищу тебя.

Последнее время ты, разговаривая со мной, смотрела не на меня, а в большое зеркало. Ты уже была в далёком зазеркалье. Ждала кого-то. На меня из зеркала полз страх».

«Одну жизнь живём. Миг счастья. Это ты верно заметил. Я жила и далее хочу жить свою авторскую жизнь. Ничьей женой я никогда не стану, ни твоей, ни чужой.

Денег я у тебя не прошу. И в квартире я не прописана, ты за второго человека не платишь — не нужна мне ни квартира, ни иная собственность. В конце концов, соглашаясь жить с красивой женщиной, ты о чём думал? Что я буду в штопаных колготках ходить? Говорить о деньгах с женщиной, с которой, пардон, спишь, — это вообще офигительно! Я говорила тебе, что раньше секс у меня был только по страсти, в период увлечения — как у нас вначале. Но потом наша страсть по-

тухла. Ты убедил, что бывает любовь-жаль. Я согласилась тебя жалеть. Но это стало очень похоже на работу — страсти нет, только необходимость еженощно сжалиться. Это для меня непросто, уверяю.

А вот как самобытного человека я себя ценю вообще очень-очень дорого и то, что ты имел рядом такого редкого попутчика по жизни — неважно, какой срок, — дорогого стоило.

О сроках и планах вообще говорить глупо — женись, не женись, а вот машина собьёт, и никакой брак не воскресит.

Ты сам всё время говорил, что живёшь сегодня, не загадываешь. Вот и я не загадываю. К тому же брак ещё никого не удержал от развода. Я древняя женщина и давно не легкомысленная. Я радуюсь передвижениям в пространстве и новым ощущениям для мозга, для мыслей, для творчества, для тела. Так что либо тебе надо было принимать меня, какая я есть — как я тебя приняла, — либо...

Как видишь, мы расстались.

Понимаю. Ты обиделся на меня навсегда. Может, и вспоминаешь с ненавистью. Но ведь я не должна жить с мужчиной, к которому всё пропало. Лучше жить одной.

Не знаю, сколько раз нужно говорить об одном и том же? Слова бесполезны. Я живой человек. Меня нельзя заставить. Я не вещь. Жизнь такова и она — определяющий фактор, её не перекрыть. Я никогда не буду сидеть рядом с тобой на диване весь день месяцами напролёт — я всё время буду уезжать и возвращаться — только так мне интересно жить. Твоя жизнь проходит только внутри себя. Моя — везде. Ничего странного в этом нет, не нужно переживать — просто такова данность. Ты же признаёшь, что я талантлива, исключительно — так не приземляй, не стану я клушей.

Я — нерастворимая соль Вселенной. Я везде в центре жизни.

Моё отечество действительно пошире, чем твоё будет. Я — пылинка Вселенной. Я ненавижу себя за то, что сама пришла к тебе. Никогда себе этого не прошу».

«Ты — женщина-змея, сбрасываешь одну кожу, надеваешься другой — и никакого прошлого, никаких воспоминаний, переживаний. Лишь бы что-то, кто-то грел. Меня всё гнетёт. Время, правда, лечит. Или поднимает, или в пучину. Надеюсь на первое. Человек ведь существо гибкое. Страдания не длятся долго. И радость не бывает бесконечной. Всё быстротечно».

«Я к тебе не равнодушна, но часто молчу и сдерживаю не очень приятные впечатления и мысли, чтобы тебя не задеть. А ты, похоже, сдерживаешь всё хорошее и льёшь на меня отборные помои».

Я радуюсь всему. И миру, и людям, и стихам, и тебе, и себе. И ты радуйся мне, суетливой. Просто радуйся и не учи жить по-своему. Я — другая. Многослойная, как ты верно увидел. И жизнь моя многофакторная. Мне так нужно для счастья. И читать меня должны многие и разные. Пусть никто до конца — зато каждому — своё. Очень рада, что ты разглядел многослойность. Умничка! Твои мысли пахнут совсем не так, в словах ты сдержан. Это слышно. Слова не означают, что ты имел в виду».

«Когда все любят, значит, никто по-настоящему не любит. Разве можно на всех опереться? Как понимаю, сейчас ты начала работать на «на потом». Потом одно, потом другое, потом, потом... Удачи в этом потоке».

«Что такое «потом»? Я живу сейчас. Да и ты тоже. Ведь всё время всем говоришь, что на потом не загадываешь. И я не загадываю. К счастью, у меня масса друзей — и на всех я могу опереться. Спасибо за пожелание удачи! И тебе удачи в твоём творческом потоке! Надеюсь, ты меня не перестал любить по-настоящему и будешь самой мысленной надёжной опорой. Я мысленно разговариваю с тобой. Хотя вот сам подумай — я уезжаю, переживаю, хоть и бодрюсь. На какие шиши я тут питаюсь, когда от тебя уезжаю? И вообще как живу — тебя это, похоже, не волнует. Тебе, видимо, не важно, как я тут, где, — ты ни разу не спросил. Наверное, тебе не важно. Что же, принимаю. Ты — это ты. Я — это я. Нам вместе иногда даже весело».

«Мы можем дать друг другу только то, что можем. Я тебе — творчество, выплески в жизнь, возможность чувствовать рядом интересного живого человека и, более того, женщину.

Ты мне можешь дать возможность прибиваться к тихой пристани и там творить то, что накопело.

Возможно, тебе не интересно моё предложение, и ты не хочешь делиться тем, что важно для меня. Ну и без проблем.

Но я не понимаю, что тебе не нравится? Зачем тебе нужно, чтобы я сидела дома и кисла, как квашня, если ты можешь способствовать моему росту и тем самым получать материал для себя?

Что ты вообще от меня хочешь, объясни хоть раз внятно? Я так ни разу и не услышала. Вот напиши несколько пунктов. Не то, что ты хочешь от некоей воображаемой идеальной женщины-спутницы, а от меня, такой, какая я есть, раз уж мы вместе. Ты выбрал меня, значит, я тебе была нужна. Переделываться я не буду, только расти — с твоей до сих пор помощью, кстати.

Скажи, что тебе от меня надо? Может, это в принципе невыполнимо?

Вчера прошёл отличный концерт — стихи, разная музыка — клубная, живой саксофон, индийские мантры, закончилось всё это в полночь. Пошла домой пешком через полгорода — проветрить мозг, зашла в ресторанчик, где поёт знакомый музыкант. Угостили горячим чаем. Потом, не торопясь, погуляла по пустому ночному пляжу... В парке записала пару стихотворений, пристроив фотик на детские аттракционы. Отлично! Сто лет не гуляла по ночам. Особенно понравилось в парке. Ни души, фонари и романтика...»

«Ты не была моей кухаркой, ты была отчасти женщиной, потому что близость для тебя ничто. Я уважаю твою работоспособность, я ценю твой талант, я поражаюсь целеустремлённости, но я не собираюсь лезть через твои колючки — обдерусь. Что бы ни было, но ты будешь помниться.

Меня развлекать не надо. Для меня человек, который рядом, прежде всего человек, с которым молчать можно. Балаболы и без того хватает. Обидел, прости. Но я ничего плохого не говорил. Для меня главное не слова, а тон разговора. Ощущение от разговора. Глаза собеседника. Хотя я и не смотрю прямо, но я всё вижу. Таков я. Прости, если обидел. Никто не стегает меня больше, чем я себя сам».

«Твоё мнение было для меня важно. Я живу свою жизнь, а не чужую. Ты вовсе не должен отвечать за меня. Не слушай разные сплетни. Спрашивают — переадресовывай, пусть у меня спрашивают. Мне хорошо везде, где мне хорошо. Теперь моя жизнь сложнее, как ты понимаешь, потому что всё не устроено и на лету. Но в культурном плане тут интереснее, поэтому и стараюсь побольше выцепить. А, впрочем, не учи меня жить, у меня опыта побольше. Сделай что-нибудь такое, чтобы о тебе заговорили. А то ты поучающе воздух молотишь... Фактами, делами доказывай, а не голословными наказаниями.

За интересность жизни народ не деньгами, любовью платит, и мне выпала замечательная возможность, и я буду этим заниматься, пока мне будет интересно. Стать для меня единственным — это было в твоих силах и возможностях. От меня тут ничего не зависело. Я пушинка на ветру. Сдунул — улетила. Дыши нежнее. Так уж получилось, что моя жизнь ещё не изжита, я рвусь вперёд. Опять же ты говорил, что тебе со мной интересно, значит, не напряжно?

Полусон увядающей ночи, неправда слов в темноте. Расплывчатая красная луна, как купол мечети. Свет и тень играют в прятки. Упоение страсти — преданность. Дурман будоражит чувства. Побрякушки слов рушат доверие. Яркий свет дробится в бокале. Шлак мёртвых лет. Живём в умираю-

шее время. Трепещет загадка — Ты и Я. Слезающееся мигание звёзд. Губы окисли. Охолонь поселила страх».

«А помнишь, как мы встретились? Иду по аллее. Вижу вдали копну волос. Ты увидела меня, подпрыгнула и побежала навстречу, раскинув руки. В груди ворохнулось: так вот же, вот же родной человек! Первый порыв знаковый. Не подошла чопорно, не поздоровалась сдержанно, не окинула взглядом, а подлетела. Прижалась, виновато и просительно приникла. Ты торопила шаги. Облезлый подъезд, неизживные советские ароматы. Коридор. Разбитая дверь, раздолблённая общая кухня. Маленькая, узкая, как койка, комнатёнка чудной женщины. Не с накидочками на подушках, не с сотней безделушек, но с горьким уютом одиночества. Твоя комната. А тебе так хотелось встретить достойно. Ты потом сказала, что в этой комнате мужчин не было. Тебе хотелось быть рядом, прикасаться.

Я тебя пожалел. Бедная девочка! Другим счастье валится в руки, а тебе выпаривать его надо. Такие, как ты, — слепы, к себе слепы. Ты села рядом. И глаза, задёрнутые поволокой, с грустинкой, с надеждой, стали проясняться.

Ты заплакала. Сама не ожидала от себя такого. Что-то забормотала, закрыла лицо локтем. И тут я понял, что ты самая обыкновенная баба, отзывчивая на ласку. И ты хочешь такой быть.

Ты рассказывала, что в ночном клубе выступала под звон бокалов, видя жующие рты, да раздевающие взгляды. «Как смотрели на ноги в чёрных колготках!» Восторг слышался за словами! Как же, произвела впечатление!

У всех у них, жующих за столиками, жадно глядящих на тебя, другая жизнь: жёны, любовницы, работа, от всего этого они идут «отдыхать».

Голова всё понимает, холодно мыслит, мы же, по сути, никто».

«Тёплый солнечный луч приходит из Вселенной. Странно, абсолютный нуль его не охлаждает. Зеркало, в которое хочется глядеть, — любовь. Оно со временем тускнеет. Женщина — зеркало, которое всё отражает и ничего не удерживает. Вечер с иронической насмешкой заглянул в окно. Сумерки соткались из бледного, обрывочного сна. В перекрестье окна луна кажется распятой. Нимб вокруг неё — нимб нашего замученного святого сознания. Тёплый запах сна. В щель занавесок свет падает как в колодец.

В глубине я самая хрупкая, нежная, не способная на сопротивление жизни. Эта моя конкретика, определённая в высказываниях — не грубость, не давление силы, это защи-

та. Могу только защищаться. Ухожу оттуда, где давят. Предупреждаю, что могу быть только в любви и добре, и красоте человеческой.

Знаю, что ты ждёшь того же — ласки, любви, заботы. Ты разбередил меня. Пожалуй, отложим разговор до встречи. Тут глаза нужны.

Я вижу наш дом тёплой светлой гаванью, куда я возвращаюсь из своих артистических метаний, — возвращаюсь с радостью, с удовольствием — писать новое интересное и вновь мчаться это дарить миру.

И тут, в нашем уюте, я буду женщиной с пирожками и прочими атрибутами, какой никогда нигде больше не смогу быть, какой и ты меня видишь.

Если это возможно — мы будем счастливы. Если нет — я вернусь в хоровод «кто-то», и ты автоматически станешь одним из них. Но мне бы не хотелось этого. Никогда ещё мне не было так тепло и приятно, как с тобой.

Ты мог бы стать для меня единственным — это в твоих силах и возможностях. От меня тут ничего не зависело. Я пушинка на ветру. Ты сдул, я улетела».

Поезд начал тормозить. Женщина засобиралась. Посмотрела на меня.

— Спасибо. Вы не сделали и попытки мне понравиться. Вы просто были попутчиком. Не назойливым.

Голос у неё мягкий. Голос ласкал. Я почувствовал себя брошенным. Сон или явь остались позади? Мне хотелось, чтобы поезд пошёл назад.

Мои губы шевелятся. Я закрываю глаза руками. Время перестало иметь значение. Одна мысль в голове: «Они не договорили». Я понимал только одно: у каждого осталось трогательное воспоминание. А у меня — недавно пережитые чувства.

Поезд тронулся. На этой остановке ко мне никто не подсел.

г. Боровичи Новгородской обл.

ШУТКА

РАССКАЗ

Как-то под Рождество я столкнулся в театральном фойе с художником Черкасовым и тотчас получил приглашение закончить вечер у него в мастерской. С художником у нас были общие знакомые: недавно вернувшийся из Индии беллетрист Никодимов и переводчик, знаток европейской поэзии Вибе, голубоглазый гигант и красавец, осторожно державший под локоть свою очаровательную жену — хрупкую женщину с темными волосами, стрижкой «каре» и серыми насмешливыми глазами. Здороваясь, я невольно улыбнулся, не уставая восхищаться ею. Прелестны были ее худые плечи и нежное начало полных грудей в декольте серебристого платья, ее умные живые глаза и приветливая улыбка. И даже некоторая неуклюжесть походки (носками чуть внутрь) казалась грациозной и была исполнена трогательного очарования.

Той январской ночью 93-го года тишина стояла на удивление. Накануне выпавший снег в рыжем свете уличных фонарей, низкое черное небо в редких и крупных звездах, немые голые деревья — всё выглядело большой, на совесть сделанной

ПРОЗА

декорацией. И старинный особняк, во втором этаже которого располагалась мастерская, безусловно, вписывался в ее рождественский антураж. Толстые свечи в гипсовых канделябрах горели ярко, бросая причудливые тени на выкрошенный серый паркет, на лики святых по стенам, на скрученные в трубу холсты, на подрамники. Теплый свет их, напитанный запахом воска, дарил чувство уюта, а превосходное вино раскрывало душу и настраивало на романтический лад. О чем можно было говорить в такой обстановке, как не о роковой любви? Начали с женщин. Никодимов рассказал о поездке в Индию и, между прочим, о храме любви в окрестностях Калькутты, о ритуальных манипуляциях индианок в нишах этого храма наедине с каменными изваяниями мужских гениталий. Подогретый вином, он так увлекся в своих откровениях, что Черкасов был вынужден перебить его, с хлопком откупорив шампанское.

— Ты, разумеется, прав, — сказал он, разливая по бокалам вино. — В Индии культ любви занимает особое место. В отличие от нас, давно брошенных ею и просто неспособных уяснить, что, собственно, означает собой это слово. С другой стороны его вообще перевели в категорию абстрактных понятий, таких, например, как любовь к Родине, к Богу, хотя в действительности любой здравомыслящий человек отлично знает, что любить то, чем никогда не сможешь обладать физически, он попросту неспособен. Он может чувствовать всё, что угодно, но Любовь — это из другой оперы.

И он поднял бокал и, отставив локоть, выпил его до дна.

— Куда это тебя понесло? — сказал Никодимов. — Я ведь говорил совсем о другом. На улицах Калькутты тьма проститутток, среди которых тринадцатилетние девочки далеко не редкость. Не думаю, что для них любовь занимает какое-то особое место.

— Да это я так, к слову пришлось, — буркнул Черкасов и отошел к стене, сел на стул под иконой Андрея Первозванного, завесив свое смуглое горбоносое лицо длинными каштановыми волосами. Потом качнул головой в сторону нашей дамы.

— Вот Леночка со своей безграничной верой в добро возможно думает иначе. Что скажете, Елена Николаевна?

Женщина сидела в плетеном кресле, положив руки на подлокотники и постукивая по ним тонкими пальцами с розовыми блестящими ногтями. В ее серых глазах загадочно отражались две золотые звездочки от стоявшей напротив свечи. Не знаю, догадывался ли ее муж, но я-то отлично знал как давно был влюблен в нее Черкасов, как добивался ее в

течение нескольких лет, а когда наконец понял, что безрезультатно, удовлетворился тем, что воплотил ее образ в нескольких безупречных портретах. Она вообще была из той редкой породы женщин, существование которых уже само по себе есть источник очарования для окружающих и знакомство с которыми оставляет след на всю жизнь. Не раз наблюдал я, как после пятиминутного общения с ней самые отъявленные снобы теряли дар злобного красноречия и становились робкими, как пациенты на приеме у доктора. Но вернемся к Черкасову. Помню, как однажды на вечеринке в Доме художников она сказала ему с обезоруживающей прямотой, мягким доверчивым голосом:

— Послушай, Алеша, ты ведь хочешь написать меня обнаженной? Хочешь, я знаю. И не бледней, пожалуйста, это вполне естественное желание у художника. Я бы и сама не прочь позировать тебе голой, да только тело у меня не очень, угловатое какое-то. Так что оставим эту затею, нечего тебе даром время терять.

— Да что ты знаешь о своем теле?! — неожиданно заорал Черкасов. — Что ты вообще знаешь? — И, спохватившись, прошептал, целуя ей руки: — Прости, ради Бога, прости. — После чего ушел, как потерянный, а под конец так напился, что мы были вынуждены везти его домой на такси.

— Так что скажешь, Елена? — повторил Черкасов, и я скорее почувствовал, чем увидел его угрюмый взгляд, обращенный на нее из угла.

— Что я скажу? — Она улыбнулась и вопросительно посмотрела на мужа. — Да то, что сказала бы любая женщина на моем месте. Настоящая любовь везде одинакова — что в Индии, что на Аляске, и глупо в этом смысле отдавать предпочтение какой-то отдельно взятой стране.

— Так-то оно так, — заговорил, нахмуриваясь, Никодимов. — Только вот удивительно, что эта так называемая настоящая любовь принимает иногда довольно странные формы. Вы, должно быть, знаете, что родом я из деревни, можно сказать от сохи в литературу пришел. Так вот. Колхоз, захолустье дремучее, здесь уж точно не до шекспировских страстей. Так нет же, и у нас, оказалось, нашлись желающие в дикого мавра поиграть. А дело было так. Был у меня в деревне товарищ, Ермолаев Семен. Парень как парень, веселый, отзывчивый, одним словом — душа человек. Отслужил в свое время на Сахалине и из армии вернулся с молодой женой, этаким белокурой красавицей скандинавского типа, довольно спокойной и малообщительной. Любил он ее без памяти, угождал ей, как мог. Через год поставил новый дом, без пре-

тензий, но добротный, в две связи — и зажили они, как говорится, не хуже других. Сам он работал мотористом на птицефабрике, а она устроилась в промтоварный магазин продавцом, так что по нашим меркам зарабатывали они неплохо. Но вдруг он неожиданно уволился, уехал на север и стал работать на буровой, вахтовым методом, разумеется. Потом у них сын родился. А потом разразилась буря. Стали ему местные старушки нашептывать, что пока он в отъезде находится, его Татьяну любовник навещает. Не знаю, поверил Семен или нет, но факт остается фактом. Однажды он вернулся с вахты раньше положенного срока, нагрянул ночью домой и застал ее прямо в постели с молодым агрономом. Его он и пальцем не тронул, дал спокойно уйти. Утром пришла соседка с какой-то пустяковой просьбой, смотрит — он сына купает в детской ванночке и что-то напевает себе под нос. Спрашивает: Татьяна где? Да вон, отвечает, в шифоньер забралась. Соседка шифоньер распахнула, а она и вывалилась из него с перерезанным от уха до уха горлом. Вот вам и любовь. И какая она — настоящая?

Лена сидела, не шелохнувшись, всё еще глядя на огонь свечи, но глаза ее, минуту назад мерцавшие загадочным блеском, уже потухли, были сухи и странно задумчивы.

— А что же этот Семен, с ним-то что стало? — спросил озадаченный Черкасов. — Он не покончил с собой?

— Нет, не покончил, — сказал, усмехнувшись, Никодимов. — Продержали два года в психушке да и выпроводили восвояси.

Внезапно за окнами, в конце переулка, разнесся протяжный женский крик, и Лена вздрогнула, закрыв глаза, сжала задрожавшими пальцами переносицу. Потом послышался хлопающий треск стекла, а после мужской веселый смех и следом короткий женский. И опять стало тихо.

— Н-да. Подобных придурков, к сожалению, хватает, — сказал посреди воцарившейся тишины Вибе. И добавил с иезуитской улыбкой: — Мне недавно встретился школьный приятель, механик железнодорожного депо. Он возвращался с похорон, был слегка пьян и, когда мы по случаю встречи зашли в кафе, битый час рассказывал о своем покойном родственнике, да так обстоятельно, что я составил для себя довольно ясную картину этой банальной истории. А история такова. Один молодой человек, помощник машиниста того же депо, парень серьезный, настырный по отстаиванию всяческих прав у начальства, словом, идейный труженик, с которого мне, дармоеду, следует брать пример, взял однажды и

положил на рельсы голову, которую и отрезал выходящий на линию электропоезд.

— Знаешь, может дальше не нужно? — внезапно перебила его жена. — Мне ты рассказывал об этом мальчике совсем иначе.

— Ну и что? — с неожиданной злобой заявил Вибе. — Просто несколько изменил подачу, но это не играет большой роли, поскольку суть остается прежней.

— Пусть так, но мне второй раз слушать не хочется, — сказала Лена, поднимаясь из кресла. — Пойду приготовлю поесть. Алеша, у тебя найдется что-нибудь, кроме прошлогодних консервов?

— Конечно, там полно пельменей, — ответил художник, быстро поднимаясь со стула.

— Нет, я одна управлюсь, — остановила его женщина и, внимательно посмотрев на мужа, вышла в другую комнату, которую Черкасов приспособил не только под кухню, но заодно и под спальню.

— И всё же я должен рассказать, это забавно, — проговорил Вибе, как только за Леной закрылась дверь. Я тоже внимательно взглянул на него и подумал: да ведь он пьян.

— Да-да, забавно, — продолжал раздраженно Вибе. — Пусть я немного привираю, но представьте следующее. Два года назад он был скорей всего еще девственником и сильно страдал от избытка своей нерастроченной серьезной любви. Но вот наконец решился, отправился на дискотеку неподалеку от своего дома и только благодаря этой самой серьезности сумел скрыть от окружающих страшную неловкость, от которой его тошнило, и в какой-то мере выглядел со стороны спокойным и хмурым наблюдателем. С тех пор ходил он туда часто и до тех пор, пока однажды его не совратила легкомысленная восемнадцатилетняя девчонка, в которую он втрескался по уши, а после, сбив ее с толку своей идиотской любовью, женился на ней. Нетрудно догадаться, что в скором времени молодая жена, поостыв от свадебных маршей и устав от его мерзкой серьезности, стала ходить на сторону. И увлеклась этим настолько, что по неосторожности вляпалась с головой, будучи на пятом месяце беременности. Тут-то и пришел конец всей серьезности мужа. Ибо разве можно назвать серьезным поведение человека, когда он перестает принимать пищу, а после пытается вскрыть себе вены? Не знаю, может, он ее напугал, но только она успокоилась на время. А может быть, просто надвигались роды. Даже скорей всего так. Потом родилась девочка. А дальше она, как с цепи сорвалась, стала изменять ему, причём открыто. Казалось бы,

чего еще нужно? Он освободил ее от всех домашних забот, сам готовил, стирал, занимался уборкой. Он был тем тряпичным мужем, о котором мечтают многие женщины. Многие, но не все. Я думаю, глядя, как он стирает ее нижнее белье или ползает на коленях с мокрой тряпкой по комнате, она не испытывала к нему ничего, кроме презрения. А если ко всему прочему добавить его сюсюканье в постели всякий раз перед тем, как ею овладеть, можно представить всю глубину этого презрения и понять, чего она искала на стороне. А тут еще свекровь подливала масла в огонь, при всяком удобном случае трещала на каждом углу, как ловко невестка обвела вокруг пальца ее ненаглядного сына. В конце концов девчонка бросила своего машиниста, забрала дочь и ушла жить к любовнику, а куда, никто не знал. А он чуть с ума не сошел, чего только не делал, чтобы разыскать ее. Получив повестку в суд на развод, он отправился с утра на работу, но не дошел, лег в темноте под электричку. Так вот, я тоже не пойму, что же это за любовь такая, чтобы из-за посредственной шлюхи под поезд бросаться? Или он просто был дурак малахольный?

И, облизнув пересохшие губы, Вибе налил себе полный бокал вина, а затем медленно выпил. В мастерской повисла тишина. Я предложил переключиться на водку, и все тут же согласились, и так охотно, что к тому времени, когда поспели пельмени, пьяный смех и анекдоты уже вовсю ходили под старыми сводами потолка.

Едва Лена появилась в дверях с фарфоровой супницей, смех утих, а Вибе уставился на нее мутно-синими, налитыми кровью глазами и хрипло проговорил:

— Леночка, извини. Ты самая красивая, самая умная и самая любимая женщина.

Потом сжал челюсти и добавил сквозь зубы:

— Всеми любимая. Только что они понимают в настоящей любви?

Она остановилась и в недоумении посмотрела на мужа. Мы молчали, и только у Черкасова на лице проявилась бессмысленная усмешка, как у человека, внезапно уличенного в чем-то постыдном.

Тут она неторопливо прошла к столу, поставила на центр супницу и, повернувшись к Вибе, коснулась рукой его влажного лба.

— Ты много пил, — сказала она, глядя на него сверху вниз. — Может, хватит? И вообще, пошли бы вы, мальчишки, проветрились. Поужинайте, а потом погуляйте, пока я тут прибираюсь.

— Потом поедим, — сказал Вибе и уперся ладонями в расставленные колени, собираясь встать. — Неплохая идея, тем более я, кажется, и в самом деле выпил сегодня лишнего.

— Идея-то неплохая, — пробормотал Никодимов, обводя затуманенным взором присутствующих. — Только не опасно ли? На улице полно проходимцев. У меня недавно чуть портфель с рукописями не отняли, еле ноги унес.

— Вот как? А у меня на этот счет другое мнение, — с пьяным высокомерием проговорил Вибе и, отведя в сторону полу пиджака, показал пристегнутую у подмышки рыжую кобурку с торчавшей из нее револьверной рукояткой. — Не для того я целых три месяца выбивал разрешение на ношение этой штуки, чтобы всякий обкуренный придурок с битой вставал у меня на дороге. Одевайтесь, и пусть наступающее Рождество подарит нам вечное блаженство! — И, поднявшись, он взял в свои широкие ладони голову побледневшей жены и торжественно поцеловал ее в лоб. Все тут же пошли одеваться, а я непонятно зачем притворился спящим в своем спасительном кресле.

— Только не делай вид, что спишь — сказала она с усмешкой, когда мы остались одни, и села напротив, налила себе в рюмку коньяку. — Что сегодня с тобой? За весь вечер трех слов не вымолвил. Неужели не вспомнил ни одной похожей истории?

— Ну почему же, — ответил я, доставая из кармана сигареты. — Но эта история, как сказал бы Черкасов, из другой оперы. В ней юная героиня после похорон своего разбившегося на мотоцикле парня пришла домой и удавилась в ванной на полотенцесушителе. Привязала к нему провод — петлю на шею — и уселась на унитазе. Могу рассказать подробней.

— Да нет, не нужно, — сказала она, помрачнев, и поднявшись из кресла, прошла через мастерскую к окну, оперлась о подоконник руками. — Пока они здесь так оживленно беседовали, я тоже вспомнила кое-что из своей биографии. У нас в школе, когда я училась в девятом классе, организовалась студия бальных танцев. Смешно, но я тоже собралась танцевать. Преподавал у нас Виталий Иванович, в свое время известный танцор и красавец. Высокий, черноволосый, с розовыми чувственными губами. Ему было далеко за сорок, но неожиданно для себя я влюбилась в него и тайно любила целый год. И жена у него была красавица, высокая, смуглая, с черными восточными глазами. Работала она в музыкальной школе. Иногда мы с девочками бывали у них в гостях, иногда я приходила одна — выдумывала всякие пустяки для оп-

равдания своих визитов. Как сейчас вижу. Жена его уходила к любовнику в дом напротив, она даже не пряталась, а он стоял, смотрел, как входит она в парадное. Потом на третьем этаже колыхались шторы, а он всё смотрел, не в силах отойти от окна. Я тогда не понимала, что он, скорее всего, уже ничего не мог ей дать как мужчина, и жила она с ним по привычке. А быть может памятью прошлой любви. Говорила она с ним, никогда не повышая голоса, даже ласково. А потом он взял и отравился. Мы узнали об этом только через неделю, когда его уже похоронили. Помню, я страшно ревела ночами, вообразила из себя бог знает кого.

Я встал из кресла, закурил и тоже подошел к окну, остановился у нее за спиной.

— Но женщину ту, предположим, можно понять. И оправдать, если нужно, можно. А вот меня кто поймет, кто простит?

И, повернувшись, она подняла на меня сухие пристальные глаза.

— Да он и не поверит, если я скажу, что встречаюсь с тобой уже два года, два года сплю с тобой, пользуясь его безграничной верой в мою порядочность, в целомудрие верной жены. Он даже не поверит, понимаешь?

— Да что с тобой? — спросил я, обнимая ее за плечи, целуя в теплый висок.

— Не знаю, — ответила она тихо, и я почувствовал на своей щеке ее мокрую ресницу. — Вот ты говорил: если уехать... Помнишь?

— Конечно, помню. Я и сейчас могу повторить то же самое. Меня давно зовут в Питер. Бросай свою кафедру к чертовой матери и поехали. А когда всё утрясется, подашь на развод.

— А как же я, родные вы мои? — раздался у входной двери тихий, вкрадчивый голос. И тут же в проем комнаты шагнул из прихожей Вибе, в распахнутом пальто, без шапки и с пузатым «бульдогом» в висящей руке. — И почему я не должен поверить тебе, Леночка? После такого лаконичного и точного объяснения, даже такому болвану, как мне, стало всё ясно. Но имеется одна проблема... Мне придется тебя убить.

Я машинально загородил ее спиной и вытянул вперед руку, лихорадочно подыскивая в уме какие-нибудь вразумительные слова. Но губы одеревенели при взгляде на медленно поднимающийся револьвер, а в мозгу, словно на киноплёнке, пронеслась эпизодами вся моя прошлая жизнь.

— А ты отойди в сторону, любезный, — сказал он, указывая револьвером на вешалку. Его лицо и голос были так жут-

ко спокойны, что я понял — он сделает это. — Одевайся и уходи. Или эта интеллигентная б...ь тебе дороже собственной жизни?

Я стоял, заморожено глядя на черный зрачок ствола, не в силах пошевелиться, не в состоянии придумать что-либо дельное — голова стала ледяной и тяжелой, как камень.

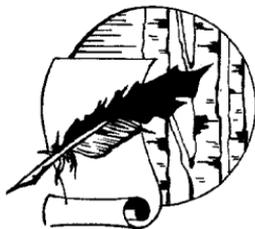
— Значит, дороже, — очень тихо сказал он минуту спустя. — Что ж, это в корне меняет дело. — И, опустив револьвер, он быстро прошел на кухню и плотно прикрыл за собой дверь. Следом раздался оглушительный выстрел. Я бросился вперед, распахнул дверь и остановился, как вкопанный. Вибесидел на старом складном диване, с любопытством глядя на дымящийся ствол, а у ног его валялся большой кусок штукатурки, отколотый пулей от потолка.

— Вы и вправду подумали, что я застрелился? — спросил он с кривой улыбкой и провернул указательным пальцем барабан револьвера. — И так просто поставил точку после того, что узнал? Это шутка, Елена. Рождественская шутка, не более. Но ведь забавно, не правда ли?

— Что же ты делаешь, что же ты делаешь, — услышал я за спиной ее голос и, обернувшись, увидел мертвенно бледное лицо и тонкую руку, слабыми пальцами которой она держалась за ручку открытой двери. Потом она повернулась и неуверенно, как слепая, побрела к столу, натываясь на стулья.

И в это время раздался еще один выстрел. Но прозвучал он иначе, чем первый. Я обернулся. Все верно — он все-таки поставил точку выстрелом в рот.

г. Тюмень

Ирина ЗАХАРОВА

И СВЕЧА, И ЗАРЯ, И ЗАРНИЦА...

* * *

Ни хозяйка, ни гостя — пылинка,
Я пылинка в твоих волосах.
И роса, и туман — на рябинках,
Я на русских рябинках слеза.

Где бы ты ни ходил, где бы не был,
Ты повсюду увидишь меня —
Я — искринка на пасмурном небе,
И лучинка ночного огня.

Ни жена, ни подруга ...Я — нежность,
Бесконечная нежность твоя.
Я — и русских полей безмятежность,
Я — и русские эти поля.

С кем бы ты ни ходил, с кем бы не был,
Я повсюду тебя берегла.
Я — пасхальные русские вербы,
Я — тех русских церквей купола.

И свеча, и заря, и зарница,
И шальная багряная Русь...
Я — слезинка твоя на ресницах,
Я — твоя неслучайная грусть.

* * *

Снега за ворота, дожди в ворота.
Разбухшее небо, раскисшая Русь.
К тебе прижимаюсь. А, может, не та?
Я, может, не та? И сильнее прижмусь...

Разгул половодья, распутья разгул,
И это дыханье весны из фрамуг,
И русской земли возбуждающий гул...
А дома — супруга, а дома — супруг.

Прижалась, прижалась... А сердце — навзрыд.
Неужто не та я, неужто не та?
И талой водой по плечу побежит
Хранимая нежность за эти лета.

Не вскрикну, не всхлипну в раздольную Русь:
Наплакалась вдоволь та Русь без меня.
Прощаясь, в плечо на мгновенье уткнусь,
А дома нас холодом встретит родня.

Шагнём из подъезда в неистовый дождь,
Мы оба — без шляп, без шарфов, без зонта.
Ты запах волос моих с грустью вдохнёшь —
И в это мгновенье я именно та.

* * *

Без тебя я дышать перестану и кожа
С отсечёнными крыльями слезет с меня,
Жаль, нас вместе с тобой никогда не положат,
И земля задрожит, нас поврозь хороня.

Не всплакну и не всхлипну — другие пусть воют,
Задохнусь и умру в тот же час, в тот же день...
Жаль, что нас никогда не положат с тобою,
И одну на двоих не посадят сирень.

Без тебя я дышать перестану... Но, Боже,
Дай хоть Там наши руки навечно скрестить.
Пусть завидуют, шепчутся... Пусть не положат...
Но Туда одного не смогу отпустить...

* * *

Восковая луна, не моргнув, убывала
И с кудыкиных гор истекла на тетрадь.
Только эту тетрадь я за жизнь надышала —
Ни кола, ни двора не смогла надышать.

Убаюканы звёзды в своих колыбелях,
А назойливый ветер сопит из угла,
И бормочет во сне о своём, пустомеля,
Что и звёзд-то за жизнь я зажечь не смогла.

Я зажгла бы и солнце, как эти герани,
Что горят с подоконника алой махрой,
Но другая зажгла и, себе прикарманив,
Погасила его ледяною рукой.

А меня обрекла над тетрадью заветной
Одинокий свой век понапрасну корпеть.
И прийти, и уйти в этот век незаметной,
Не зажечь ничего... Без огня догореть...

* * *

Проснулась — дождь по желобам.
Темно и тихо, а проснулась.
Фонарь моргнул из-под лба,
А ночь едва плеча коснулась.

Ещё и полночь далека.
На стуле платье — всё, как было.
Такой же ливень, и тоска,
И так же холодно и стыло.

Всё так же с виду и не так.
И платье сложено иначе,
Иные комната и мрак,
А мрак особенно кусачий.

Здесь кто-то был. Но кто же мог
В такую непогодь? К тому же
Ковёр, мне кажется, намок,
И под окном я вижу лужу.

Остыла алая герань,
И воздух горечью насыщен.
Кто мог, добравшись в глухомань,
Оставить след от сапожища?

Лесной ли зверь, лесной ли царь?
Кто чутко дышит там за шторой?
Вздыхнул и кончился фонарь,
Да где-то щёлкнули затвором.

* * *

Что между нами... Необъяснимо.
Как будто тайна, как будто таинство.
Неудержимо, неуголимо,
До бездыхания, до беспамятства.

Кто мы друг другу? Кто мы и что мы?
Одно мгновенье, одно касание.
Неосвязаемо, невесомо —
До безрассудства, до бессознания.

Что между нами... Необъяснимо.
Благоговение благоговения.
Недопустимо... Невыносимо.
До остывания, до кипения...

* * *

Сбивчива белая стужа.
Стих мой от вечера сбивчив.
Что улыбаться мне мужу,
Если и муж неулыбчив?

Снеги на жилы опали,
Жилы мои обесточа.
Молча ложились, вставали
Тоже мучительно молча.

День перетерпим и снова —
Стылые ночи в постели.
Так вот всю жизнь — за здорово
Жили, не жили... терпели.

Стужа всё выла и выла,
Губы черня не улыбкой.
Веяло с горького тыла
Горькой пожизненной пыткой.

Где-то под нёбом набухло
Влажное тёплое слово...
Кто-то чужой мне на ухо
Дышит светло и сурово.

* * *

Комар не пискнет, мышь не прошуршит,
А где-то слышно, слышно на селе,
Как русскую гармошку тормозит
Беспалый гармонист навеселе.
Земля черна, черна, как уголёк.
Трещит в печи берёзовый огонь.
Скупая ночь летит с колючих щёк,
С колючих щёк на русскую гармонию.
Притих в печи осколок мировой,
И Родина беспалая тиха.
Лишь гармонист нетрезвою рукой
Растягивает трезвые меха.
Всплкнёт не раз заплаканная печь,
Где грелся немец, силой взявший мать,
Грозился хату вместе с сыном сжечь
И пальцы с той гармошкой оторвать.
Горька судьба и горек русский край,
И жуть, как водка русская, горька.
А ты играй, гармошечка, играй,
Пока тепла беспалая рука.

* * *

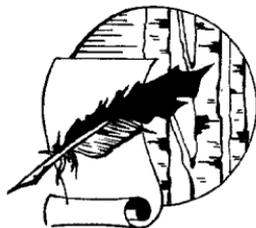
Колючая темень, колючая морось.
И колетя русское слово во рту,
Когда я, с душою своей перессорясь,
Унылость вчерашнюю с пола мету.

Дрожит бездыханная пыль на портьерах,
И я, словно пыль, от боязни дрожу,
И в спальнях пустых, как в пустынных пещерах,
Себя, настоящую, не нахожу.

Сгребая я строчек кровавые пятна,
И каплет на пол окровавленный слог,
И страхи мои в этих спальнях прохладных
Меня, настоящую, давят в комок.

Окликнул бы кто... Но никто не окликнет.
Колючая темень внутри моросит.
Лишь новое слово под горлом возникнет —
Великое слово великой Руси.

г. Минск

Анна КОНДРАШОВА

БЕЗЫМЯННАЯ ТИШИНА

МОЯ ЗВЕЗДА

Монастыри суть неподвижные звезды Церкви,
от которых далеко льется свет на весь Православный мир.

К. Н. Леонтьев

Гори, гори, моя звезда,
Моя обитель рядом с Жиздрою!
Упившись жизнью слишком быстрою,
Я снова возвращусь сюда.

Я стану здесь, на берегу,
Где ангел твой трубит неслышимо,
И не скажу ни слова лишнего —
Я тишину поберегу.

И паутина суеты
Спадёт с души, пред Богом плачущей.
Как бесконечно многозначащи
Твои блестящие кресты!

Прости меня! Перекрести!
Далёк рассвет и тьма сгущается...
Но ты мне не даёшь отчаяться.
Святая Оптина, свети!

АЛЁНУШКА

Что склонилась с великою думою
Над недвижной заросшей водой?
Аль и впрямь уродилась безумною,
Что тоскуешь такой молодой?

Ты сама у себя сиротинушка.
Как на паперти на водоём
Разбросали монеты осинушки —
То приданое будет твоё.

Загорелые ноженьки босые
Поглядели в зеркальную мглу.
Умывалися слёзными росами,
Утиралися всё об полу.

Гаснет небо с вечерними бликами,
Не шумит одинокий камыш.
И сама ты? как ёлочка дикая?
На задумчивом камне сидишь.

Всю судьбу твою кажут до донышка
Очи-омуты, полные слёз.
Горемыка-Россия, Алёнушка,
Лишь Один тебя любит Христос!

БЕЗЫМЯННАЯ ТИШИНА

*Памяти Тимохина Ивана Ивановича (1926—1943),
старшего бабушкиного брата, погибшего в своём первом бою*

Я не знаю, что значит война.
Я не видела смерти и боли.
Но живёт в глубине тишина
Безымянного русского поля.

И стоит где-то очень внутри
Первый бой паренёчка Ивана,
Выстрел, взрыв, оглушительный крик
И небес высота безымянных.

Где-то там, в Белорусской земле,
У деревни, зовущейся Тёплой,
Мальчик Ваня семнадцати лет
Навсегда породнился с окопом.

Первый бой стал последним, увы.
Не увидит он маму и папу.
Только страшные смертные рвы,
Только елей могучие лапы.

Не гулять его детям в росе,
Не нести его внукам портреты.
Он останется здесь насовсем,
Безмянным, как все, безответным.

Но сестрёнки его подрастут —
Аня, Маша, и Тоня, и Саша.
Будут яблони в белом цвету,
Будут аисты виться над пашней.

И у внуков и правнуков их
Необъятное к сердцу прижалось.
Он однажды навечно затих,
Чтобы жизнь на земле продолжалась.

У ВЕРТЕПА

В той далёкой стране, где родился Христос,
Не лежали, конечно, на елях снега,
Не стоял наш суровый январский мороз,
Не мела непроглядная злая пурга.

Но у русского белого храма — гляди! —
Примостилась овечка в заснеженный стог!
И сжимается сердце, трепещет в груди:
Ведь ещё беззащитней наш маленький Бог!

Ведь ещё терпеливей и жертвенней Он!
Кто-то горстку конфет положил перед Ним...
Мир чудесной природы уже обновлён,
Чтоб и мы захотели себя изменить!

КАЛУГА

Воробьёвская горка всё так же крута,
И ютятся домишки до самой реки.
Ах, какая же в этих местах красота!
Я сойду поглядеть на течение Оки.

На резные наличники старых окон...
Умывается кот — значит, люди живут!
Как же здесь хорошо, перед тихой Окой,
Где и воды, и небо, и годы — плывут.

Постою, посмотрю на движение вод,
На прозрачную дымку деревьев вдали.
Пара уток на берег ко мне приплывёт,
Трясогузка подскочит — и так умили!

Прощебечет о чём-то и кинется ввысь.
Я глаза подыму — а кругом купола,
Белоснежные храмы везде вознеслись.
До чего же родная Калуга мила!

На пригорках узором нечаянный снег,
И так вкусно чернеет сырая земля.
Облака, облака... бесконечный побег,
Замирает душа, чувства вечности для.

Я ещё постою и в душе сберегу
Этот образ вневременный, подлинный лик.
Ах, родная Калуга в апрельском снегу,
Ты умеешь до слёз, как всегда, умилишь!

КОГДА БОЛЕЕТ БАБУШКА

Я остаюсь, как и была,
Смерть не постигнувшим ребёнком.
Хочу, чтоб бабушка жила
И выносила птичкам пшёнку.

Чтоб прорастали семена
И вышивались бисеринки,
Чтоб улыбалась ей весна
Под урканье заморской свинки.

Чтобы она меня ждала
Домой с пятёрками в дипломе
И с недежурным «Как дела?»,
Чтоб было тихо и тепло мне

В той старой комнате простой,
Где на стене мои пейзажи,
Где только: «Здравствуй, Золотой!»,
И остальное всё не важно.

Где будет вечно молодой
Медведь с опилками из плюша,

Где воздух, будто бы ладонь,
Тихонечко жалеет душу...

Не надо, смерть, не подходи,
Всё в этой комнате сдвигая!
Пускай там бабушка сидит...
И я тебя не постигаю!

г. Санкт-Петербург

А ВОПРОСЫ РЕШАТЬ ПРИДЁТСЯ

1

Не хотел сперва писать на эту тему. Но градус обсуждения, а точнее — осуждения фильма «Мумия», выпущенного каналом «Спас», со стороны «верных ленинцев» и не только — побуждает к этому. Показ фильма и реакция на него высветила интересные вещи, бывшие доселе как бы в тени, а также болевые линии разлома в нашем социуме. Так уж вышло, что среди осуждающих фильм и саму тему, поднятую им, оказались и некоторые мои хорошие знакомые. Поэтому, включаясь в дискуссию (если ее можно назвать таковой), потому как вопрос — жизненно важен для России.

Сразу стоит оговориться, что тема, поднятая фильмом, многоуровневая и, безусловно, эти уровни связаны друг с другом. Так что один аспект тянет за собой другой. Это позволяет большинству хулителей фильма стаскивать все аспекты в один гневно обличающий создателей фильма вопль: «Руки прочь от дедушки Ленина!» Дискутировать с ними — только тратить время, рискуя заразиться духом гневливости. Однако всплыла критика и более интеллектуаль-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ная, оперирующая некоторыми аргументами, которые достойны внимания и спокойного разбора.

Итак, первый уровень темы — человеческое захоронение. То есть без какой-либо оценки личности Владимира Ильича Ульянова и его исторической роли как Ленина — простой вопрос: не пора ли перестать издеваться над его телесной оболочкой (тем, что от нее осталось) и похоронить ее? Даже не по-христиански, а просто — по-человечески.

С этим, кажется, согласны, по крайней мере теоретически, многие критики «Мумии». И главный посыл фильма, как мне кажется, именно таков. Ему же служат и, как некоторые отметили, «тошнотворные» манипуляции в кадре с коричневым потрошенным телом Ильича. Показанные, как мне опять же представляется, не для «издевательства» над чувствами ленинистов, а для человеческой жалости.

Но у теоретически (и христиански) согласных с таким посылом критиков есть один общий «железный» аргумент: «сейчас не время». Он заслуживает особого размышления, к которому вернусь позже. Отдельно стоит отметить, что есть разница между предложением «захоронить по-человечески» (с богатым надгробным памятником, почетными венками от почитателей — ради Бога!) и пожеланиями от некоторых особо ярких ненавистников «ВИЛа» — «вытащить прилюдно за ноги, сжечь, а пепел спустить в унитаз», которые довелось прочесть в сети. Это было бы точно не по-христиански. Также и шусевский мавзолей не обязательно разрушать — просто перенести куда-нибудь подальше. В тот же музей «Горки Ленинские», например. Можно там даже восковую копию положить — для истории.

Но здесь начинается второй уровень темы — религиозно-мистическая составляющая «Мавзолея Ленина» как вавилонского зиккурата. Вопрос — очень непростой и мне показалось, что автор фильма уважаемый мной Андрей Афанасьев слишком увлёкся этим аспектом, дав повод для критики в слишком легковесном и «попсовом» его освещении. На мой взгляд, также оккультной темы, переключки с культом Ваала, — или не стоило касаться вовсе, или сказать о ней вскользь.

Да и намёки на масонство Ленина, мягко говоря, слабы и неуместны. Особенно на фоне почти поголовного и подлинного масонства министров Временного правительства.

Архитектура Мавзолея — вторична. Главное: Мавзолей — это не просто мемориал государственному деятелю, а попытка создать «святилище», культовое сооружение новой религии. И да — в противовес христианству. В целом фильм об этом говорит.

Третий уровень поднятой темы — оценка деятельности Ленина как активного разрушителя Российской империи (вместе со многими другими) и одержимого ненавистника корневых основ русской жизни, связанных с Православием. Фильм этого касается мало, в чём его критикуют «справа» — мол, слишком мягко и неполно подана кровавая фигура «вождя мирового пролетариата». Но это мне представляется как раз достоинством фильма.

Можно было бы даже взять еще более нейтральный тон, чтобы усилить основной посыл о продолжении уместности Мавзолея на Красной площади. Потому что как только разговор заходит об оценке Ленина-политика — разверзается многоголосый вой. Не столько подлинных ленинцев (их сегодня весьма немного), сколько «советских людей», ностальгирующих по «счастливому советскому прошлому», а паче — по своему детству и молодости или по таким же идиллическим рассказам родителей и бабушек с дедушками.

Я и сам не возведу хулы на своё советское детство и юность — в них было много хорошего — того, что позже безвозвратно улетело как олимпийский Миша-Талисман на воздушных шариках... Однако с Лениным всё то «брежневское» счастье было связано лишь номинально-обрядово. И люди повзрослевшие, почитавшие и имеющие обычай размышлять, поняли это давно. А некоторые — задержались в своих ленинско-сталинских грёзах — особенно обострившихся на фоне нынешней идейной пустоты и морального раздора.

Есть еще четвертый уровень — сохранение памяти В.И. Ленина как основателя СССР. В этой государственной форме Россия прожила семь десятилетий и кроме ужасных разрушений и опустошений в русском народе много чего добились в созидательном плане, выиграла Великую Войну. Это, безусловно, часть русской истории, и ее надо помнить — в том числе — в мемориальном измерении.

Но мемориализация — это не мумификация. Великие русские князья и цари лежат в гробах в храмах под спудом. И у почитателей Ленина и других большевистских вождей тоже может быть подобный уголок. Только не на главной площади страны, поскольку в этом случае это не мемориал, а религиозный объект и политический акт преемственности ленинизма. С чем многие соотечественники категорически не согласны.

Вопрос, как иные правильно его ставят, — шире, чем только Мавзолей Ленина: из кремлевской стены и прилегающей к ней территории нужно вынести все урны и захоронения, предав их земле на кладбищах. Кого-то, как Гагарина, Коро-

лева, Курчатова, Келдыша, Чкалова; великих маршалов Победы — со всенародным почетом. Кого-то, как кровавую Розалию Землячку, Розу Люксембург и прочих Емельянов Ярославских — отдав для частного захоронения родственникам или, если таковых нет — коммунистическим почитателям этих фигур. А если и таковых не найдется — где-нибудь в общей могиле.

Как давно замечено: катание на коньках, рок-концерты и другие игрища на кладбище, в которое превратили Красную площадь, вызывает когнитивный диссонанс. По крайней мере, должно вызывать у человека с традиционными ценностями.

Теперь стоит обратиться к содержательным аргументам хулителей фильма. Главный из них — «не время». Возникает естественный вопрос: а когда настанет это время? Когда умрут все старые коммунисты-ленинцы? Но старые уже все или почти все умерли. Плодятся новые, знающие о Ленине по сказкам дедушки Зюганова, а теперь вот еще и фантазиям (скажем так) Захара Прилепина. Вопрос о захоронении Ленина, мягко говоря, не нов. И всё ещё «не время»...

К этому аргументу присоединяют обычно второй: идёт СВО и там воюет множество наших бойцов под красными флагами. И в Донбассе, мол, тоже много просоветски настроенных людей. А вот на Украине, наоборот — ленинопад. Этим фильмом вы, дескать, работаете на врага, внося «разлад в народ». Договариваются даже до того, что фильм «Мумия» — провокация, инспирированная МИ-6...

Что на это на всё сказать? Разлад во время войны, это, безусловно, плохо. Но создатели фильма не предлагают сносить памятники Ленину, организовать всенародный суд над Ильичём, запретить советские флаги и устроить политцид всем «красным». Речь ведь только об избавлении Главной площади страны от кладбища с мумией во главе. Кого это может оскорбить, унизить? Правильный ответ: только адептов религии ленинизма, для которых Мавзолей Ленина — святыня. Вспомним советскую еще шутку: «Ленин умер, но тело его живёт»... Так, может, вот именно этот дикий и антихристианский культ и мешает истинному единению народа нашего и движению в будущее?

«Восхитил» один из аргументов против захоронения мумии Владимира Ильича Ульянова, прочитанный в сети и поданный в интригующе-вопросительной форме: «А вдруг это тот самый гвоздь, который вынешь и всё рассыпется?» Здесь какое-то даже прозрение чувствуется. Что же именно рассыпется? Тысячелетнее Государство Российское?! Святая Русь?

Или нечто другое, что не позволяет России и русскому народу вернуться к себе самим? Сколько можно сидеть даже не на двух стульях, а где-то между ними, стыдливо драпируя Мавзолей на парадах? Как в известном старом анекдоте про Хрущева, который заявил, выступая перед рабочей аудиторией: «Мы стоим одной ногой в социализме, а другой — в коммунизме». И получил реплику из зала: «И долго мы будем так стоять враскорячку?»

Ещё раз подчеркну: в фильме ничего не говорится про войну флагов, не предлагается снять рубиновые звезды с Кремля, запретить КПРФ и снести памятники Ленину. Просто предлагается похоронить мумию и убрать объект странного культа со священного русского места. Так откуда же такая истерика, злоба, призывы запретить канал «Спас» (одна известная депутатка даже изготовила новую эмблему канала с эсэсовскими молниями вместо букв «С»). До скрежета зубовного и пены на губах в соцсетях доходит. И кто же тогда «разжигает», спрашивается?!

Еще один «железный» аргумент противников фильма и поднятой в нём проблемы: нам помогают сегодня страны, где культ Ленина — государственный. Мы их обидим, и они от нас отвернутся. Аргумент исключительно наивный и какой-то... жалкий.

Во-первых, прямо помогла нам в СВО пока лишь Северная Корея, а «помощь» Китая — весьма амбивалентна и базируется на коммерческих соображениях (китайские электронные компоненты при этом стоят как на наших, так и на украинских БПЛА). Но и Пхеньян и Пекин в разной степени наши союзники отнюдь не на идеологической основе (не потому, что у нас Ленин в Мавзолее лежит), а из геополитических соображений противодействия американскому мировому диктату. И в этом смысле их гораздо больше тревожит не Мавзолей, а наши заигрывания с Трампом.

Ну а во-вторых, негоже как-то великой державе с более чем тысячелетней историей и традициями бояться встать на свой державный духовный путь из-за опаски кого-то «обидеть»!

Возразят: а как насчет обиды внутри страны? Тех вот, кто считает Мавзолей с мумией Ленина на Красной площади «народным достоянием»? Кого водили туда с классом, как перед этим водили их родителей.

«И трудящиеся всех стран туда стояли благоговеино в очереди». «Ну не мешает же никому, зачем трогать?» «Вот и Геннадий Андреевич Зюганов там новым пионерам галстуки красные повязывает — как хорошо!» Все эти голоса у нас извест-

ны и хорошо слышны. А вот голос православных (не говорю всех, но большинства), которым этот культ и эта мумия на Святом месте мешает, звучал доселе узко-кулуарно. А на «Спасе» взяли да и озвучили его всенародно. В ответ получили оскорбления, обвинения в работе на врага, в скудоумии и, что особенно замечательно, — в не-православии и даже в «бесновании»: «Этим вы нанесли православию удар и урон, хуже чем кто-либо!» Такое пишут люди, относящиеся к Русской Православной Церкви, так сказать, «опосредованно», но считающие себя в силах и в праве определять критерии «истинного православия». Мол, Христос завещал любовь и согласие, а вы людей ссорите, раскол в народ вносите. Про то, что «...не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10: 34), они, скорее всего, и не читали. И про то, что Церковь Христова зовётся «воинствующей». Да — воинствующей против греха и дьявола. Но молчаливое соглашение с идолопоклонством на главной площади, с экспериментами над мёртвым телом человека, кем бы он ни был, — по мнению очень многих христиан (опять не говорю «всех» — кто считает себя таковыми) и есть грех. Причём, грех, лежащий на всю страну.

Один оппонент фильма выдал в сети такую сентенцию: «Иная страна гордилась бы этим многолетним уникальным научным экспериментом». Предметы гордости у людей и целых стран, конечно, бывают разные. Только ничего научно-уникального в химическом сохранении выпотрошенного тела от разложения нет и подавно. В Египте этому научились еще семь тысяч лет назад. И без 17 млн. рублей ежегодных расходов, как в случае с Мавзолеем. Впрочем, деньги здесь, конечно, не главное. Россия — страна богатая...

Вернёмся к контрдоводам, с которых начали — а именно: «сейчас не время». Ну и ещё: «Не надо давать лишний повод для разделения народа». Если их обобщить, то предлагается: 1) отложить определение дальнейшего исторического пути России (куда идём, что строим, «под кем себя чистим») на неопределенное будущее; 2) замалчивать идеологические и религиозные противоречия у разных групп сограждан, чтобы «не раскачивать лодку».

Насчёт первого пункта уместно возразить — а вы уверены, что это самое время у нас еще есть? И насчёт второго: что же это за «лодка» такая, если ее легко раскачать и опрокинуть «кладбищенским» вопросом?

Фильм «Мумия» его оппоненты наименовали «провокацией». С этим можно согласиться. Только с той поправкой,

что один из смыслов этого термина — инициация какого-то действия.

Вполне можно подвергнуть справедливой критике эстетику подачи материала в фильме, иногда скатывающуюся в молодежный трэш. Впрочем, одна из главных целевых его аудиторий, судя по всему, — именно молодежь. А в целом, фильм действительно спровоцировал дискуссию о весьма важной (среди многих других!) и совсем не безобидной проблеме, прямо касающейся не прошлого, но именно будущего нашей страны. И ее рано или поздно придётся решать.

На нынешнем же этапе, чтобы понизить градус «дискуссии», можно было бы предложить провести всенародное голосование по поводу захоронения тела Ленина, переноса Мавзолея и других захоронений с Красной площади. Чтобы не тратить деньги на отдельный плебисцит, разумно сделать отдельный бюллетень по этим вопросам, допустим, к очередным выборам в Думу. Явка избирателей гарантированно возрастет! А любую публичную агитацию «за» или «против» на подготовительное перед народным волеизъявлением время запретить.

Таким вот демократическим путем — культурно закрыть этот вопрос. По крайней мере — на время. А там, как говорится в названии известной телепередачи — «время покажет»...

2

О фильме «Мумия» я всё сказал в первой части, и никто меня в обратном не переубедил и уже не переубедит. И теперь хотелось бы поговорить о проблеме «единства народа», широко поднимаемой в различных обсуждениях.

Говорят: «не раскалывайте общество». Да оно и без этого фильма давно и прочно расколото. Фильм никакого раскола не добавил, а только высветил через телеэфир то, что ранее мусолилось лишь по соцсетям. Для одних Ленин — это чудовище, для других — светлый гений человечества и символ их счастливого советского детства-молодости. Ни одни, ни другие своего взгляда не изменят. И эта линия раскола существует — ее можно «замазывать», «микшировать», не замечать наконец. Или твердить: «Мы едины как никогда». Только вот беда — это уже перестало работать.

Так не хотели замечать долгие годы вызревающий на Украине нацизм, русофобию в Азербайджане, потребительскую русофобскую же наглость во многих других наших бывших советских республиках — якобы «союзниках» РФ.

Страусиная позиция может на некоторое время создавать иллюзию благополучия. Но жизнь однажды заставляет вы-

нимать голову из песка. Вот и пресловутого «примирения» условных «белых» и условных же «красных» не произошло. Точнее, казалось, что оно случилось в ленивые-сытые «нулевые» — мол, всё нормулёк, ребята, проехали. Даже «памятник примирения» поставили в Севастополе. До первого большого шторма простоял, как известно...

Так случается и в «немонументальной» жизни. В мире и в России ныне большой шторм бушует: речь о самом существовании Русской земли идет. Не только со стороны военного противостояния с Западом, но и со стороны демографии, беспредела мигрантов, всеразъедающей коррупции, ярко проявившейся гнилости «элитки».

Мощный патриотический порыв добровольцев на СВО, самоотверженная работа людей в тылу в помощь «нашим на фронте» стали для многих неожиданностью — как внутри страны, так и вне ее. И это движение вдруг высветило дикий контраст между этой частью — действительно «народа» и с другой стороны — вороватой, продолжающей жить в «стране розовых пони» элитой, периодически сочащейся откровенными предателями. А также — большой инертной массой обывателей, базовым мироощущением которых давно стало: «Не троньте нас со своими СВО, Лениными-Сталинами и «Третьими Римами», дайте нам спокойно жить не парясь — жарить первого мая шашлыки на фазендах и отдыхать летом в Турции (Египте, Сочи...)».

Итак, примем за данность: «белые—красные» страсти интересуют и волнуют довольно узкую прослойку сограждан, из которых знает историю не по школьным учебникам еще более узкая группа. Остальные легко верят придуманным сказкам Захара Прилепина или более сложным и фантазийным, но тоже сказочным писательским мифам Александра Проханова, а с другой стороны — мифологемам о «белых рыцарях» без страха и упрека.

Отсюда вывод: общество российское расколото не по пресловутой линии «белые—красные» — это бы полбеда — а атомизировано и «манкуртизировано». СВО ситуацию, увы, по большому счету, не изменила.

Эта операция была успешно проведена в 90-е. Соотечественники разбрелись по частным квартиркам, ну или по некоторым «группам интересов», мировоззренческим кружкам (это уже раритетно). Исключение составляют большие группы православных воцерковленных людей. Среди них тоже нет полного совпадения мнений, но единение вокруг Чаши Христовой — самое прочное и верное по определению.

Ну и еще есть возрастающая исламская умма — тоже далеко не единая, но достаточно сплоченная.

В последнее время некоторую надежду дарят такие общественные движения, родившиеся «снизу», как «Русская община», волонтерские группы помощи фронту. И это хорошо. Но это «реактивные» движения, и они не определяют путь России в будущее.

Власти же предрержащие, от которых должно исходить такое определение, пребывают в межеумочном состоянии. Проще говоря, не знают, куда именно идти и боятся определиться с маршрутом. Идеология Святой Руси, Третьего Рима слишком сложна для них, кажется какой-то экзотикой: читать много нужно, а главное — верить во Христа нелицемерно.

Зато недавняя советская идеология, точнее ее эрзац, кажется ближе, понятнее, «народнее». Отсюда смещение «идеологического нейтралитета» в последние годы в сторону как бы «ресоветизации». Именно «как бы», поскольку национализировать прихваченную собственность никто не собирается, как и расставаться с дворцами-яхтами, передаче деткам своего чиновного «дворянства» вместе с нехилой частной собственностью. И «маркизы КПРФ» здесь не отстают от «баронов ЕдРа». На «советских» же симпатиях части населения они откровенно спекулируют.

Поистине удивительно: пишут и кричат: «Не троньте Мавзолей Ленина — это символ Победы в Великой Отечественной Войне!» Так что ж вы этот «символ» на военные парады стыдливо драпируете?! То есть Ленина мы всё же как бы стыдимся, но похоронить боимся, дабы не вызвать волнения его поклонников и реприманда (упрёка) от китайских (корейских) товарищей. Как бы точнее определить такую позицию?

Вопрос о захоронении ВИЛа и выносе Мавзолея с Красной площади, поднятый фильмом «Мумия», разумеется, не ограничивается императивом христианского захоронения тела. На эту тему прозвучало множество «авторитетных» доводов о том, что Ленин-де захоронен, как положено — ниже уровня земли, и это «по-христиански». И другие, мол, великие деятели тоже мумифицированы и лежат в открытых мавзолеях. Доводы весьма неубедительные для человека православного. Да и, по большому счету, дело здесь не в технологии захоронения.

А в чем же? Да в самой фигуре Владимира Ильича Ульянова, конечно! И — подчеркну — не в отношении к прошлому периоду страны, а именно — к ее будущему. Мавзолей на главной площади страны сегодня — это не об уважении к основа-

телю СССР сто лет назад, а о нежелании (или боязни) расставаться с идеологическим и квазирелигиозным символом весьма неоднозначного и полностью исчерпанного прошлого страны.

Здесь сразу слышу истошные вопли об «антисоветчине», «диверсии», даже каком-то «предательстве», «власовщине». Позвольте, позвольте, господа-товарищи. Я — не антисоветчик. В том смысле, как это подается «напряженными» в своей красной вере соотечественниками. Точнее, так — я, может быть, и был таковым в своей юности — в начале — середине 1980-х. Таким были, к слову, и большинство моих знакомых. Статью написал в 10-м классе, опубликованную в МК — «Голосуем списком», в которой «абличал» циничную формальность комсомольских собраний. (За нее меня хотели сперва стгоряча из школы выпереть, но потом решили, что с таким ядовитым говнюком лучше не связываться, а наоборот, всячески помочь с аттестатом.)

В 1983-м меня с тремя товарищами изгнали с университетской «картошки» в Бородино с таким определением: «За нарушение сухого закона, аморалку и попытку поднять антисоветское восстание». Это было, разумеется, смешно и дико уже по тем временам — и вскоре нас вернули на картошку. Ну и за Ельцина в конце тех же восьмидесятых я выступал, неразумный. Но когда увидел в 91-м, как Горбач с Ельциным развалили страну и к чему привели — конечно, горько раскаялся в своих заблуждениях. Помню, как в 90-е купил кассету с популярными советскими песнями и плакал, их слушая, горячими слезами — слишком уж велико и вонюче было дерьмо, в которое нас погрузили в те годы.

Но коммунистом или желающим возврата «советского социализма» при этом отнюдь не стал. Потому что многое прочитал и обдумал к тому времени.

Мне не нравятся хлесткие сетевые дразнилки: «совок», «совкодрочер», как и обзывалки с другой стороны: «булкохруст», «царебожник» и прочее. Сетевая полемика в большинстве своем редуцирует позиции людей до агрессивного злобного крика или мычания. Я на таком уровне полемизировать не собираюсь. Но вот что имею сказать. Сперва трюизмы: СССР ленинско-троцко-свердловский, СССР поздне-сталинский, СССР хрущевский и СССР брежневский — это разные страны, разные общества. Мне, заставшему детством и юностью брежневский период, не за что его хулить лично. Хотя, понимаю, что многим людям повзрослее не за что им умиляться. Этаким золотой закат с чудищами, притаившимися в тени.

Вот что мне кажется при этом важным: то время было связано с Лениным и ленинизмом-марксизмом уже формально-обрядово. И многие хорошие ростки в культуре (кино, театре, музыке) в нем проросли поверх официальной омертвевшей идеологии. Андропов сказал верную мысль: «Мы не знаем общества, в котором живем». В свою очередь, Валентин Григорьевич Распутин сформулировал другое глубокое определение: «Россия переварила коммунизм».

Мне лично кажется, что 1970-е были неким феноменом, в котором таились зерна не только смерти, но и жизни. В начале 80-х, увы, возобладала смерть, и Горбачев, поманив своей «перестройкой», эту смерть довел до конца.

Я не склонен, впрочем, считать и предыдущие советские периоды, и в целом эпоху Сов. Союза «черной дырой истории», как некоторые «радикально белые». Кроме крови, мерзости и избиения русского народа был и энтузиазм, были и реальные достижения — в материальном и в социальном планах. Гнобить и проклинать тотальное всё, что было и в 20-е, и в 30-е, и в 40-е, и в 50-60-е годы считаю и неправильно, и даже безнравственно. Отношения-то человеческие в целом, действительно, были «почеловечнее», чем ныне. И «русской души» в целом поболее, вопреки госидеологии. То есть, не благодаря «Моральному кодексу строителя коммунизма», а благодаря поколениям, хранившим русскую традицию и воспитывавшим в этой традиции детей.

А вот далее — большое «НО». Советское государство рухнуло не только и не столько из-за происков врагов (которые, безусловно, были) сколько потому, что было основано на песке — без Бога, в куколе ложной идеологии и псевдофилософии, пресловутого истмата и диамата. И не смогло вовремя соскочить с них. Не в объятья безбожного и лживого Запада — а в русскую православную традицию.

Вот почему, как мне кажется, важна тема Ленина, поднятая фильмом «Мумия», как его ни оценивай эстетически. Морок этого деятеля, миф, созданный вокруг него, в который до сердешных судорог и зубовного скрежета верят достаточно многие соотечественники, мешает России выйти на свою дорогу, завещанную от Бога — православного Царства, Третьего Рима, Святой Руси. Тем паче, когда у этого мифа есть материальное воплощение — мумифицированный идол, лежащий для поклонения на главной площади. И не зря любовь к Ленину и даже снисходительное к нему отношение имеет обратный вектор — ненависть или же презрение к святому мученику Царю Николаю. Эти фигуры даже не идеологические, а онтологические антиподы. Сесть на некий ней-

тральный «стул» между ними не получится, даже если украсить этот стул православной символикой. Народного единства так не достичь, как его ни заклинай.

Еще раз подчеркну: отрицание Ленина и ленинизма как выбора пути в будущее не означает отрицания и порицания всего советского периода. Да и «советской власти», кстати, тоже, поскольку как принцип она была все 70 лет лишь ширмой диктата компартии. Над любым исполкомом стоял райком и обком. А низовое народоправие — Советы или Земства вполне могли бы обрести русское наполнение. Вместо чиновничьих «подкаблучных» муниципалитетов. Так же, как и многие социальные принципы государства. Для этого не нужна тоталитарная власть одной партии, Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин на знаменах. Без марксистской «научной основы» вполне можно обойтись в строительстве справедливого государственного устройства. Хватит «Русской Правды» и православной веры. Ну и в идеале — православного Царя во главе.

До этого надо дорасти — это правда. Пока мы очень далеки от этого — сетевые активисты (пусть это и малая часть народа) продолжают рвать глотку за «Ильича», повторять клевету и ненавидеть последнего нашего Государя-мученика. Их крайние оппоненты поливают почем зря «тупых совков», пропагандируют Российскую Империю как рай земной, отрицают все советское как «харам». Замалчивать эту ментальную пропасть уже сложно. При этом большая часть населения, особенно молодого, просто стоит в стороне от всего этого, продолжая плыть по течению.

Так и плывем куда-то, переругиваясь из отдельных лодок среди масс праздны и беззаботно купающихся. А течение тем временем всё быстрее, и на горизонте клубится идеальный шторм. Что делать будем, господа-товарищи? Под каким флагом в бурю пойдем?

КРАСНАЯ НЕЗАБУДКА

РАССКАЗ

Семён, опустив голову, медленно шёл по лесу и выискивал в траве маленькие голубенькие цветы. Собственно, их и искать-то не надо, этих цветов много, они росли повсюду, но Семёну нужны особые цветы. Он не знал, по каким отличиям выбирает их. Он просто чувствовал, что вот этот цветок нужно сорвать, а вот этот не надо. Ну вот и последний: Семён встал рядом с цветком на колени, невзирая на то, что трава с утра ещё сырая, осторожно раздвинул кривыми покалеченными пальцами траву и сорвал растение. Да. Этот цветок понравится белому человеку, он будет рад ему.

Зажав маленький букетик в руке, Семён, улыбаясь, направился к дому. Он улыбался всегда и всем. Ему нравилась жизнь. Ему нравились белые люди, с которыми он жил в большом доме. Нравился лес, окружающий его дом, нравились голубые цветы, он срывал их и дарил белым людям. Ему не нравилось только одно. Голубые цветы не росли постоянно, они уходили, когда становилось холодно.

Ещё Семён любил солнце. Очень любил. Он много раз пытался рассмотреть его, но у него ничего не по-

ПРОЗА

лучалось. Яркое жёлтое пятно быстро становилось ослепительно белым, и единственное, что он успевал увидеть, это мелькнувший круг с чётко очерченными краями. На этом, как правило, всё и заканчивалось, у него начинали бежать слёзы, резало глаза, и он потом какое-то время почти ничего не мог видеть из-за мельтешивших перед глазами светлых пятен. Но Семён всё равно радовался, он вытирал ладонями слёзы, шмыгал носом и смеялся. Он любил Солнце. Он видел и чувствовал его.

Вот и сейчас, словно поняв, о чём он думает, светило, разогнав утренние облака, обрушилось на него всей своей приятной мощью, и Семён, раскинув руки и задрав голову к небу, широко открыл глаза навстречу этому свету. Всё произошло, как всегда. Почувствовав, как по лицу побежали невольные слёзы и заплясали в голове яркие круги, Семён счастливо засмеялся, и, не опуская рук, начал медленно кружиться, представляя себя плывущим в этом ярком свете.

Доктор стоял возле окна в кабинете и смотрел, как Семён возвращается из лесопарка, росшего внутри огороженной высоким забором территории больницы. Даже с такого, довольно большого расстояния видно, что колени у парня мокрые.

«Опять по траве ползал», — вздохнул доктор и посмотрел на часы. Время до начала обхода ещё оставалось, и он опять перевёл взгляд за окно. Там, на выложенной жёлтой брусчаткой дорожке, подняв голову вверх, кружился его пациент, больной мозг которого перестал ему служить.

Доктор опять вздохнул, взял лежащие на столе очки и положил их в нагрудный карман халата. Вдаль он видел хорошо, однако читать без очков уже не мог: возраст. Доктор недоумённо хмыкнул:

— «Вот ведь дела какие, годиков мне ещё не очень много, а зрение уже подсело. Это в пятьдесят-то! А что в шестьдесят будет?..»

Он постоял ещё немного, размышляя, и, решив нарушить традицию начинать обход с первой палаты, направился на улицу, где на желтой дорожке стоял и смеялся больной из седьмой палаты.

— Здравствуй, Семён! — улыбнулся доктор и, как всегда, внимательно стал всматриваться в глаза парня, в надежде увидеть в них хотя бы маленький проблеск разума.

Семён не ответил. Он на протяжении вот уже трёх лет смотрел в глаза доктору глупыми счастливыми глазами и улыбался. Ещё он кивал головой, словно соглашаясь со всем, что ему говорили.

— У тебя, я вижу, как обычно, хорошее настроение! — констатировал доктор и, показав рукой на скамейку, предложил:

— Присядь...

И сел первым, зная, что больной не сядет рядом с ним — сколько уж раз так было... И если даже Семён сидел, то увидев идущего доктора, обязательно вставал.

Семён перестал кружиться. Он знал, что белый человек сейчас подойдёт к нему, и от него будут доноситься гулки и смешные звуки: «Бу-бу-бу-бу-бу...» Семён не знал, что это значит, но этот белый человек ему нравился, и для него он тоже срывал цветок. И он не должен ошибиться, не должен отдать ему цветок, предназначенный для другого белого человека.

Доктор сидел на лавке и терпеливо ждал, когда больной выберет растение. Однако в этот раз пациент долго не мог определить, который из них отдать. Он уселся прямо на дорожку, разложил перед собой цветы и начал их перебирать, беззвучно шевеля губами. Наконец выбрал нужный, и, не вставая, по-прежнему улыбаясь, протянул его в сторону доктора.

— «Ну что же. Обход начался», — грустно подумал доктор, встал со скамейки, и взял из рук Семёна незабудку. Проходя мимо сидящего на брусчатке парня, не удержался и погладил того по лохматой голове. Как и его сын, Семён когда-то служил в армии. Иногда доктор представлял себе, что на месте этого парня мог оказаться его ребёнок, от этой мысли он приходил в ужас. У него выступали слёзы на глазах, и он начинал лихорадочно звонить сыну. Звонить только для того, чтобы услышать его голос и понять, что у того всё в порядке. Он слушал родной голос и радовался тому, что этот кошмар произошёл не с его мальчиком. Доктор стыдился этой радости, но ничего не мог с ней поделать.

Когда белый человек ушёл, Семён посидел ещё некоторое время на дорожке, радуясь тому, что сделал всё правильно. Потом он встал и пошёл в дом, где его скоро посадят за стол, дадут в руки ложку и покажут, что с ней надо делать. Семён в предвкушении приятного события, связанного с ложкой, опять радостно засмеялся. Его огорчало только одно — он постоянно забывал, что надо делать с ложкой, честно пытался удержать это в голове, но ничего не получалось, память подводила его.

Елена Сергеевна сидела в ординаторской за своим столом и, благодаря удачному его расположению прямо напротив окна, видела всё, что происходит во дворе больницы. Вот и

сейчас она знала, что врачи ждут её команды, когда надо будет подниматься и начинать подготовку к обходу. Увидев, что главный врач направился к корпусу, она поднялась, одёрнула халат и сказала:

— Идёт. Пора начинать...

И первой направилась к выходу из ординаторской.

Их, людей в белых халатах, в клинике работало семь человек: три врача-психиатра вместе с ней, врач-терапевт, старшая медицинская сестра, заместитель главного врача и сам главный врач. Остальной персонал одевался в синюю униформу. Два раза в неделю все они выходили в холл приёмного покоя и получали от улыбающегося Семёна по цветочку. Этот своеобразный ритуал соблюдать старались все. Если кого-то не хватало, Семён начинал ходить по больнице и тревожно озираясь, искать того, кому он ещё не отдал цветок. Со стороны это могло выглядеть смешно: молодой мужик с длинными, совершенно седыми волосами ходит по больнице, выткнув перед собой руку с зажатою в кулаке незабудкой.

Елена Сергеевна очнулась от своих мыслей, приняла из рук Семёна причитающийся ей цветок, и, поблагодарив улыбающегося парня, пошла сопровождать на обходе главного врача.

Обход проходил как обычно, и Елена Сергеевна, машинально отвечая на стандартные вопросы главного, вдруг совершенно не к месту подумала, что Семён их всех выдрессировал. Ну а как же иначе? Они все, как по команде, собирались в кучку и ждали, когда им раздадут по цветочку. Елена Сергеевна улыбнулась, представив, как Семён начинает одаривать их не цветами, а какой-нибудь вкуснятиной...

— О чём, Леночка, задумалась? — услышала она насмешливый голос главного. — Я так полагаю, что это как-то связано с Семёном и его цветами?

— Как вы догадались?

— Ну-у-у-у, это не составило большого труда! У вас, моя хорошая, всё написано на лице.

— Да, вы правы! Я думала о том, что будь это другой человек, а не Семён, мы бы к нему сами не сбегались.

— Да, Елена Сергеевна, — задумчиво пробормотал главный врач, — если бы не Семён, если бы не Семён... И он, не договорив, направился в сторону своего кабинета, но, отойдя шагов на десять, вдруг остановился, и, обернувшись к Елене Сергеевне, сказал:

— Да! Чуть не забыл! Вы бы, Леночка, начали уже в порядок возможные недостатки приводить, а то, знаете ли, к нам через недельку какая-то комиссия намеревается нагрянуть. С проверкой так сказать...

И главный, сокрушённо покачав головой, продолжил путь к своему кабинету.

Елена Сергеевна расстроилась. Нет, она не боялась, что комиссия может выявить какие-то недостатки. Она добросовестный и щепетильный работник в плане соблюдения всевозможных правил и инструкций при работе с бумагами и с историями болезней. У неё всегда и во всём порядок. Но все эти комиссии отнимают уйму времени и нервов. Особенно, когда в составе прибывшей команды попадает какой-нибудь особо рьяный представитель.

Елена Сергеевна вернулась в ординаторскую, села за свой стол, аккуратно отложила в сторону стопку историй и невольно поморщилась. Припомнилось, как не так уж давно один из таких представителей, остановил в коридоре Семёна, а затем потребовал к себе главного врача. Главный не стал капризничать и пришёл к возмущённому столичному гостю. Как выяснилось, у больного слишком длинные волосы, что никак не вязалось с обликом их лечебного учреждения. Пока тот разглагольствовал о вопиющем нарушении санитарных норм, вокруг столпился персонал.

Тыча пальцем в голову радостно улыбающегося Семёна, член комиссии потребовал немедленно остричь его седые лохмы. Возникшую ситуацию разрешила старшая медицинская сестра. Она попросила подойти горящего праведным гневом проверяющего поближе и откинула с висков Семёна волосы, скрывающие отсутствие ушей и безобразные, уходящие в череп темные дыры.

Бедный проверяющий замер с открытым ртом, не в силах отвести взгляд от этого страшного зрелища. Старшей сестре этого показалось мало, и она окончательно добила его тем, что до самой шеи задрала на парне казённую футболку, предложив тому осмотреть ещё и тело больного. Увидев, что находится под футболкой, тот икнул и начал метаться возле запертых дверей туалета для персонала, куда его по доброте душевной эта же сестра и впустила, оставив дверь открытой, чтобы все собравшиеся могли услышать, как он блюёт. Такая реакция неподготовленного человека, в общем-то, понятна.

На теле Семёна не осталось живого места! Сохранились только узкие полоски кожи, с которой он появился на свет. Остальная кожа наросла уже потом, после того, как её аккуратно срезали от шеи до ступней. Спереди, сзади на спине, на руках, на ногах. Везде, со всего тела. Это тяжкое, мучительное зрелище. Поэтому никто не смеялся над этим глупым проверяющим человеком. Нельзя над этим смеяться. И ещё пальцы, они у Семёна все переломаны, и выглядели расплюснутыми.

Доктор сидел в своём кабинете на втором этаже и просматривал статью, напечатанную в английском журнале. Проблема с языковым барьером перед ним не стояла. Он в совершенстве владел английским, чем и пользовался на полную катушку, выискивая в зарубежных медицинских журналах интересующие его статьи, посвящённые психиатрии. Закончив читать, доктор отложил журнал и задумчиво уставился в окно, обдумывая прочитанное. Он ещё не знал, согласен с автором или нет. Для того чтобы прийти к определённом решению, ему надо будет прочитать статью ещё несколько раз, и хорошенько ее обдумать.

Из задумчивости главного врача вывела непонятная возня, происходящая возле ворот, ведущих на территорию клиники. Рядом с воротами стоял зелёный «уазик»-«буханка», точно такой же, как и у них в больнице. Отличие состояло только в том, что на этом автомобиле нет красных крестов. Ворота начали закрываться, и доктор нахмурился; до конца рабочего дня ворота должны быть открытыми, чтобы родственники их пациентов могли подъехать ближе к корпусам.

Ворота закрылись, из будки охранника вышел человек в темной одежде, огляделся, после чего забрался в открытую дверь «буханки», и «уазик» поехал к главному корпусу. Это против правил — машина должна остановиться на парковке, не доезжая до центрального входа! Однако, игнорируя знаки, автомобиль подъехал к самому крыльцу, и из него начали выпрыгивать люди в чёрной одежде. Доктор насчитал восемь человек, четверо из которых оказались вооружены автоматами.

О том, что произошло что-то нехорошее, главный врач уже понял, но пока не мог просчитать, насколько это плохо. Но когда внизу, в холле, раздались один за другим три выстрела, неожиданно сильно хлестнувшие своим резким и гулким звуком по ушам, доктор понял, что это не просто плохо. Это — пока ещё непонятная катастрофа. Внезапно задрожавшими пальцами он снял очки и положил их в нагрудный карман халата, после чего поднялся из кресла, и, обойдя стол, остановился напротив двери кабинета. Постоял несколько секунд, вынул из кармана очки, и, вернувшись к столу, аккуратно положил их на открытый журнал. Однако решил, что очки ему могут пригодиться, опять взял их и, вновь затолкнув в нагрудный карман, решительно вышел из кабинета.

С двумя незнакомцами главный врач столкнулся, когда прошёл уже полпути от своего кабинета до лифта, из открывшихся дверей которого они и вышли.

«Большой и маленький» — машинально отметил доктор и остановился, ожидая, когда эта парочка подойдёт к нему ближе.

«У маленького автомат, а у большого пистолет. Хотя это не совсем логично, — почему-то пришла в голову совершенно несуразная мысль. — По логике автомат должен быть у большого, а пистолет у маленького, потому что автомат больше пистолета».

— Кто здесь начальник? — неожиданно визгливым голосом спросил мелкий и направил в его сторону ствол автомата. Доктор не ответил, справедливо рассудив, что этот визгливый просто не может быть тем, с кем надо вести беседы. Какой-то он весь кручёный и суетливый. Складывалось впечатление, что это создание не могло спокойно стоять на одном месте. Ноги этого человечка жили своей жизнью — они перемещались под телом маленькими шажками, словно пританцовывали, причём само тело желания плясать не проявляло. Не может так вести себя человек, наделенный хотя бы мизерными полномочиями.

— Ты, Штырь, не только тупой, но ещё и слепой! — хохотнул большой и, мотнув головой в сторону доктора, приказал:

— Читай, что у него на халате написано!

Мелкий, как разболтанная кукла, подсеменил поближе к доктору и, прочитав вышивку на его халате, выдал:

— Это какой-то «глврач»? А старший-то здесь кто? — вновь обратился он к доктору.

Доктор посмотрел на большого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами.

— Заткнись, придурок! — раздражённо рявкнул большой. — Это главный врач. Это и есть старший. Он нам и нужен.

Доктор посмотрел на кривляющегося человечка и, презрительно усмехнулся. Затем, переведя взгляд на большого, поинтересовался:

— Куда я должен идти, и что я должен делать в сложившейся, так сказать, обстановке?

— Давай, док, за мной топай, — пробасил большой и направился обратно к лифту, всем своим видом показывая, что ни на йоту не сомневается в том, что его приказ будет беспрекословно выполнен.

Доктор обвёл глазами холл, в котором находилось около десятка пациентов и несколько человек обслуживающего персонала. Машинально улыбнулся в ответ глядящему на него безмятежными глазами Семёну и вдруг почувствовал сильный удар в спину, бросивший его на пол. Затем услышал истошное верещание мелкого:

— Ты чё лыбишься, козёл, а?! Ты чё лыбишься!?

Удар оказался сильным. Настолько, что у доктора перехватило дыхание, и он несколько секунд не мог протолкнуть в лёгкие воздух.

«Ты смотри, как больно-то! — удивился доктор и с заметным трудом поднялся на ноги. Некоторое время стоял, нагнувшись, приводя в порядок дыхание. Затем, не обращая внимания на крики маленького человечка, ударившего его прикладом автомата, вытащил из нагрудного кармана сломавшиеся после падения очки. С сожалением покачал головой, положил их обратно в карман, и повернулся к мелкому.

Дальше произошло то, чего никто не ожидал — ни тычущий стволом автомата в доктора мелкий, ни обернувшийся на шум большой, ни обслуживающий персонал. Главный врач! Доктор! Интеллигентнейший человек! Улыбнувшись, он ударил мелкого в лицо. Затем спокойно отвернулся от растянувшегося на полу своего обидчика и направился к лифту.

Доктор успел сделать всего лишь несколько шагов. Несколько последних шагов в своей жизни. И даже успел подумать о том, что это, оказывается, приятно ударить подонка по физиономии. Главный врач умер с этой несвойственной его воспитанию мыслью. Он просто не успел подумать о том, что всё-таки не стоило бить по лицу человека. Его насквозь прошла очередь из автомата, выпущенная ему в спину поднявшимся с пола взбешённым мелким. Доктора не отбрасывало ударом очереди, как это частенько показывают в боевиках. Пули, пройдя сквозь тело человека, унесли с собой его жизнь. Доктор осел, медленно опустившись сначала на колени, потом, словно нехотя, завалился на бок. Вздрогнул последний раз всем телом и замер, перевалившись на спину.

Доктор уже не видел, как заорал и пнул мелкого напарник. Как закричала одна из медицинских сестёр и в ужасе, прикусив зубами кулачок, не отрываясь глядела на залитое кровью тело главного врача. Он не мог видеть, как прибежали ещё трое вооружённых мужчин и стали сгонять всех вниз, в холл первого этажа. Он уже не видел, как Семён, глядя на его тело, вдруг начал кричать протяжно и страшно, на одной ноте и, не переставая, кричал до тех пор, пока к нему не подошёл один из вооружённых людей и не ударил его прикладом автомата в голову.

Семён лежал на полу и с удивлением рассматривал синий цветок, ставший почему-то красным. Это казалось странным и непонятным. Он не знал, почему цветок лежит в чёрной луже и почему белый человек, которому он его подарил,

стал красным? Страшно красным. Он не должен быть таким, потому что быть красным — это больно, это невыносимо больно. Это непрекращающаяся, нестерпимая боль. И эта боль становится всё сильнее и сильнее. От неё, от этой боли, умираешь. Он это знает. Он уже умирал.

Семён, не отрывая щеки от холодного мраморного пола, протянул руку и с трудом взял искалеченными пальцами цветок, лежащий рядом с телом доктора. Затем поднялся, подошёл к белому человеку и протянул ему цветок. Белый человек цветок не взял, он вообще не пошевелился. Белый человек лежал неподвижно. Семён постоял некоторое время над ним, затем аккуратно положил красный цветок на грудь белого человека и пошёл на звуки возни, раздававшиеся из кабинета главного врача.

Прошло уже часов шесть, как их захватили сбежавшие зеки. Елена Сергеевна поняла это сразу, как только увидела их одежду. Она уже встречалась с такими. К ним их привозили под охраной, на медицинскую экспертизу, и они содержались в специальном здании, похожем на тюрьму. Там и сейчас находились несколько подозреваемых. Захватившие их люди даже не делали попыток приблизиться туда. По всей вероятности, они знали, что там имелась вооружённая охрана, и решили не рисковать.

Елена Сергеевна не видела, как убили главного врача, ей об этом рассказала заплаканная медицинская сестра, когда весь персонал и часть больных согнали в холл первого этажа. Их заставили усесться на полу, задернули на окнах шторы и велели молчать. Она же шёпотом рассказала, что Семёна, скорее всего тоже убили — видела его лежащим на полу с окровавленной головой.

— Эй ты! Смазливая! — вдруг раздался хриплый голос одного из напавших, вольготно развалившегося в кресле, предназначенном для посетителей. — Ты! Ты! Чё ты башкой вертишь?

— Это он вас зовёт... — с ужасом прошептала медицинская сестра, сидевшая рядом с ней, и вцепилась в её руку.

— Иди сюда, — поманил зек Елену Сергеевну пальцем и встал с кресла. Елена Сергеевна, ни слова не говоря, выдернула свою руку из трясущихся рук медсестры, поднялась и подошла к улыбающемуся бандиту. Тот несколько секунд разглядывал её, затем кивнул в сторону дверей, ведущих на второй этаж и приказал:

— Пойдёшь с нами, мы ментам два часа дали, так что время порезвиться у нас есть! Да ты не бойсь, не бойсь, я не

любитель бить женщин, я вообще-то нормальный мужик! — он довольно ощерился, положил руку ей на грудь и больно сжал её пальцами. — Но, правда, есть одно условие. Девочка должна быть послушной. Если нет... То вот он... — зек ткнул пальцем в стоящего рядом с ним вертялого парня, — будет тебя бить. Бить до тех пор, пока ты не станешь паинькой.

Елена Сергеевна знала, что она красивая женщина, красива той неброской, сдержанной красотой, заставляющей мужчин оборачиваться ей вслед. И чего греха таить, гордилась этим. И вот сейчас, первый раз в своей жизни, она пожалела о своей внешности. С трудом переставляя ноги, она поднялась по лестнице на второй этаж и, повинуясь тащившей её руке вертялого, пошла в сторону кабинета главного врача.

Она понимала, что её ждёт и иллюзий не питала. Спротивляться она не собиралась, добравшись до сейфа с сильнодействующими препаратами зеки, войдя в раж, могут и до смерти забить. Терять им нечего, оружие они забрали при побеге у убитых ими силовиков. Проходя мимо тел главного врача и Семёна, Елена Сергеевна не выдержала и заплакала.

— Заткнись! — взвизгнул тащивший её мелкий. — Успеешь ещё наревестись! Вот только причина у тебя будет другая!

И он, запрокинув голову, противно засмеялся тоненьким голоском.

Семён медленно открыл дверь, из-за которой доносились приглушённые возгласы, вошёл и так же медленно закрыл дверь за собой, не беспокоясь о том, что на него удивлённо уставилось несущее красную боль существо. Злобное существо! Оно уже начало окрашивать в красный цвет лежащего на полу белого человека. И Семён вдруг понял, что должен убить ЭТО, иначе оно зальёт красным белого человека, и тогда он тоже перестанет брать у него цветы. Это неправильно! Белым людям цветы нравятся. Они должны их брать.

Елена Сергеевна лежала на полу в разорванной одежде и плакала от бессилия, от стыда и от боли. Она боялась этих людей, поэтому сразу же сказала им, что не будет сопротивляться. Но старший всё равно дал мелкому команду бить её. Сам сидел на диване и смотрел, как его подручный, повалив женщину на пол, уселся на неё сверху и стал методично наносить ей удары по лицу, разбивая в кровь губы и нос. Удары вдруг прекратились, и она, открыв глаза, увидела, как в кабинет вошёл Семён, закрыл за собой дверь и посмотрел на неё чужими мёртвыми глазами.

— Ты чё, псих, берега попутал? — хохотнул старший, встал с дивана и подошёл к стоящему посреди кабинета Семёну. Однако Семён, казалось, его не заметил. Он стоял спокойно, опустил руки, и, не мигая, смотрел на мелкого, который сидя на груди доктора, короткими, хлёсткими ударами бил ее по лицу.

— Ты чё, дебил, не слышишь, что ли? Я с тобой, разговариваю! — уже раздражённо произнёс зек, ухватил Семёна за ворот пижамы левой рукой, и нанёс ему правой рукой удар в лицо. Удар быстрый, мощный, отработанный... Но произошло невероятное! Безвольно стоящий психически нездоровый человек как бы нехотя отклонил голову в сторону, и кулак зека ушёл в пустоту, заставив его покачнуться. В ту же секунду Семён, по-кошачьи извернувшись, оказался за спиной большого и, почти не размахиваясь, ткнул того кулаком в печень.

Сначала Елене Сергеевне показалось, что удар Семёна не достиг своей цели, большой зек остался стоять на ногах, недоумённо оглядываясь. Но вот он охнул, скособочился и, схватившись за правый бок, упал на колени. Безучастно наблюдавший за зекон Семён, шагнул к нему, вцепился пальцами в глазницы, рывком задрал голову вверх, и нанёс удар ребром ладони в горло.

Страшный удар сломал человеку кадык, расплющил гортань и впечатал её в шейные позвонки. Большой захрипел и, схватившись за горло, упал на пол.

Семён упёрся коленями ему в поясницу, ухватил руками за затылок и подбородок, затем одним движением свернул шею, заставив смотреть мертвыми глазами в потолок лежащее на животе тело человека. Потом он взял оставленный большим на столе пистолет, и подошёл к успевшему забиться в угол кабинета мелкому. Некоторое время, не мигая, смотрел на него, затем, резким ударом выбив ему зубы, вогнал ствол пистолета в рот и нажал на спусковой крючок. Выстрел получился негромким, голова мелкого сработала как глушитель.

Елена Сергеевна торопливо вытащила из шкафа главного врача его запасной халат и, стараясь не смотреть в сторону Семёна, сняла с себя остатки разорванного халата. Словно почувствовав смущение женщины, Семён отвернулся и стал смотреть в окно, туда, где он всегда собирал цветы. Одев прямо на голое тело халат главного, Елена Сергеевна нерешительно прикоснулась к плечу больного.

— Нам надо уходить отсюда, Семён! — лихорадочно прошептала она. — Ты слышишь?.. Ты понимаешь меня?.. —

встряхнула она его за руку. Семён не ответил, он вообще никогда никому не отвечал. Семён смотрел на неё тёмными провалами глаз, смотрел без улыбки, и она испугалась этого. В глазах Семёна больше не осталось глупой безмятежности. Елене Сергеевне показалось, что у него и глаз-то не было, только тёмные тоннели, не несущие в себе даже малейшего проблеска жизни.

— Идём, Семён, идём, — и она потянула парня за собой на выход из кабинета.

Им не повезло. Когда они уже миновали дверь, ведущую на лестницу, из неё вышли двое зеков, один из которых радостно воскликнул:

— Ты глянь-ка!.. Бугор-то, я вижу, с тёлкой уже натешился! Может, она теперь и нас угостит? А?.. — издевательски обратился он к врачу.

Елена Сергеевна понимала, что если эти двое обнаружат своего старшего мёртвым, ей с Семёном жить останется очень недолго, и поэтому, преодолевая дрожание в голосе, предложила:

— Я не против, но давайте уйдём отсюда, а то здесь труп лежит, мне страшно, — и она посмотрела в сторону тела главного врача.

— Люблю разумных баб, — хмыкнул второй, схватил Елену Сергеевну за руку и потащил ее к ближайшей двери, ведущей в палату.

— Стой, стой, стой, — забеспокоился любитель угощаться, — а как же псих?

— А никак! Пусть бродит... Этот придурок и выход-то отсюда не сможет найти.

И он, открыв дверь палаты, втолкнул туда Елену Сергеевну.

Халат Елена Сергеевна снимала сама, плакала и медленно растёгивала пуговицу за пуговицей. Но снять его она так и не успела; за спинами жадно разглядывающих её зеков скрипнула дверь, и вздрогнувшие от неожиданности мужики шустро обернулись.

— Да твою ж мать! Тебе-то чего здесь надо? — рявкнул один из них и ткнул стволом автомата в грудь Семёну.

— Уведи-ка его к остальным, — обернулся он к напарнику, — а то он нам только меша...

Договорить он не успел: стоящий перед ним Семён вдруг сделал неуловимое движение руками, и зек удивлённо повернул голову в сторону кровати, на которой лежал выбитый из его рук автомат. Взглянуть на Семёна ещё раз он не успел; тот совершенно спокойно поднял руку и воткнул зеку в ухо протирку, используемую для чистки ствола автомата. И теперь

равнодушно наблюдал, как дёргается возле его ног умирающий человек с нелепо торчащим из уха металлическим прутком.

Второй зек, оправившись от изумления, отпрыгнул от Семёна, вытащил из ножен болтающихся у него на поясе большой нож, пригнулся и, выставив руку с ножом в сторону Семёна, прошипел:

— Ну! Давай, урод психованный! Давай! Подходи! — и он несколько раз взмахнул ножом перед Семёном.

Елена Сергеевна, запахнув на себе халат, с ужасом наблюдая за изменившимся пациентом, вдруг ясно осознала, что человек, угрожающий Семёну, обречён! Он сейчас умрёт, и шансов у него нет. Словно уловив мысли доктора, Семён шагнул под неминуемый удар клинка.

Елена Сергеевна так и не смогла понять, что же произошло. Она только успела увидеть, как рука с ножом метнулась в живот Семёну, но хищно сверкнувшее лезвие прошло мимо. Семен, отклонившись в сторону и крутнувшись вокруг своей оси, оказался сбоку от зека, перехватил его руку, резко вывернул её и ударом кулака сломал в локтевом суставе. Доктор знала, что боль при такой травме очень сильная, но зек заорать не успел. Семён перехватил выпавший из покаленной руки зека нож и, вонзил его тому под нижнюю челюсть, пробив небо и убив мозг.

Елена Сергеевна, глядя на весь этот ужас, судорожно всхлипнула и прошептала:

— Нам надо уйти отсюда... Слышишь, Семён?! Уйти!.. — и она, зябко кутаясь в халат, начала судорожно осматриваться, заранее понимая, что спрятаться им негде. Наверное, Семён её всё-таки услышал, а может, и нет, возможно, он просто захотел уйти из палаты. Но Елена Сергеевна увидела его уже стоящим возле дверей. Однако до того, как открыть их, он обернулся и внимательно посмотрел на неё провалами тёмных глаз. И она, словно повинувшись приказу, молча, не оглядываясь на убитых людей, пошла к ставшему вдруг незнакомым ей человеку.

Доктор торопливо пересекала холл, постоянно оглядываясь на идущего сзади парня. Она уже миновала кабинет главного врача, когда за её спиной неожиданно прогрехотали три выстрела. Они показались ей настолько оглушительными, что она взвизгнула и присела, закрыв голову руками. Она сидела на корточках до тех пор, пока не услышала чей-то хриплый, прокуренный голос:

— Ну что, дамочка! Бугра нашего, значит, завалили, а теперь прогуливаетесь здесь в своё удовольствие?

Елена Сергеевна, не решаясь отнять руки от головы, прошептала:

— Нет, нет, что вы, я никого не заваливала!..

— Руки от башки убери и сюда смотри! — повысил голос говоривший. Доктор, медленно опустила руки, и посмотрела на стоящего перед ней человека.

Этот другой, глаза умные, Елена Сергеевна это сразу отметила. Он не стал зря рисковать, обнаружив трупы своих напарников. Едва выйдя из кабинета главного врача, сразу начал стрелять в самого опасного, по его мнению, противника. В Семёна, лежащего сейчас недалеко от тела главного врача.

— Я знаю, что не ты его завалила! — хмыкнул зек, опустил руку с пистолетом и внимательно осмотрел холл.

— Можешь встать, — наконец, разрешил он, — поговорим, время есть. Не начнут они штурм, пока у нас заложников куча.

Елена Сергеевна встала, опустила руки, и обречённо посмотрела на небритую рожу зека.

— Он убил бугра и его шестёрку? — спросил тот и кивнул в сторону Семёна.

— Я не знаю, — пролепетала Елена Сергеевна, — я не видела...

— Да ладно тебе! — неожиданно рассмеялся зек. — Если не ты, значит, этот придурок! — Он мельком глянул на Семёна. — Чтобы свернуть шею такому, как наш бугор, нужен такой же амбал, ну или псих. Я читал, что отсутствие мозгов у придурков компенсируется физической силой. Это правда?.. Или нет?.. — повысил голос небритый, с удивлением глядя, как докторша, подняла руку, закрыла себе рот ладошкой и смотрит широко открытыми глазами ему за спину, словно увидела там что-то страшное.

Он не успел узнать, правда это или нет. Он даже не успел обернуться. Его шею насквозь пробило широкое лезвие ножа, уже однажды забравшее жизнь одного из зеков. Небритый стоял еще несколько секунд. Его тело не хотело умирать, и затухающий разум заставлял руки хвататься за отточенное лезвие, разрезая пальцы и ладони.

— «Странно, почему нет крови? — поражаясь собственному спокойствию, подумала Елена Сергеевна. — Кровь должна быть... Артерия явно перерезана...»

Судорожно вздохнув, доктор сделала шаг в сторону, чтобы не стоять перед умирающим человеком. Словно поняв, что освободилось место, изо рта небритого хлынула кровь. И уже мёртвое тело, ткнулось лицом в каменный пол.

Елена Сергеевна с трудом оторвала взгляд от быстро увеличивающейся лужи крови и метнулась к медленно оседаю-

шему на пол Семёну. Она успела подхватить его под плечи, но понимая, что не удержит тяжёлое тело, оперлась спиной на стену и сползла по ней, не позволив ему упасть. Потом положила его голову к себе на колени и начала гладить его по жестким спутанным волосам.

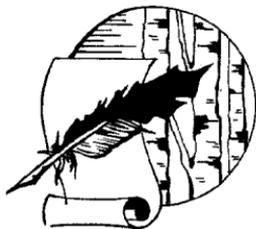
— Я знаю тебя... — вдруг прошептал Семён и, открыв глаза, улыбнулся ей. — Я всегда тебя знал! Ты ведь Солнце?

Глаза у Семёна ясные и чистые. Не безмятежные в своём больном спокойствии. Живые! Живые глаза умирающего счастливым человека.

Елена Сергеевна сидела на полу и, укачивая голову Семёна, плакала. Плакала навзрыд, не обращая внимания на ворвавшихся на второй этаж спецназовцев. Елена Сергеевна плакала, и слёзы, стекая по её лицу, падали на улыбающиеся губы Семёна и на его мертвые глаза, словно он оплакивал свою наконец-то закончившуюся жизнь. Нет, она не жалела этого мёртвого человека. Она сострадала ему! Сострадала тому, что ему пришлось пережить при жизни, когда его, раненого, захватили наёмники, воевавшие в Чечне. Она страдала от того, что они сотворили с живым человеком, узнав, что он спецназовец. Она страдала от того, что он не умер сразу, а хлебнул смертной муки полной мерой. Но самое страшное то, что он, вновь обретя разум, умер. Улыбнулся и ушел. Ушёл туда, где нет ни страдания, ни боли.

— Я тебя знаю! — вновь повторил Семён, и перед его глазами ярко блеснул свет. Но этот свет не вызывал слёз: мягкий и нежный, он подхватил измученное тело Семёна и понёс его в голубую, словно цветы незабудки, высь.

Из руки умершего человека выпал измятый, красный от крови цветок.

**СТИХИ
ПОЭТОВ РОССИИ**

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

* * *

«Вот был бы тогда ВТБ!» —
Народ изумляя до колик,
Вскочил пузырём на губе
Навязчивый банковский ролик.

Неужто окончен застой?
И место под солнцем вернула —
Отчизны запас золотой —
Великая литература!

«Вот был бы тогда ВТБ!» —
Дурманит холёный вещатель...
Но легче ли стало тебе —
Сегодня живущий писатель?

Тургенев, Толстой и т.д...
Мы вздрогнули вдруг у экранов:
«Вот был бы тогда ВТБ!» —
И не было б этих романов!

**АНАТОЛИЮ АВРУТИНУ
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ**

В поэтической каморке
Быт наш добр, хотя и труден...
А сегодня две семёрки
Разменял мой друг Аврутин!
Толя, Толя, ты ли, ты ли?
Кто судьбу не бил в осколки,
Позабыл про то, как пили
После школы «Три семёрки».

Три! А время нам вручает
Лишь вторую, будто «ксиву»!..
В общем, это означает
Неплохую перспективу!..

ПАСХА—25

Печём куличи,
как святые посулы,
Нам в крестных колоннах
даст знак благовест..
А где-то за Брестом
«макроно-урсулы»
всё ладят для Родины
гибельный крест!

Но как бы взхлёб
они ни голосили,
жестокая правда
ясна и проста:
кто злобой беспамятной
целит в Россию,
тот, иродом нанятый,
целит в Христа!

...На досках бескрайних —
и свечки, и вербы,
на яйцах пасхальных —
узоры и лак...
Святите нам, батюшки,
верность и веру,
они в нас навеки —
воистину так!

г. Москва

Сергей ЧЕПРОВ

ОХОТА НА ВОЛКОВ

Когда нет сил разжать тиски оков
И, словно зверь, судьбою загнан в угол,

Врубаю я «Охоту на волков»,
Кроша эмаль, сжимаю с хрустом зубы.

Когда отбриты все пути назад
И стынут впереди курки на взводе,
То маячками жёлтые глаза
Волков меня из-под флажков выводят.

Я вслед за стаей устремляюсь в бег,
Из тела страх по капле с потом выжав,
И плавлю животом кровавый снег
С одной лишь целью: вырваться и выжить.

И обрета неистовство и раж,
Едва лишь ухом поведя на выстрел,
Со стаею ложусь в такой вираж,
С которого б живым не всякий вышел.

И вновь вдохнув свободы глубоко,
Зализываю раны звёздной ночью.
Коль не было б «Охоты на волков»,
Возможно, жизнь моя была б короче.

г. Бийск Алтайского края

Вадим ГАЕНКО

* * *

Жизнь бежит по кругу, не кончается,
Я себе тихонько повторяю —
В 60 всё только начинается,
И теперь я точно это знаю.

Напрягаю все свои старания,
Ставшие привычными заботами.
Бег, турник, готовка, моржевание,
Пахота на нескольких работах.

Не стесняясь возраста проклятого
И здоровья вроде бы не нового,
Мне супруга родила девятого!
Охренеть, как было это здорово!

Я гляжу, как он мне улыбается,
Тянет ручки, глазками сверкая.
В 60 всё только начинается.
И теперь я это точно знаю.

г. Кисловодск

Елена КОЛЕСНИКОВА

ПРО ГРУСТЬ

Ещё одно годичное кольцо
Скрепило моё сердце непослушное:
Парнишка с конопущеным лицом
Нечаянно запал сегодня в душу мне.

В его глазах — высоких зорь разлёт,
В его глазах — любви весенней искорки,
А у меня — слежалый серый лёд
И горизонты — тусклые, не близкие.

Он робко разворачивал в руках
Цветов душистых золотые фантики,
Он был подобьем солнца в облаках,
Явлением из области фантастики.

Или, быть может, из страны чудес,
С проспекта счастья — светлого и длинного.
Он был, могу поклясться, но исчез,
А с ним — и грусть моя неодолимая.

* * *

— Витаешь в облаках?
— Витаю.
Косицы тучке заплетаю —
Две золотистые косы —
Светлее девичьей слезы.

— Витаешь в облаках?
— Витаю.
Венец лазурью вышиваю,
Стежанным бисером кроплю
В подружки кликаю зарю.

Заря за ставни заглянула,
Отрез шелковый протянула
Алее маковой росы —
Для пущей девичьей красы.

— Витаешь в облаках?
— Витаю.
Дождинки с радуги сметаю,
В воротах суженого жду,
Ряжусь в кисейную фату.

Веночком косы повиваю...
— А кто ж он?
— И сама не знаю.

г. Воронеж

Олег ГОНОЗОВ

СТАРЫЕ КНИГИ

Старые книги на полке,
вы — маяки давних лет,
чувствую добрый и долгий,
ваш вдохновляющий свет.

Пахнут бумажною пылью
жёлтые лица страниц
и шелестят, словно крылья
добрых, невидимых птиц.

ПЕРВЫЙ «Б»

На старом пожелтевшем школьном фото
наш первый «б» за партами сидит.
Мне вспомнить всех по имени охота,
но память, как нарочно, тормозит.

Фотограф — дядька-инвалид — старался,
чтоб было видно всех до одного,
и за портфели наши запинался
скрипучей деревянной ногой.

Заботливая мама написала
на обороте снимка имена
мальчишек и девчонок тех, что знала,
не всех, а что запомнила она.

Наш первый «б» мне стал ночами сниться,
как будто я живу в чужом краю.
И вот оттуда вглядываюсь в лица —
и никого уже не узнаю.

г. Ярославль

Кристина ДЕНИСЕНКО

ЯБЛОНЬКА

— Ба, скажи, о чём ты грустишь порой
даже летним днём?
Белых облаков табор удалой
нем, как ты. О чём
говорить нет сил и молчишь навзрыд
с яблоней в саду?
Отчего рука тонкая дрожит?
Плачешь почему?

Между вами связь? Яблоня, июль,
солнечная гладь...
Я под старый ствол ей попить налью,
буду потакать,
слушать, как листвой ясный день шуршит
в нежности лучей...
Грустная моя, я её, как ты,
научусь беречь.
Яблоню. Весь сад. Вымерзший орех
во второй листве.
Иву у реки. Сосны вдалеке.
Славного славней
тихое село Родины в красе
буйных красок дня...
— Ба, скажи-ка мне, где соседи все,
правду не тая.
Их крыжовник цел. Я пойду сорву.
И бегом назад...
— Не ходи туда, не топчи траву.
Сколько повторять?

Там снарядов рой затянул пырей
сетью накидной.
Родина в беде... Яблоньку полей,
битую войной.

НЕПРОШЕННЫЙ СНЕГ

Отражение тянется к солнечным бликам,
к запорошенной снегом картине двора.
Даже снег возвратился и заново выпал,
будто я по зиме тосковала вчера.

Будто свечи палила из желтой вошины,
чтобы снег возвратился живым с СВО,
или кот грустных глаз не сводил благочинно
с хлопьев снега, штурмующих наше окно.

Снег вернулся. Ворвался метелями в город,
будто с минных полей отпустили на час,
на рассвет, на апрельское утро, в котором,
словно слёзы на стёклах, снежинки скользят.

Отражение смотрится призраком в душу
и молчит громче взрыва кассетных ракет.
Почему ты, как снег, с СВО не вернулся?
Почему сообщений две вечности нет?

Не сойти бы с ума, не писать бы стихами
про непрошенный снег и незваную боль...
Возвращайся живым. Я тебя умоляю,
будто снегом, тобой любоваться позволь.

г. Юнокоммунаровск, ДНР

Людмила ЗАВЕРНЯЕВА

ПОСЛУШАЙ...

Любите Победу, не дайте сгубить
Всё то, что нельзя ни предать, ни забыть!
Любите, как любят невесту и мать,
Нельзя нашу совесть и правду раздать!

Нельзя нашу честь продавать в суете!
Послушай, склоняясь к могильной плите,
Там память беззвучная наша болит,
Словами живых за себя говорит:
«Любите Победу! Любите страну!
За эту любовь мы погибли в войну!»

* * *

Целует день весенняя заря.
В глазах новорождённого ребёнка
Все тайны звёзд растаявших горят.
В туманы день укутан, как в пелёнки.

Рожденья свет поцеловал цветы
Подснежников на зябких тонких ножках.
С ветрами кудри ив перевиты,
Стволы — в зелёных моховых сапожках.

В парчовом одеянье золотом
Весна на праздник жизни торопилась.
Сплёнутая, с розовым бантом —
Из рая дочка Рая нам на милость.

Затепилась улыбкой неземной
Синь глаз — от неба и от Синей птицы.
Летишь по жизни рядышком со мной,
Порхают удивлённые ресницы.

г. Калининград

РОССИЯ И ЯПОНИЯ

80 лет назад, 2 сентября 1945 г., актом о капитуляции Японии закончилась Вторая мировая война. Последней и решающей её кампанией стала молниеносная Советско-японская война. Были разгромлены войска Японии и её союзников (Манчжоу-Го и Мэнзян) общей численностью 1,3 млн. человек. Потери противника составили 84 тыс. убитыми, 640 тыс. пленными (после капитуляции), наши потери — 12 тыс. убитыми. В результате войны Россия освободила Северо-Восточный Китай (Манчжурию), Северную Корею, вернула себе Южный Сахалин и Курильские острова. Так была завершена очередная глава в истории полуторавекового противостояния двух держав.

О существовании Японии русские узнали в 1701 году. У берегов Камчатки, недавно присоединённой к России Владимиром Атласовым, потерпело крушение японское судно. Один из потерпевших по имени Дэмбай был доставлен в Петербург на аудиенцию к Петру I, и тот в 1707 году приказал открыть школу японского языка, в которой Дэмбая назначил учителем. Как долго просуществовала школа, неизвестно.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Следующая встреча произошла в 1783 году у алеутского острова Амчитка, и тоже в результате кораблекрушения. Собща с потерпевшими японцами местные русские промышленники построили новое судно взамен изношенного своего, добрались до Охотска, но местные русские власти японцев домой непустили, а отправили к Екатерине II. Та, воспользовавшись случаем, в 1792 году вместе с японцами отправила в Японию экспедицию во главе с поручиком А.Э. Лаксманом для установления контактов между двумя странами. Контакт, однако, не получился — Япония была закрыта для иностранцев, и единственно, чего сумел добиться Лаксман, это права русских торговых кораблей посещать порт Нагасаки (такое право имели ещё только голландцы).

В 1804 г. в Нагасаки с дипломатической миссией прибыл Н.П. Резанов (он вместе со своим тестем Г.И. Шелеховым был основателем Русской Америки). Японцы, вручив ему подарки, полгода продержали взаперти, правда, с необыкновенным комфортом, а потом передали ответ императора о том, что посольство он не примет и торговать с Россией не хочет. Резанов был в гневе от такого унижительного приёма, вернул подарки и сгоряча приказал разорить японские фактории на Сахалине и Курилах (эти острова тогда считались ничейными). Так японцы разрушили возможность установления нормальных межгосударственных отношений, а Резанов дело ещё более усугубил.

В 1811 году — новый инцидент. Во время кругосветного плавания на шлюпе «Диана» под командованием В.М. Головнина проводились гидрографические исследования Южно-Курильских островов (их Россия считала своими). Возле острова Итуруп японцы пригласили командира посетить остров Кунашир (который они считали своим), но там с присущим им коварством Головнина и сопровождавших его 2 офицеров и 4 матросов арестовали, отправили на о. Хоккайдо и посадили в тюрьму. Два года В.М. Головнин с товарищами находился в заточении и был освобождён благодаря огромным усилиям его помощника, будущего крупного военного и государственного деятеля П.И. Рикорда.

Лишь в 1855 году адмиралу Е.В. Путятину удалось установить дипломатические отношения на уровне консульств и заключить первый Русско-японский договор, по которому Россия получала право торговать в трёх японских портах. Курильские острова, севернее Итурупа, передавались России, Сахалин оставался «неразделённым», однако «неразделённость» была формальной. Фактически Сахалин интенсивно заселялся русскими, японская же «колонизация» была

«вахтовой» и сводилась только к сезонному рыболовству у южной оконечности острова. В то время японцы не освоили даже остров Хоккайдо.

Причина признания «неразделенности» Сахалина была в том, что шла тяжёлая Крымская война с коалицией европейских держав, которые пытались добраться и до Камчатки (в 1854 г. был разгромлен англо-французский десант в Петропавловске-Камчатском), и Россия была заинтересована в мирных отношениях с восточной соседкой. Японцы, зная о трудном положении России, пытались «продать» вопрос о Сахалине в свою пользу, но твёрдый Путятин устоял.

Встревоженные интенсивной колонизацией Сахалина японцы в 1862 году отправили в Петербург миссию с предложением разделить Сахалин по 50-й параллели. Россия отвергла эти предложения, но, к сожалению, во время переговоров в 1875 году не проявила такой же настойчивости в отношении Курильских островов — по договору «об обмене территориями» острова в обмен на Сахалин были переданы Японии, которая отныне получила возможность запереть русский торговый и рыболовный флот и Охотскую военную флотилию в Охотском море.

Дальновидные государственные деятели сразу увидели негативные последствия договора и расценили его как ущербный для России. Курильские острова мы начали заселять ещё в 1768 году, о чём японцы узнали только 18 лет спустя, когда направили на «неизвестные» земли разведывательную экспедицию. Нельзя исключить, что на результат переговоров 1875 года оказало свое влияние японское лобби в правительственных кругах, — подписан договор был в «Эпоху великих либеральных реформ», характеризующуюся неслыханной коррупцией, в которой были замешаны даже члены Императорского дома (в эту же эпоху была за бесценок продана Аляска).

Тем не менее после 1875 года надолго установились добрососедские русско-японские отношения. В 1891 году в Японии даже побывал с дружеским визитом наследник престола цесаревич Николай Александрович и встретил самый тёплый приём, правда, омрачённый нападением на него вооружённого фанатика-расиста.

Отношения начали осложняться в конце 1890-х годов. Ещё в 1850-е годы Япония стала выходить из самоизоляции, устанавливать отношения с США и европейскими странами, закупать передовую технику и технологии. Набрав промышленную и военно-техническую мощь, она стала строить захватнические планы в отношении близлежащих стран и, в

первую очередь, Китая. Здесь ее интересы столкнулись с интересами России.

Во второй половине XIX века на ослабленный Китай, как стая волков, набросились капиталисты Англии, Франции, Голландии, Германии, США и др. стран, захватывая его экономические ресурсы и безжалостно эксплуатируя население. Отставшие от них капиталисты России решили наверстать упущенное и подчинить своему влиянию менее населённую, но более близкую Манчжурию, а заодно и Корею. Следует подчеркнуть, что это были не русские предприниматели (им хватало дел в самой России), а, прежде всего, финансисты с «транснациональными» интересами. Дорогими подарками и крупными взятками (например, включением в состав правления своих банков и компаний) они купили многих влиятельных чиновников правительства, в том числе и некоторых высокопоставленных военных. «Их человеком» был и глава правительства С. Ю. Витте. (Попутно надо заметить, что в планах стоял никак не захват территории, а экономическая экспансия, вызванная, во-первых, борьбой за рынки, во-вторых, стремлением пресечь проникновение Англии к дальневосточным границам России и, в-третьих, желанием иметь союзника в лице Китая в противостоянии с Японией.)

Ещё в 1896 г. Витте, будучи министром финансов, распорядился создать Русско-Китайский банк. Под давлением тех же финансовых кругов правительством была построена КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) напрямую, через Манчжурию, связавшая Транссибирскую магистраль с Владивостоком, в ущерб экономическому освоению собственных территорий — Забайкалья, Приамурья и Приморья (Манчжурия сулила больше прибылей!). Под их давлением Россия взяла у Китая в аренду Квантунский полуостров с Порт-Артуром, вытеснив оттуда Японию, и провела к нему от Харбина Южно-Манчжурскую железную дорогу (ЮМЖД). Вся эта активность вела к неизбежному столкновению с Японией, что и вызвало войну 1904—1905 годов, начавшуюся с коварного нападения японцев на русскую эскадру, несмотря на продолжавшиеся дипломатические переговоры.

Ни русскому народу, ни Государству Российскому война была не нужна, однако она оказалась очень кстати внутренним и внешним врагам России, давно лелеявшим план свержения монархии. Военные кредиты японцам и, одновременно, огромные деньги «русским» революционерам поступали из одних и тех же международных источников, например, от

Я. Шифа (американский банк «Кун, Леб и Ко», принадлежавший клану Ротшильдов). Не приходится удивляться, что во время войны «русские» либеральные газеты открыто жели поражения Русской Армии (то же повторилось и в наше время, в период боевых действий в Чечне и теперь — на Украине). Не приходится также удивляться, что вслед за началом войны разразилась и Первая «русская» революция.

120 лет назад, 5 сентября 1905 г., в Портсмуте (США) представителями России С.Ю. Витте и Р.Р. Розеном был подписан Мирный договор, который подвёл черту под русско-японской войной. В советской, да и в современной историографии этот договор считается признанием безоговорочного поражения России.

В самом деле, по договору Россия обязалась отдать Японии южную половину Сахалина, уступала ей право на аренду Квантунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним (ныне г. Далянь в КНР), задаром отдавала южную часть ЮМЖД (ту, что находилась на оккупированной японцами территории). Кроме того, Япония обогатилась большими военными трофеями — кораблями, взятыми в плен или затопленными у берегов Чемульпо, Порт-Артура и Сахалина.

Однако на фоне первоначальных требований японцев — отдать весь Сахалин, выплатить контрибуцию в 1,2 млрд. иен, отдать всю ЮМЖД и отдать все корабли, интернированные в третьих странах, — окончательная редакция договора выглядела как большой успех российской делегации. За этот успех Витте был возведён Императором Николаем II в графское достоинство. (Правда, вскоре же злые языки прилепили Сергею Юльевичу кличку «граф полусахалинский».)

И всё-таки, насколько же серьёзное поражение потерпела Россия? Ну да, была Цусимская трагедия, страна потеряла значительную часть своего флота, в том числе почти весь Тихоокеанский. Это все знают ещё со школьной скамьи. А сколько же в общем итоге? В общем итоге Россия потеряла 270 тыс. солдат, из них 50 тыс. убитыми, Япония — 270 тыс. солдат, из них 86 тыс. убитыми. Сопоставление этих цифр никак не убеждает в победе японцев. Да ведь и никакого акта о капитуляции Русской Армии не было.

Может быть, наша армия безостановочно отступала и сдавала одну русскую территорию за другой? Тоже нет. Боевые действия вообще проходили за пределами России, а сухопутные войска действовали с большим успехом. Более того, Русская Армия сохранила высокий боевой дух, несмотря на плохое командование генерала А.Н. Куропаткина, который отдавал приказы о приостановке боевых действий, когда

инициатива была за русскими войсками, или к отступлению, когда исход боя был не ясен. Русская Армия могла и была готова продолжать войну, даже несмотря на открывшееся предложение коменданта Порт-Артура генерала А.М. Стесселя, сдавшего порт Дальний с артиллерией, вооружением и боеприпасами и сдавшего осаждённый Порт-Артур при полной возможности и желании его защитников продолжать оборону.

В японской же армии началась деморализация. Упадок духа не только в войсках, но и в самой Японии отмечали многие иностранные наблюдатели. Он сквозил и в неотправленных письмах с фронта, взятых у пленных и убитых японских солдат. Для продолжения войны у японского государства (несмотря на поддержку крупнейших стран Запада, исключая только Германию) практически не оставалось военных и экономических ресурсов, в то время как «поражение» в войне мало поколебало даже курс русского рубля.

Ещё в июле 1904 г. Япония обратилась к Англии, в январе 1905 г. (после падения Порт-Артура) — к Германии, а в апреле 1905 г. — к Франции с просьбой о посредничестве в мирных переговорах с Россией, но с условием, чтобы инициатором переговоров выступала Россия. Русское правительство, несмотря на внутреннюю смуту, отказалось. Наконец, уже без предварительного условия, японцы обратились к своему покровителю, президенту США Т. Рузвельту, оказывавшему Японии огромную помощь и пообещавшему вместе с Англией поддерживать ее позицию на переговорах. После поражения русского флота в Цусимском проливе (май 1905 г.) Император Николай II предложение Рузвельта принял: «Внутреннее благосостояние важнее победы».

После войны мирные отношения между государствами восстановились. Были заключены конвенции о разделе сфер влияния (России в северной, а Японии в южной Манчжурии), в годы Первой мировой войны отношения стали вообще союзническими — по конвенции 1916 года Япония поставляла оружие и боеприпасы, а японские добровольцы даже воевали в рядах Русской Армии. Конвенции о дружественных отношениях, однако, никак не отражали реального отношения Японии к России.

После Октябрьского переворота японцы четыре с лишним года оккупировали Дальний Восток, хозяйничали в Приамурье, Приморье, на Северном Сахалине и отличились крайней жестокостью в отношении не только красноармейцев и партизан, но и мирного населения. Свои войска они вывели лишь в 1922-м, а с Северного Сахалина — в 1925 году, после

чего установился непродолжительный период взаимовыгодного мирного сосуществования: было заключено 11 концессионных соглашений (рыбных, лесных, угольных и нефтяных) — СССР нуждался в валюте, а Япония — в сырье.

Новый поворот во взаимоотношениях произошёл в 1932 году, когда Япония захватила всю Маньчжурию. Оккупация ставила две цели — захват природных ресурсов Маньчжурии и создание мощного плацдарма для будущей агрессии против СССР. Северная граница Маньчжурии проходила по Амуру, а за ним вплотную — Транссибирская магистраль. Оперативный план №8 дислоцированной в Маньчжурии японской Квантунской армии, разработанный в 1932 г., ставил задачей перехватить Транссиб восточнее Байкала и отрезать Дальний Восток с целью облегчить его последующий захват.

Чтобы придать оккупации пристойный вид, японцы создали из Маньчжурии государство Маньчжоу-го, а себя изображали союзником, но фактически этим квазигосударством управляли сами. Вскоре Япония развернула пропагандистскую кампанию по поводу так называемых спорных территорий (нестареющий японский приём!) по всей советско-маньчжурской границе, а уже с 1934 года — непрекращающиеся военные провокации: вторжения на советскую территорию, обстрелы пограничных постов, потопление речных судов и т.д.

Только за первое полугодие 1935 года произошло 24 случая вторжения японских самолётов в воздушное пространство СССР, 44 случая нарушения речной границы, 33 случая обстрела погранзастав. Это — не считая постоянного рыбного браконьерства под прикрытием военных кораблей в советских территориальных водах. Однажды неводом был даже полностью перекрыт вход в Авачинскую бухту Петропавловска-Камчатского. Претензии японцев были вздорными, поскольку линия границы была чётко определена ещё русско-китайским Ханьчунским протоколом 1886 г. и ни разу не ставилась под сомнение китайской стороной.

В июле 1938 г. провокации вылились в крупномасштабное нападение японцев на советские погранвойска у озера Хасан (крайний юг Приморского края). Боевые действия, в которых участвовало около 20 тыс. японских и около 15 тыс. советских войск, завершились 11 августа изгнанием японцев с занятых территорий и подписанием перемирия.

Это событие являлось, однако, лишь частью плана мировых заговорщиков (условно назовём их англосаксами): поддержать и вскормить потенциальных агрессоров против СССР — Германию на западе, Японию на востоке, т.е. дос-

тичь своих политических, военных и экономических целей чужими руками.

Вот параллельные события того времени. 1938 год — Мюнхенское соглашение, Англия и Франция дали Гитлеру карт-бланш на захват Чехословакии, подталкивая его к агрессии в восточном направлении. 1939 год — 4-месячные бесплодные англо-франко-советские переговоры в Москве о заключении антигитлеровского договора о взаимопомощи, на которых западные «партнёры» имели только одну задачу — тянуть время до желанного нападения Гитлера на СССР. 1939 год — в июле заключено англо-японское соглашение, по которому Великобритания признала японские захваты в Китае, тем самым поддерживая японскую агрессию против Монгольской народной республики (МНР). В июне того же года США продлили торговый договор с Японией, предоставив ей возможность закупить стратегические материалы для военной промышленности и грузовики для Квантунской армии.

В 1938 г. Япония вновь «от имени» Маньчжоу-Го предъявила территориальные претензии — но теперь к Монголии, с которой Советский Союз в 1936 г. предусмотрительно подписал протокол о взаимопомощи и разместил там части 57-го особого стрелкового корпуса. На сей раз, масштаб событий оказался значительно большим, чем на Хасане. Япония от имени Маньчжоу-го потребовала от Монголии признать своей границей реку Халхин-Гол, т.е. передвинуть границу на 25 км на запад от официально признанной. Фактической причиной этого требования стало строительство японцами почти вплотную к монгольской границе железной дороги, направленной на север, с выходом к советской границе.

Переговоры правительств МНР и Маньчжоу-го по демаркации границы зашли в тупик, и уже в январе 1939 года, японцы устроили первую провокацию: обстреляли наряд монгольских пограничников, а в феврале и марте почти 30 раз напали на погранзаставы.

11 мая отдельные провокации превратились в боевые действия: 300 японских кавалеристов вторглись вглубь Монголии, но с подходом монгольских подкреплений были оттеснены на исходные позиции. Наконец, 14 мая большой конный отряд при поддержке 5-ти бомбардировщиков атаковал монгольскую погранзаставу, захватил высоту Дунгур-Обо, а на следующий день отряд был подкреплён двумя ротами пехоты и танком. Это уже была война. 17 мая в неё вступил советский корпус.

Упорные бои продолжались всё лето, закончились 31 августа окружением и полным разгромом противника, хотя

отдельные разрозненные сражения продолжались ещё в сентябре, и подписанием перемирия 11 сентября. Япономаньчжурские войска имели превосходство в живой силе (75 тыс. против 57 тыс. чел), самолётах (700 против 515), но уступали в танках (182 против 498). В артиллерии силы были примерно равны. Наши потери составили около 18 тыс. чел., потери противника — более 61 тыс. чел., из них всего лишь 227 пленных. Японская боевая техника была практически полностью уничтожена либо захвачена как трофеи. Эти бои — образец того, когда побеждают не числом, а умением (наступающая сторона обычно несёт куда большие потери, чем обороняющаяся). Не зря многие зарубежные военные историки назвали советскую операцию на Халхин-Голе «первым блицкригом». В боях на Халхин-Голе проявились выдающиеся военные способности командующего корпусом Г.К. Жукова, выдвинувшие его в первый ряд советских полководцев (за эту победу он получил звание генерала армии и первую Золотую звезду Героя Советского Союза).

Победа имела тем большую цену, что японцы — сильные воины, и дрались они до последнего. Этим и объясняется небольшое число сдавшихся в плен. Как докладывал Жуков И.В. Сталину, *«Японский солдат хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерётся с фанатичным упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед «харакири».*

Достигнутое перемирие, однако, иллюзий у советского руководства не вызывало. Ещё в 1936 г. Япония подписала с гитлеровской Германией «Антикоминтерновский пакт», формально направленный против подрывной деятельности Коммунистического интернационала, а фактически — против Советского Союза, и Кремль всегда держал в памяти агрессивную сущность политики Японии (которой та отличалась еще с древних времён).

В 1941 г., незадолго до начала Великой Отечественной войны, японцы разработали оперативный план «Кантокуэн», по которому до зимы планировали захватить Приморье, Хабаровск, Северный Сахалин и Камчатку, а весной 1942 г. ударом с юга выйти к Байкалу и взять в кольцо советские войска в Забайкалье и Приамурье. После начала советского контрнаступления под Москвой выполнение плана притормозили, но мощь Квантунской армии продолжали наращивать — в 1942 г. её численность довели до 700 тыс. чел.,

намного больше численности советских войск на Дальнем Востоке. В 1943 году, после Сталинграда, надеяться уже было не на что.

Выполнению этого агрессивного плана помешали и внутренние разногласия в японском военном руководстве, которое разделилось на две «партии» — «морскую» и «сухопутную». Первая стояла за захват независимых стран Юго-Восточной Азии (что задевало интересы США и, особенно больно, Англии), вторая — за нападение на Советский Союз по плану «Кантокуэн». Победила первая партия, и 7 декабря 1941 г. японская авиация и подводный флот внезапно совершили сокрушительную атаку на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайских островах, втянув, тем самым, США во Вторую мировую войну. Эйфория от успеха была не столь долгой, уже с 1943 года на Тихом океане Япония начала терпеть серьёзные поражения.

В годы Великой Отечественной войны отношения двух наших стран оставались напряжёнными. Обе они принадлежали к враждебным военным блокам, однако обе не хотели войны ещё на одном фронте: Советский Союз — на Восточном, а Японии (с 1942 года) — на Северном. При всём при том Япония в 1941—1945 годах 779 раз нарушила речную и 400 раз воздушную советскую границу, в Тихом океане задержала 178 советских судов и 18 потопила, т.е. поводов к войне давала предостаточно.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Сталин дал обещание поддержать союзников — США и Англию — и вступить в войну с Японией в течение 2—3 месяцев после капитуляции Германии. Главнокомандующий американскими вооружёнными силами в бассейне Тихого океана генерал Макартур считал, что *«победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы»*. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: *«Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 г. или позже, а разгром её может стоить Америке миллиона солдат»*.

Обещание было выполнено. 5 апреля был денонсирован Советско-японский пакт о нейтралитете, в июне началась скрытная переброска войск с запада на восток — 400 тыс. чел. личного состава с оружием, артиллерией, танками и авиацией. Японцы догадывались о передислокации советских войск, но то, как быстро она была проведена, стало для них полной неожиданностью.

8 августа нарком иностранных дел В.М. Молотов принял японского посла и заявил о том, что с 9 августа СССР будет считать себя в состоянии войны с Японией. Поводом к объявлению войны послужил отказ Японии от капитуляции в ответ на требование Потсдамской декларации США и Англии от 26 июля 1945 г. (целью декларации было не столько скорейшее завершение войны, сколько стремление устранить СССР от решения территориальных вопросов, связанных с Японией).

В советском Заявлении было, в частности, сказано: «...Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему установлению всеобщего мира. Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к Заявлению союзных держав от 26 июля сего года. Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира...»

9 августа на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной японский премьер-министр Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

7 августа Ставкой Верховного Главнокомандования была подписана Директива Главнокомандующему войсками на Дальнем Востоке, одному из самых выдающихся полководцев XX века Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому начать 9 августа боевые действия. Тремя подчинёнными ему фронтами командовали опытнейшие полководцы Великой Отечественной войны: Забайкальским, наступавшим с территории Монголии, — Маршал Р.Я. Малиновский (имевший опыт боёв в горных Карпатах), 1-м Дальневосточным, наступавшим из Приморья, — Маршал К.А. Мерецков (имевший опыт боёв в лесисто-озёрной Карелии), 2-м Дальневосточным, наступавшим из Приамурья, — генерал армии М.А. Пуркаев (хорошо знавший дальневосточный театр). В оперативном подчинении Василевского находился также Тихоокеанский флот (адмирал И.С. Юмашев). Координировал действия флота и сухопутных сил нарком ВМФ Адмирал флота Н.Г. Кузнецов, действия авиации и сухопутных сил — главком ВВС Главный маршал авиации А.А. Новиков

На высоте оказалась советская разведка, японская же сумела лишь установить факт передвижения наших войск на

восток, но ни их численность, ни районы сосредоточения ударных группировок, ни сроков начала боевых действий она не знала.

Боевые действия в Манчжурии и Северной Корее длились всего 12 дней и закончились 20 августа разгромом войск Японии и Манчжоу-Го, на Южном Сахалине — 15 дней (с 11 по 25 августа), десантная операция на Курилах — 14 дней (с 18 августа по 1 сентября). Планировалась также высадка на о. Хоккайдо, но из политических соображений она была отменена И.В. Сталиным.

Несмотря на сбрасывание атомных бомб на Хиросиму (6 августа) и Нагасаки (9 августа), союзники никак не ожидали столь быстрой капитуляции противника. Впрочем, **атомная бомбардировка была направлена не столько против Японии, сколько против Советского Союза** — как акт устрашения своего союзника. Именно президентом США Г. Трумэном было положено начало холодной войне с нашей страной, а речь бывшего британского премьера У. Черчилля в 1946 г. в Фултоне была лишь ее «теоретическим» обоснованием.

3 сентября 1945 г., на следующий день после капитуляции, было опубликовано Обращение Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина к советскому народу (датированное 2 сентября). В нём, в частности, было сказано:

«... Япония воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь её Дальний Восток. <...> ...Поражение русских войск в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания. Оно легло на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побеждённой и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 сентября было объявлено Днём Победы над Японией. В 1945-м и 1946-м

он был выходным, а потом вновь рабочим — в условиях холодной войны наша страна была вынуждена вновь переходить на суровый режим жизни. Потом этот национальный праздник отодвинули в сторону, а после крушения СССР вообще «забыли» — шли активные политические заигрывания с Японией. Вспомнили лишь в 2020 г., но своеобразно — депутаты Госдумы отнесли его к Дням воинской славы и назвали «Днём окончания Второй мировой войны», оставив большое поле для толкований (чьей воинской славы — русской, английской, американской или китайской?). Только в 2023 году, когда Япония стала вести себя уж слишком враждебно, о ней «вспомнили», назвав 3 сентября «Днём Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны» (без реверанса перед Западом и здесь не обошлись).

В 1951 году в Сан-Франциско был заключён Мирный договор, подписанный Японией и частью стран антигитлеровской коалиции. В нём, в частности, было сказано, что Япония отказывается от Курильских островов и Южной Сахалина, но не сказано о юридической их принадлежности Советскому Союзу. Советский представитель настаивал внести поправку о признании суверенитета СССР над этими землями, но ее не приняли и потому договор он не подписал. Текст договора готовился американцами в разгар холодной войны и был направлен на максимальное ущемление интересов нашей страны, хотя еще на Ялтинской конференции между союзниками была достигнута зафиксированная в документах договоренность о возвращении после войны этих территорий, включая *все* Курильские острова, Советскому Союзу.

Этот договор, как и планировали его создатели, заложил мину под будущие отношения Японии и СССР. Японцы стали считать основой договор 1855 года, согласно которому за Японией были закреплены самые южные острова — Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Такую позицию они заняли после 1956 года. Наша страна считала эти острова своими на более веском основании. Во-первых, все они впервые были обследованы и картографированы в 1738—1739 гг. экспедицией капитана Шпанберга. Во-вторых, еще в 1786 г. Екатерина II издала опубликованный на иностранных языках указ о защите прав на «земли, российскими мореплавателями открытые», включая и все Курилы. На островах были установлены государственные знаки и на них медные доски со словами «Земля российского владения». Указ этот ни одна страна не пыталась оспорить. В-третьих, на Ялтинской конференции союзных держав вопрос был решён однозначно. В-четвёртых, в упомянутой выше Потсдамской декларации

США и Англии сказано, что за Японией останутся только ее главные острова Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и более мелкие острова, на которые укажут союзники и среди которых Курилы указаны не были ни тогда, ни потом. Наконец, и это главное, СССР — страна победитель, и она, а не побеждённый, решает спорные территориальные вопросы. Поэтому всякие попытки обсуждения принадлежности Курил должны пресекаться на корню.

Так оно и было до 1956 года, у японцев даже в мыслях не было поднимать этот вопрос, пока Н.С. Хрущёвым не овладела маниакальная идея «мирного сосуществования стран с разными политическими системами». Ради этой идеи он отказался от 50-летней аренды военно-морской базы Порккала-Удд в Финляндии и бесплатно передал той всё имущество базы. Ради этой идеи он резко сократил армию с уничтожением новейших кораблей, танков, самолётов и выбрасыванием за борт десятков тысяч кадровых офицеров. «Вождь» стремился создать себе международную славу миротворца, по словам Г.М. Маленкова — «Ради похвалы от Запада». (На такую же лесть, увы, были падки М.С. Горбачёв, Б.Н. Ельцин и некоторые другие наши деятели.)

В этом же «миротворческом» русле — и Советско-японская декларация, подписанная в октябре 1956 года, о прекращении состояния войны между двумя странами, об установлении дипломатических и торговых отношений, о конвенции о рыболовстве, об освобождении японских военнопленных и т.д. Вишенкой на торте было предложение СССР передать Японии самые южные Курильские острова — Шикотан и Хабомай после заключения Мирного договора. Член делегации Японии на переговорах М. Соньити, услышав о советском предложении, признал впоследствии: «Я не поверил своим ушам!» Хрущёв наивно надеялся, что этим широким благотворительным жестом он подвигнет Японию стать нейтральным государством, наподобие Швейцарии.

Нейтральной Япония не стала. Она стала сателлитом США, т.е. враждебной нам. В 1960 г. между Японией и США был заключен Договор о взаимодействии и безопасности. Осмелев, она стала требовать и ещё два острова — Итуруп и Кунашир. В ответ советское правительство заявило, что не получит ничего. Но джинн был выпущен из бутылки.

С тех пор началась и фактически не прекращалась возня вокруг Южных Курил. После снятия Хрущёва советское правительство твёрдо стояло на позиции: «Острова наши, и Япония надеяться не на что», однако японские лидеры уже закусили удила и считали дурным тоном не требовать острова себе.

Мирный договор заключён так и не был, однако это никак не мешало оживлённым взаимовыгодным экономическим и даже культурным связям. В 1970-е — начале 1980-х прояпонские «соловьи» — тележурналист Цветов (Цейтлин) и журналист «Правды» Овчинников заливались трелями о том, какая Япония хорошая, какая она передовая и какие замечательные люди японцы. Тёмные стороны характера японцев и русско-японских отношений были преданы забвению.

Новые надежды у японцев появились с приходом к власти Горбачёва. Тот перед визитом в Японию в 1991 г. пообещал, что кроме переговоров о разоружении выдвинет дополнительные предложения о «Северных территориях» (так японцы называют Южно-Курильские острова). Предложений президент СССР выдвинуть не успел — в декабре того же года его отстранили от власти. Пришедший на смену Ельцин спустил вопрос на тормозах, пообещав заняться им в туманном будущем — даже в ходе его визита в Японию в 1993 г. дело не сдвинулось ни на шаг.

С уходом Ельцина политика России в отношении Японии вновь начала давать «задний ход», вновь была поставлена «долгоиграющая пластинка» об островах. После переговоров в Японии в феврале 2002 г. министр иностранных дел РФ Иванов заявил, что решено продолжить «всеобъемлющие переговоры о заключении Мирного договора» и провести консультации о «территориальном размежевании». На вопрос журналистов, будет ли обсуждаться передача Южно-Курильских островов, министр ответил, что это «домыслы и слухи». Однако японская коллега Иванова г-жа Кавагути спустя три дня заявила, что тот «не точно изложил достигнутое соглашение» и заверила журналистов, что г-н Иванов согласился передать Японии острова не по очереди, и не два, а все четыре сразу.

В ходе визита японского премьера в Москву в январе 2003 г. был подписан документ о том, что «стороны обязуются активизировать переговоры по территориальным вопросам в интересах своих стран и народов» (любопытно, конечно, было бы знать, в чём состоял бы интерес нашего народа при отдаче островов). В ноябре 2004 г. новый министр иностранных дел Лавров заявил, что Россия готова рассмотреть вопрос о передаче Японии двух островов при условии подписания Мирного договора.

Все эти визиты и переговоры — а они с завидной частотой продолжались много лет — вызвали обоснованную тревогу и протестные настроения у русской общественности (уже имелся прецедент — в 2004 г. Китаю были отданы полтора страте-

гически важных острова на Амуре вблизи Хабаровска). Возможно, зондаж общественного мнения остановил Москву от желания уступить Японии острова. А с 2022 года, когда Япония заняла вызывающе враждебную позицию, примкнув к экономической блокаде России, вопрос об островах сам собой заглох.

Самое же интересное состоит в том, что **России мирный договор не нужен**. Ни на дипломатические, ни на торговые отношения он не влияет, а о прекращении состояния войны было сказано еще в Декларации 1956 года. *«Мирный договор никому не нужен: ни японцам, ни нам тем более. Это лукавое средство Токио добиться вписания в этот договор отказа России от законно принадлежащих нашему народу Курильских островов»* (выделено мной. — В.Г.), — таково мнение профессора Восточного университета, доктора исторических наук, эксперта Центра стратегических разработок, члена исполнительного совета Ассоциации историков Второй мировой войны Анатолия Аркадьевича Кошкина, крупнейшего современного специалиста по истории российско-японских отношений.

Сегодня острова принадлежат России. Хочется надеяться, что навсегда, ибо хочется надеяться, что власти, наконец-то, усвоили прописную истину: добровольные территориальные уступки ради сиюминутной выгоды никогда не оправдываются, они равноценны поражению, за которым следуют новые поражения.

В феврале 2023 г. представитель МИД Захарова заявила, что «тема мирного договора с Японией для России в настоящий момент закрыта» и переговоры на эту тему она «не намерена продолжать, т.к. Токио занимает недружественную позицию по отношению к РФ и стремится нанести ей ущерб». А если займёт дружественную позицию? Наверное, не зря в июне 2025 года в Москву прибыла вдова японского премьера Абэ, предварительно встретившись с президентом США. По сему поводу журналисты и политологи с восторгом стали говорить о возрождении российско-японских отношений.

Это-то и настораживает!

РУССКИЙ ВОПРОС — ГЛАВНЫЙ

За последние сто с лишним лет русский народ был в значительной степени подвергнут процессу денационализации.

С революционного 1917 года насильственно реализовывался утопический 74-летний проект «советский народ», а с предательского 1991-го по сей день — мифический проект «российская нация». Эти безнациональные проекты — братья-близнецы, так как они, по сути, отрицают само существование Русской нации как государствообразующей в России и в бывшем СССР. Набившее оскомину с ельцинских времён название «россияне» крепко прилипло именно к русским людям. Нерусское население страны (20%) верно своим исконным самоназваниям. Однако в реальной жизни русских людей искусственное название не укоренилось. В этом очерке я хочу затронуть, в том числе, великорусскую сторону русского вопроса и роль великороссов в строительстве Государства Российского.

Большинство современных русских людей не знает о существовании триединой Русской нации, упразднённой в 1917 году большевиками. Тем не менее в Российской Империи под историческим самоназванием «русские,

РУССКИЙ МИР

русские люди, русский народ» — разумелась совокупность трёх народностей или субэтносов единой Русской нации — великороссов, малороссов (с карпатскими русинами) и белорусов. Именно это субэтническое многообразие и, вместе с тем, поразительное национальное единство представлял собою великий Русский народ от Карпат до Камчатки к моменту антирусской революции 1917 года, несмотря на отрезанность Карпатской Руси от общерусского массива государственной границей между Россией и Австро-Венгрией.

Советская власть позволила остаться русскими только великороссам. Малороссов переименовали в «українців» и лишь у белорусов не отняли народного самоназвания. Провозглашение новой властью трёх отдельных восточнославянских народов — русских, «українців» и белорусов вместо единой и неделимой Русской нации было несомненным преступлением против Исторической России, яростно ненавидимой русофобским ленинско-троцкистским интернационалом. Ослабление Русской нации за счёт её внутреннего разделения было одним из его постулатов, ибо в единстве была сила ненавистной им России.

Многие современные русские люди, особенно молодые, и не подозревают о том, что они ещё и великороссы. В СССР самоназвание «великоросс», равно как и «малоросс, русин» были под негласным запретом. В советское время только в лингвистике сохранялось название «великорусский» по отношению к народным говорам, как, например: северновеликорусские, западновеликорусские, южновеликорусские говоры. Но в 90-е годы из этих прилагательных потихоньку стала исчезать субэтническая составляющая «велико». Сейчас уже почти всегда пишут «севернорусские, западнорусские, южнорусские говоры». В СССР сохранялось хотя бы территориальное единство восточнославянских (читай: русских) земель, относящихся к РСФСР, УССР, БССР и к северным областям КазССР. Сохранение дореволюционных названий великорусских говоров было обусловлено с научной точки зрения, хотя малорусские говоры заменили на «українські» (впрочем, иногда писали «малорусские» в скобках).

Происхождение названий «великороссы, малороссы, белорусы» обычно связывают с возвышением Великого Княжества Московского и началом его собирания русских земель. Собственно, те же цели преследовало и Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское (ВКЛ). Как известно, белорусы и малороссы составляли этническое большинство в Литовско-Русском Государстве в отличие от Ве-

ликого Княжества Московского, где в XV—XVI веках они населяли только постоянно переходящие от ВКЛ и обратно земли Смоленскую, Новгород-Северскую и Черниговскую. Тем не менее, в титулах Великого Князя Московского Ивана III уже значилось «Государь всея Великия, Малыя и Белья Руси».

Русские землепроходцы в течение XVI—XVII веков освоили огромные просторы Сибири и Дальнего Востока, а в начале XVIII столетия обосновались на Северо-Западе Америки — Аляске и Алеутских островах. Затем, дойдя до Северной Калифорнии, основали там самую восточную русскую колонию с крепостью Форт-Росс. Российско-Американская Компания, основанная в 1799 году, несколько лет имела в своём владении ряд Сандвичевых (Гавайских) островов: Оаху, Ланаи, Мауи, Молокаи и прочие, а также несколько гавайских селений и ряд территорий.

Здесь уместным будет отметить, что малороссы и белорусы не принимали участия в русской колонизации вышеуказанных земель, так как до первого раздела Речи Посполитой (1772) они находились в основном в составе этого польско-литовского государства. Присоединённая же к Русскому Государству в результате Переяславской Рады (1654) часть Малороссии в то время была занята разрешением внутренних противоречий: гетманским самоуправством, предательской готовностью казацкой верхушки в любой подходящий момент перевернуться на сторону лютых врагов России (шведов, поляков, крымских татар, турок), вопросами малороссийского самоуправления.

Говоря о русском продвижении на Восток, нельзя забывать об особенностях колонизационной политики России, которая коренным образом отличалась от других держав. Англичане и североамериканцы, испанцы и португальцы беспощадно уничтожали коренное население или вытесняли его в наиболее неблагоприятные для жизни местности, тем самым обрекая на вымирание. Примеров тому, особенно в самой «демократической» стране мира — США — масса. Например, в 1938 году (отнюдь не во времена покорения Дикого Запада!) таким образом было уничтожено подавляющее большинство коренного североамериканского народа сиу.

Русские были землепроходцами, а не колонизаторами в европейском понимании этого слова. Россией не был уничтожен ни один коренной народ на огромной территории от Финляндии до Северо-Западной Америки. Напротив, многие народности охотно смешивались с русскими, тем самым «обновляя кровь», как, например, в Русской Америке. Сам

губернатор А.А. Баранов и многие его подчинённые из числа администрации Российско-Американской Компании и зверопромышленников были женаты на коренных американцах. Даже после унизительной и невыгодной продажи Северо-Американским Соединённым Штатам наших владений в Северо-Западной Америке (1867) многие русские со своими американскими жёнами остались на Аляске и Алеутах. До сих пор коренные жители добрым словом поминают свою бытность под патронажем России. В этом крае сохранилось Православие, а кое-где и русские имена у коренных американцев.

Народы же, которые были крайне враждебно настроены к России, были вынуждены переселяться в другие страны. Например, в 1864 году, по окончании Большой Кавказской войны в ауле Кбааде (нынешней Красной Поляне Адлерского района г. Сочи) русская администрация предложила черкесским (адыгским) старейшинам принять следующее решение: те племена, которые ни при каких условиях не хотят признавать власть России, добровольно переселяются в единовременную Турцию; те же, кто лоялен Империи, переселяется на равнинные, незаселённые земли Кубани. Непримиимые черкесы (адыги) ушли в Турцию, остальные — главным образом на Кубань (нынешняя Адыгея). Некоторая часть осталась в России в основном на Северном Кавказе (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария).

В «обмен» Россия приняла на освободившиеся земли Западно-Кавказского региона гонимых христиан из Турции — православных греков и армян-григориан. Вполне толерантное решение сложнейшего вопроса! В 1896 году на новых территориях была образована Черноморская губерния с центром в Новороссийске.

Отвоёванные у турок в конце XVIII века земли Причерноморья (от Бессарабии до Кавказского Причерноморья) осваивались в основном великороссами, а также выходцами из Сербии и Черногории. Первоначально даже были созданы две автономные единицы: Новая Сербия (ныне Кировоградская область бывшей УССР) и Славяносербия (ныне Луганская Народная Республика). Затем они вошли в состав обширной Новороссийской губернии, а затем Бессарабско-Новороссийского генерал-губернаторства с главным городом Одессой. Малороссы стали переселяться на эти степные земли, когда они уже были в основном распаханы и освоены великороссами и южными славянами.

Преимущественно русскими была выиграна Великая Отечественная война ценою величайших потерь. Великороссы,

белорусы, «українці», а также забытые ныне подкарпатские русины из Чехословацкого корпуса (а он состоял из них на 95%) генерала Людвига Свободы храбро сражались за освобождение России от немецких захватчиков!

Современное состояние Русского вопроса весьма тревожно. Навязываемое «россиянство», базирующееся на предполагаемом национальном самоотречении русских людей от своего имени, истории и культуры уже захватило определённую часть Русской нации. Здесь представлены в основном диаметрально противоположные группы — представители окол властных и бизнес-кругов с примкнувшими к ним творческими и научными деятелями либеральных безнациональных взглядов и малообразованная, зачастую маргинальная часть населения.

Мы — русские патриоты верим в возрождение Единой России. Решение Русского вопроса связано, прежде всего, с собиранием земель Исторической России, начавшимся в 2014 году и успешно продолжающимся сейчас в ходе Специальной военной операции.

Будущее за **единой и неделимой** Россией!

ВРЕМЯ ВЗЛЕТЕТЬ РУССКОМУ СОКОЛУ

Одной из особенностей современного этапа развития нашего государства является то, что страна сейчас воюет за Русский мир, защищая его представителей и носителей русской культуры на юго-востоке Украины. Но в то же время внутри самой России большинство русских общественных объединений и организаций находятся в подавленном, ослабленном, разрозненном состоянии. Они отсечены от всякого финансирования, не допускаются на центральные телеканалы, почти не имеют своих статусных представителей во власти, не стесняющихся открыто позиционировать свою приверженность Русской идее.

Одно время по телеканалу ТВЦ поздно ночью (когда большинство населения уже спит) недолго выходила передача «Русский взгляд». Но она давно прекратила свое существование. Попытки развить различные русские журналы также закончились безрезультатно из-за хронического недостатка у них финансовых средств. По той же причине недавно тихо почил в бозе выходявший несколько десятилетий популярный журнал «Русский дом», а одноимённая популярная передача

РУССКИЙ МИР

снята с телеэфира ещё более 20 лет назад. Авторитетнейшая газета «Русский Вестник», выходявшая ранее еженедельно и большим тиражом, сейчас по материальным причинам также едва влечит свое существование, её подписка постоянно негласно блокируется чиновниками на местах.

Отдельные эпизодические прорывы представителей русского патриотического движения на центральные телеканалы из-за их несистемности, как говорится, «не делают погоды». Буксуют даже запущенные «сверху» единичные «русские проекты» тоже из-за нехватки денег.

Многие яркие представители русского патриотического движения много лет стоят в запасе первыми номерами в первой «политической лиге», до сих пор не допускаемые российскими чиновниками в «высшую лигу».

Последний раз большая группа ярких патриотов, позиционирующих себя приверженцами Русской идеи и Русского Мира, была пропущена в Госдуму более 20 лет назад в рамках партии «Родина». После этого её русский электорат стали распылять и растаскивать по разным политическим партиям. При этом огромное количество избирателей всё равно «не встраивается» в такие схемы, поскольку не воспринимает большинство существующих партий выразителями своих интересов.

Аналогичная картина и в сфере культуры. Сейчас на центральном телевидении очень мало концертов ярких представителей русской патриотической линии, таких, как, например, Вика Цыганова.

Ну а эпатажный певец Шаман, отношение к которому со стороны многих русских патриотов довольно неоднозначное, вообще сразу после исполнения своей песни «Я русский» столкнулся с попыткой возбуждения в отношении него уголовного дела. Кстати, так же, как и только появившаяся тогда общественная организация «Русская община», помогавшая правоохранительным органам бороться с нелегальной миграцией.

В России сейчас практически нет русских культурных центров и русских клубов. А те из них, кто с помпой был открыт когда-то, сейчас по-тихому по разным причинам исчезли или об их деятельности практически ничего не слышно в публичном пространстве.

Зато в каждом российском регионе активно действуют и постоянно множатся различные этнических объединения и диаспоры народов, имеющих свои государственные образования за пределами России. Криминальная деятельность многих их представителей стала уже давно притчей во языцах.

Многие русские общественные организации неоднократно сталкивались с таким явлением: как только они начинали проявлять значительную активность, так тут же попадали под пристальное внимание чиновников и силовиков разного уровня. Вот бы такой тотальный контроль был за изрядно криминализованными диаспорами!

Один мой знакомый представитель ветеранского сообщества однажды рассказал мне, с какими трудностями он встретился, когда в названии своей организации решил использовать слово «русская», и как пугливые чиновники всячески отговаривали его от использования этого «опасного» слова.

Конечно, сейчас есть Всемирный русский народный собор, возглавляемый Патриархом, но по своей форме — это ежегодный форум. К тому же, далеко не всё русское патриотическое движение сводится к религиозному формату, многие представляющие его организации являются структурами сугубо светскими.

Сегодня русских в России более 80%. Но лишь только недавно после внесённых поправок упоминание о языке государствообразующего народа (без упоминания какого) попало в Конституцию РФ. А в современных российских паспортах графа «национальность» вообще отсутствует, хотя согласно статье 26 Конституции РФ, каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность.

Среди патриотов сейчас даже ходит такая грустная шутка: мол, сказочный персонаж Кощей Бессмертный — это в реальности и есть нынешнее русское патриотическое движение, которое чиновники-либералы до сих пор держат «в цепях» (не пускают в СМИ и во власть) и не дают ему пить воды (всячески отсекают от СМИ, финансов и других ресурсов) для того, чтобы оно не набрало сил и не разорвало все оковы, выйдя на свободу. Как говорится, и уничтожить не могут (даже странный термин «глубинный народ» придумали), и ослабить «железные оковы» боятся.

Как-то раз мои знакомые взяли в аренду небольшой пруд для разведения рыбы. Оказывается, дело это довольно прибыльное. Так, если в пруд весной выпустить маленьких карпиков и затем хорошо кормить их специальным кормом, то к осени они вырастают до 500—600 граммов. Но если их вообще не кормить, то они всё равно не погибнут, прокормившись как-то сами на естественном корме (водоросли, планктон и др.). Но весить будут лишь 300 граммов. Я тогда в разговоре с этими знакомыми грустно пошутил: «Вот так и мы, русские патриоты, сейчас живём, как эти 300-граммо-

вые карпы. Без всякой помощи и поддержки со стороны нашего государства и бизнеса».

На протяжении трёх десятилетий, и особенно после расстрела Верховного Совета России в 1993 году, русское патриотическое движение находится в подавленном, угнетённом состоянии. В своё время оно являлось ядром и объединяющим началом общего национально-патриотического движения, активно противодействовавшего разрушительным ультра-либеральным «реформам», в результате которых страна была разграблена и обескровлена, а русский народ превратился в наиболее вымирающий из всех народов России.

Именно в 90-е годы прошлого века русофобия в России была возведена в ранг государственной политики. В этот период разрушения и ограбления нашего Отечества все мешавшие этому патриотические элементы (в первую очередь русские) активно и системно подавлялись на государственном уровне, всё русское патриотическое осмеивалось и охаивалось. Из большинства властных структур были выдвигались многие государственники, а остальные чиновники-патриоты вынуждены были скрывать свои взгляды. Ведь по воспоминаниям одного известного сейчас депутата, работавшего тогда в госструктурах, в этот период за слова «русское», «русскость», «национальные интересы» и подобные другие из госструктур под разными предлогами просто сразу увольняли.

Одновременно шло тотальное разрушение традиции, культуры, наших духовно-нравственных ценностей. А на их носителей находившиеся у власти либералы всех мастей навешивали ярлыки «фашистов, красно-коричневых, радикалов и экстремистов», активно муссируя эти термины через большинство подконтрольных им СМИ. Одна известная тогда ультра-либералка как-то публично даже заявила, что поскольку в нашем народе сильно отторжение фашизма, то всех своих политических противников (не либералов) надо называть фашистами. А ведь в русском патриотическом движении идеи фашизма, нацизма и шовинизма никогда не приветствовались.

Наиболее статусных людей, имевших патриотические взгляды, в тот разрушительный период просто удаляли из информационного пространства, как это было, например, со знаменитым композитором Георгием Свиридовым, о котором либеральные чиновники говорили, что он «слишком уж русский».

Взамен нашему народу и в первую очередь русскому населению, имевшему после войны надёжную прививку от фашизма и нацизма, усиленно стали прививать некую запад-

ную толерантность (медицинский термин, означающий отсутствие у организма реакции на внешнюю инфекцию, то есть отключение иммунной системы). Одновременно с этим в Россию стала экспортироваться всевозможная духовная зараза. Началось активное насаждение различных «передовых западных ценностей» — сатанизма и оккультизма, «ювенальной юстиции» с её доносами детей на своих родителей, половых извращений, детского «секспросвета» (фактического растления малолетних) и других вредоносных новшеств. А всех их противников либералы позиционировали как радикалов и экстремистов, продолжая политически подавлять.

Естественно, что подобные действия вызывали и вызывают глубокое недовольство и раздражение со стороны многих слоёв русской, российской общественности. Этим не раз пытались воспользоваться либералы во власти. Так, на протяжении многих лет они оказывают колоссальное давление на большинство русских общественных объединений с целью вызвать среди их участников максимально бурное возмущение, а затем представить их «наверху» как «взрывоопасный элемент», подлежащий нейтрализации. И в итоге — вытолкнуть русское патриотическое движение и его сторонников за пределы политического спектра. Ну а затем загнать их в лагерь либералов в качестве «пушечного мяса» для раскачивания в России дестабилизации государства. И лишь благодаря высокой ответственности и сознательности большинства руководителей русских патриотических организаций этого до сих пор не произошло.

Такая подрывная работа «пятой колонны» во власти, давно требующая адекватной реакции со стороны правоохранителей, отсутствие системной конструктивной работы со значительной частью русского патриотического движения на государственном уровне не добавляют стабильности в России, особенно на фоне серьёзного обострения сейчас в стране проблемы нелегальной миграции.

Стоит ли удивляться тому, что демографы на протяжении многих лет бьют тревогу из-за постоянного снижения численности населения страны, и в первую очередь — за счёт вымирания русских. Ведь одной из главных причин этого, согласно исследованиям, является даже не экономическая, что тоже сверхважно, а утрата русскими жизненных смыслов. То есть прежних идеалов, ценностей, уверенности в своём будущем.

А ведь именно вокруг государствообразующего русского ядра исторически складывалось и формировалось наше государство. Именно ценности русского народа, его язык и

культура стали теми ключевыми факторами и скрепам, которые легли в основу объединения вокруг русских всех народов нашей страны. И неспроста враги России давно и системно наносят свои главные удары именно по этим началам.

К чему может привести подобное обрушение русского государствообразующего стержня? Объясню это на следующем простом примере. В промышленности для решения некоторых хозяйственных задач используется специальное техническое устройство — электромагнит. После подачи в него тока он притягивает к себе множество различных крупных и мелких металлических деталей и может удерживать их возле себя до тех пор, пока этот ток не отключить. Как только подача электроэнергии прекращается, сила этого магнита исчезает, и он перестаёт действовать. Всё, что было собрано вокруг него и прочно удерживалось необходимое время, — тут же мгновенно рассыпается на отдельные элементы.

Подобно этому электромагниту, русский народ на протяжении многих столетий собирал и объединял вокруг себя множество других народов, больших и малых, вовлекая их в свою орбиту. И при этом защищал и сохранял национальные традиции собираемых в единое государство разных этносов и племён, прекращал между ними конфликты, интегрировал их через русскую культуру и общие экономические связи, не растворяя и не ущемляя национального и религиозного достоинства. А также организовывал на трудовые и военные подвиги.

В результате такой деятельности на колоссальном пространстве Евразии было собрано воедино и включено в орбиту Русского мира более 190 разных народов, имеющих с русскими общую историю, традиции, язык и другие элементы культуры, общую судьбу. Созданная таким образом уникальная Русская (русско-советская) цивилизация, многие механизмы которой продолжают функционировать ещё и поныне в рамках того же Союзного государства, и сейчас, несмотря на все политические переломы, потенциально остаётся колоссальной силой, вызывающей страх у её геополитических противников.

Но если русский народ вдруг значительно ослабнет (а именно этот процесс наблюдается в последние несколько десятилетий), то его притягивающая, объединяющая и удерживающая многочисленные народы сила тут же исчезнет. Начнутся процессы распада, подобные тому, что происходили после развала СССР. Всё, что было собрано вокруг русского ядра за многие столетия, начнет рассыпаться и растекаться по новым геополитическим образованиям, вызывая хаос, раз-

рушения и потоки крови, что мы уже наблюдали в начале 90-х прошлого века. Ни один народ России не сможет вновь собрать вокруг себя такое количество других народов для защиты этого колоссального евразийского пространства и организации внутри него нормальной жизнедеятельности. Государство рассыплется на мелкие удельные княжества и полупфеодальные образования, которые будут неизменно поглощены более крупными соседними государствами. А в их планы, как показывает история, никогда не входило сохранение национально-этнической самобытности и независимости населения поглощаемых территорий.

В настоящее время становится очевидным, что определённые силы Запада взяли курс на тотальное противостояние набирающей силу и всё больше укрепляющей свой суверенитет России. Евросоюз сейчас готовит полное перевооружение армий своих ключевых государств, обещая влить за ближайшие годы в их военно-промышленный комплекс 800 миллиардов евро. Во многих европейских государствах сейчас на ключевые посты назначаются внуки нацистских преступников и тайные сторонники неонацизма. В западной прессе открыто озвучиваются планы подготовки к, якобы, предстоящей к 2030 году большой войне с Россией. Уже, по сути, идёт формирование нового пояса государств (Польша, Прибалтика и др.), которые после Украины Запад планирует бросить вторым эшелонem против нашего Отечества. Различные точки напряжения, опасные для нашего государства, усиленно формируются сейчас и в других регионах мира.

Готова ли сегодняшняя Россия, у которой нет официальной идеологии, а вся социально-экономическая система заложена при тотальном господстве в стране ультра-либеральных идей, к этим новым вызовам времени? Выдержит ли без серьёзного реформирования эта система в условиях стремительно происходящих геополитических изменений? Сохранится ли при усилении давления извне внутреннее единство в обществе, выдержат ли межнациональные скрепы, которые то и дело расшатывают наши геополитические противники? Не подведут ли старые кадры? Ведь бегство за рубеж многих российских чиновников и их семей ещё в самом начале Специальной военной операции на Украине мы все хорошо помним. Ответ на все эти вопросы очевиден.

Для каждого коллектива перед любым предстоящим серьёзным испытанием необходимо максимальное сплочение. В равной степени это распространяется на любое государство и его народ. И огромную роль в данном случае играет некая

большая объединяющая идея, вокруг которой происходит такое сплочение людей.

Открыто готовясь к военному конфликту с Россией, Запад сейчас в качестве своей идеи провозгласил тотальную русофобию, объявив войну Русскому миру, русской культуре, её носителям и вообще всему русскому. Ведь для Запада все, кто живёт в России, всегда являлись и являются русскими. И не важно, кто ты по национальности: русский, татарин, мордвин или якут.

В этих условиях противодействие русофобии сохранение и укрепление Русского мира, русской культуры, наших духовно-нравственных ценностей, всемерная их защита становятся для нашего государства стратегическими задачами.

Для отражения западной идеологической агрессии и организации системного ей противодействия, сплочения нашего народа на столь обширном пространстве и его мобилизации России необходимо в качестве знамени поднять сейчас свою большую объединяющую идею. Таковой, когда Отечество в опасности, может выступить идея защиты, укрепления и развития уникальной и самобытной Русской цивилизации, существование которой западные философы и политики так упорно отказывают признавать. Она базируется на принципах справедливости, коллективизма, не подавлении сильным слабого, а взаимном уважении, мирном сосуществовании, а также на нравственных нормах и идеалах, близких и понятных каждому народу нашей страны.

При этом старая либеральная повестка должна быть решительно отброшена. Доминировавшая ранее идея «зарабатывать же надо», причём без указания, как (честно или по-всякому), которая на протяжении многих лет продвигалась либералами в российском обществе, не адекватна вызовам времени.

Показательно, что такое объединение вокруг вышеозначенной идеи уже происходит в рамках Специальной военной операции. Представители многих народов нашего Отечества под идеей защиты Русского мира плечом к плечу сражаются сейчас на юго-востоке Украины с неонацистами, инструкторами и наёмниками коллективного Запада, противостоя, по сути, глобальным силам зла. И Россия в этой борьбе четвёртый год выдерживает военный, политический, экономический и информационный натиск со стороны многих десятков ключевых государств коллективного Запада со всем его потенциалом. В результате она всё больше становится в глазах многих стран реальным символом сопротивления Новому мировому порядку.

Базовые постулаты и смыслы, заложенные в идее Русской цивилизации необходимо сейчас активно вводить в политический дискурс и широко транслировать на международном уровне. Их нужно позиционировать как некий камертон при формировании нового принципа международного сотрудничества национальных государств на следующем этапе развития человечества.

В дальнейшем уникальная система гармоничных взаимоотношений, сформированная внутри Русской цивилизации, и её ключевые принципы могут быть предложены Россией в качестве модели новых отношений в рамках формируемых сейчас новых крупных международных блоков и союзов. Это принесёт в основу их объединения помимо сугубо практических аспектов более глубокие духовные смыслы. А также дополнительно придаст подобным союзам ещё и некую сакральность, сделав такие объединения идейно, идеологически более крепкими и устойчивыми.

Таким образом, «русский магнит», собравший уже однажды великую страну, может снова сплотить вокруг себя сначала бывшие союзные республики, а затем и многих друзей и союзников Русского мира в дальнем зарубежье. Ведь с сильным, честным и справедливым дружат всегда с большей охотой, чем с сильным, подлым и беспринципным хищником. К тому же высокие идеи и принципы, заложенные в Русско-советской цивилизации, хорошо знают и до сих пор помнят все народы постсоветского пространства и многих государств мира.

Но кроме провозглашения вышеозначенной большой Идеи команде государственников, реализующей этот масштабный проект, необходимо будет предпринять также конкретные шаги и меры для её практического воплощения сначала внутри своей страны.

Очевидно, что при этом патриотическому крылу во власти потребуются новая общественно-политическая сила, способная стать надежной внутренней опорой. Она нужна для приведения в соответствие с заявленной Идеей всей социально-экономической модели государства. А также для проведения в этих целях необходимых реформ, дальнейшей реализации курса на суверенитет и перехода страны от состояния «торгового государства», в которое её ввергли в 90-е годы либералы, к государству народно-трудовому, социальному. Ведь, как известно из истории, по мере осуществления таких планов внутренняя борьба в стране только усиливается.

В ходе данного процесса будет необходима масштабная замена старых не соответствующих новому курсу кадров на

национально ориентированные и идейно близкие, патриотичные. Потребуется чистка государственного аппарата от представителей «пятой колонны» и западных «агентов влияния», формирование для нейтрализации этой глубоко эшелонированной группировки мощного патриотического противостроения. При этом одних только участников СВО (хорошо подготовленных для работы в госаппарате) для кадровой замены будет явно недостаточно.

Поэтому еще одним таким крупным серьёзным источником кадрового резерва могут стать представители российского патриотического движения — участники многочисленных общественных организаций и других объединений. И в первую очередь — актив русского патриотического ядра. Составляющие его люди имеют большой практический опыт защиты интересов нашего государства и его народа, а также личный счет к либерал-разрушителям и предателям во власти. К тому же наметившийся сейчас вектор движения нашего государства в сторону реального суверенитета полностью совпадает с устремлениями русских патриотов. Ведь сейчас большинство из того, за что многие годы либералы заклёвывали и заплёвывали их, стало уже неотъемлемой частью государственной политики России.

Особо отмечу, что под русскими понимаются не только лишь одни этнические русские, но и все те, кто говорит и думает по-русски, принадлежат к русской культуре, считают себя русскими и причисляют себя к Русскому миру. Помню, как на одной нашей крупной русской патриотической конференции зал долго аплодировал выступавшему там полковнику кабардинцу после сказанной им в самом начале своей речи фразы: «Я прошу воспринимать меня как русского офицера, которым я являюсь по образованию, воспитанию и менталитету!»

В русское патриотическое движение сейчас входят многие известные деятели науки и культуры, военачальники и представители Русской Православной Церкви, а также других сфер общества. Потенциально оно может и должно стать составной частью и реальной опорой новой крупной общественно-политической силы, значительно усилив её возможности.

После прихода к власти Владимира Путина и его государственнического крыла сделано уже немало для укрепления политического и духовного суверенитета России и её экономики. Принят целый ряд основополагающих документов, защищающих наши духовно-нравственные ценности. Русский язык объявлен одной из основ российской государствен-

ности. Практически исчезла из публичного пространства открытая русофобия, доминировавшая в стране в печальные 90-е. Российское чиновничество, включая его либеральную часть, быстро встроилось в «новые тренды», изменив свою риторику на патриотическую.

Однако сама русофобская линия, проводившаяся ранее открыто, никуда пока не исчезла. Она ушла вглубь, приняла скрытые, но более изощрённые формы. Её тайные апологеты во власти по-прежнему под разными предлогами продолжают подавлять и блокировать русских патриотов.

Поэтому для реализации всего вышперечисленного сначала нужно, образно говоря, влить «живой воды» в само русское патриотическое движение, «политически реабилитировать» его после многолетней либеральной травли, как это уже однажды сделал Владимир Путин со словами «патриот» и «патриотизм». Ведь чтобы снова мощно заработал «магнит» Русского мира, нужно в первую очередь привести в порядок ключевой элемент его электромотора и главную составляющую, дающие эти импульсы.

Другими словами, необходимо вывести русское патриотическое движение из многолетнего «политического заточения», в котором оно негласно находится на протяжении многих лет благодаря стараниям чиновников-либералов и предателей из «пятой колонны». Творя своё тёмное дело, представители этой вражеской гидры отлично понимают, кто наиболее организованно и последовательно противодействует их вредоносной подрывной деятельности и западным разрушительным программам. К тому же они прекрасно знают и помнят силу Русского духа, мобилизационные возможности русского народа, его стойкость и мужество при защите Отечества. Не зря в Великую Отечественную войну маршал Баграмян говорил, что подразделение является небоеспособным, если в нем русские составляют менее 50 процентов.

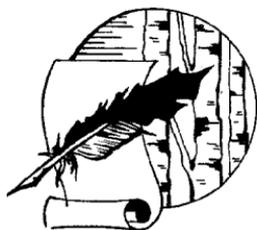
Когда-то на Руси одним из любимых занятий Великих князей и царей была соколиная охота. Сейчас этих птиц как своеобразный крылатый спецназ активно используют для охраны территории Московского кремля от ворон-вандалов, которые загаживают памятники и машины, сдирают позолоту с куполов церквей. Во время такой соколиной охоты выпущенный на волю сокол-сапсан резко взмыл ввысь, а затем оттуда стремительно атаковал вороньё, ввергая его в жуткую панику.

И хитрые вороны в качестве защитной контрмеры вырабатывали следующую тактику. Громко каркая, они сбиваются

в стаю и паря над соколом, удерживают его низко летящим над землей, не давая набрать для атаки нужную высоту.

Несколько последних десятилетий либеральное политическое воронье и представители «пятой колонны» примерно так же блокируют деятельность русского патриотического движения. Они не дают русскому патриотическому соколу набрать политической высоты для атаки на внутренних врагов государства, сдерживая его различными политическими, экономическими, информационными и правовыми мерами.

Продавить эту блокаду враждебного нашему государству и народу прозападного либерального слоя и дать взлететь Русскому Соколу на нужную высоту для атаки по врагам Отечества, многократно тем самым усилив государственныхников в российской власти, — важнейшая наша задача.

Вячеслав БОГДАНОВ
(1937 — 1975)

Вспоминая Вячеслава Богданова, а для меня просто Славу, я часто задумываюсь — почему же так устроена жизнь? Всё вроде бы сложилось у него в жизни: пройдены суровые военные и послевоенные годы детства, юности, за плечами нелёгкий труд монтажника-высотника-металлурга, человек развил свой природный поэтический дар и заявил себя настоящим русским поэтом. Но кто-то и где-то прервал его взлёт, остановил его сердце. Кто? Это остаётся загадкой! Его преждевременный уход в 37 лет для меня был трагедией. Мы с ним были не только близкими братьями, но и друзьями и родственными душами. Мне всегда было приятно с ним встречаться и общаться, слушать его эмоциональное чтение стихов. А он это любил, просить его было не надо.

Помню, написал он ночью стихотворение «Погост», а утром звонит поэту Спартаку Куликову и кричит в трубку: «Спартак, послушай, я написал сегодня...»

Сейчас, когда прошло уже 50 лет после его трагического ухода из жизни, я продолжаю наслаждаться его светлой поэзией. И хочется так же, как и он когда-то, поделиться с читателями «Молодой гвардии» его звонкими и яркими стихами.

Виктор СОШИН

ГОРИТЕ, ВЕЧНЫЕ ОГНИ!..

ДРЕВНЯЯ СТЕПЬ

Лежит земля, обжитая веками.
И на закат, темнеющий вдали,
Идут в степи седыми стариками
Нагруженные синью ковыли.

Так шли они и двести лет, и триста...
И добрались до нынешнего дня.
В который раз волною серебристой
Они ложатся под ноги коня!
И степь хранит их твердо — целиною,
Хоть жметя к ней весною борозда...
Из века в век в луга и к водопою
Ведёт она — звенящая — стада!
Мне изначальный путь её неведом,
Но знаю я одно наверняка —
Вот в эту степь пришёл мой русский предок,
С косою в руке, с правами бедняка.
Он снял армяк и бросил, словно горе,
И выпустил на пастбище коров.
Ещё тепла земля на косогоре
От ног босых и от ночных костров...
Пронизанный и солнцем и ветрами,
Он шёл по росам к речке выбрать сеть.
И голосом зари и разнотравья
В крови свободу пробуждала степь!
Дождём умыт и пятернёй причёсан,
Гася утрами на судьбину злость,
Так отбивал он говорливо косу,
Что барину ночами не спалось...
...Вновь ковыли меня уводят в древность,
Гулки шаги по вечной целине...
Целует степь вечерняя деревня
Коровьими губами в тишине...

1970

НА РЕКЕ

Закат стекал лениво с жёлтых крыш,
И горизонт сужался постепенно.
В реку входил, сгорбатившись, камыш,
Ему любые глубы — по колено.
Среди реки я отпустил весло,
Отдав себя душе на попеченье...
Меня в былое с лодкою несло
Упругое и чистое теченье.
Несло к любви, разлуке, торжеству...
Что надо мной всходили, словно звёзды, —
Всем, чем сегодня тайно я живу,
О чём всерьёз задумался так поздно...

Я опустил ладони в быстрину,
Вода меж пальцев шустрая, как рыба.
И вот в селе — калитка с острым скрипом
Разрезала ночную тишину.
От фонарей струился свет большой
И до ладов баяна прикасался...
И чей-то голос дальний и чужой
Таким родным и близким показался.
Камыш, и тот, заслушавшись, притих.
Звала меня таинственная сила,
Но песня глуше, глуше каждый миг,
Как молодость, всё дальше уходила.
И чувство вдруг года переросло.
Поддался вновь былому увлечению.
Напрасно я хватался за весло,
Стремился плыть наперекор теченью...

1974

ЗРЕЛОСТИ КРУГ...

В суете,
В нескончаемых спорах,
Как рубли,
Трачу лучшие дни.
И душа
Что подмоченный порох —
Всё осечки,
Осечки одни.
Надоело в столице маячить,
И наверно, опять перед сном
В одиночестве тайно заплачу,
Затоскую о крае родном,
Где пестра голубиная стая,
Где взбегает трава на откос,
Где берёзы молчком подрастают,
Наливается тихо овёс,
Где к земле каждый стебель причастен
И к питающим сокам не глух,
Где под солнцем большим
Ежечасно
Завершается зрелости круг..

1974

О МАТЕРИ

Кирпичный дом с соломенной крышей
Встал у зелёной бровки большака,
Как будто посмотреть сюда он вышел,
Не показался ль я издалека.

А в доме том, о сыновьях скучая,
Не первый месяц и не первый год
Тоску старушка лечит крепким чаем
И на заре уходит в огород.

По вечерам, присев на стуле шатком,
Чтоб перед сном «оттаяла» душа,
Протрёт очки концами полушалка
И перечтёт все письма не спеша.

И каждый раз мы пишем издалёка:
«Хозяйство, дом, а ты уже стара —
Тебе ли жить в деревне одинокой?
Прийти под крышу к сыновьям пора.

Пусть ты сыта, одета и обута,
Но без детей мрачнеет светлый дом.
А для тебя здесь в комнате уютной
Мы самый лучший угол отведём».

А мать в ответ: «Приеду в гости летом,
А насовсем, пожалуй, не смогу.
И ты, сынок, пожалуйста, не сетуй,
Ведь и тебя люблю я, и сноху».

Ну, что сказать? По-моему, права ты.
Не просто бросить кровное жильё.
Я вспомнил год весенний сорок пятый
И детство безотцовское своё.

Вбежала к нам соседка на рассвете
И закричала: — Кончилась война!
Кто жив остался, возвращался к детям,
И плакала и пела вся страна.

А я тайком, не веря извещенью,
Ходил встречать на станцию отца,
Но все надежды были лишь затменье,
И прояснилась правда до конца.

Осталась мать одна за нас в ответе,
Не жалуясь, что доля тяжела.
И говорила: — Были б сыты дети...
Она для нас дышала и жила.

И выжила, все муки пересилив,
В нужде сгубив здоровье своё.
А сколько их по всей большой России,
Военных вдов, похожих на неё.

1962

ПОМОЛ

В краю дождливом, полусонном,
В сенях, где куры и дрова,
Ручная мельница со стоном
Вращает тяжко жернова.
Мы всей семьёю вперемежку
При свечке молча мелем рожь.
Дрожат от усталости коленки,
И по спине проходит дрожь:
А вдруг придут на шум, захватят?
И страх под сердцем — нету сил...
И хлеб отыщут под кроватью —
Я рожь в карманах наносил...
Но я сейчас, хоть малолеток,
Кручу со всеми нарядки.
И пахнет солнышком и летом
От тёплой, пенистой муки.
И мне мерещится, как чудо,
Под шум зубастой шестерни,
Пирог румяный на полпуда,
Что солнцу летнему сродни.
Бежит серебряно по течке,
Под жернова струится рожь.
И огонек дрожит от свечки,
И по спине проходит дрожь.
За час не вымолвив ни слова,
Рожь мелем, мелем вчетвером.
А дождик, словно участковый,
Стучится в двери напролом.
Потом я лег в постель устало,
В ушах стыл шум от шестерни.

Мать тесто ставила, вздыхала:
«Дадут ли хлеб на трудодни?»
... Всё изменилось в жизни нашей.
Но память вспыхнула,
Жива,
Когда от мельницы домашней
Нашёл в бурьяне жернова.

1966

ДЕРЕВУШКА

До войны в деревушке безвестной,
У степной безымянной реки,
На гулянках протяжные песни
Распевали мои земляки.
Выезжали, весёлые, в поле.
И до осени с самой весны
И пахали они, и пололи,
Полевыми ветрами пьяны.
Возвращались в деревню под вечер
На телегах рабочего дня.
И бежала к ним стайкой навстречу
Босиком от реки ребятня.
Сколько жизни в мальчишеском беге!
От загара черны, как гольцы,
Окружали ребята телеги,
Отдавали им вожжи отцы.
Но однажды с неслыханной силой
Степь качнула взрывная волна.
На устах деревушки застыло
Распроклятое слово — война.
И в степном трудовом захолустье,
Над привольем земли и удач,
Не вмещался в широкие устья
Над рекою растерянный плач...
Пахли дали слезами и рожью.
На телеги садились мальцы.
Ведь не зря им упругие вожжи
Доверяли когда-то отцы...
Много лет с той поры миновало.
Каждый дом в деревушке притих.
И вернулся с войны запевала,
Но не слышу я песен былых...

1975

ВАСИЛЬЕВСКИЕ ВЕЧЕРА

Б.А. Ручьеву

Вечер звёзды огненные выткал,
Тишину вспугнули соловьи,
Но молчат скрипучие калитки,
И не слышно песен о любви.
Молодёжь покинула деревню,
Заманили звоном города...
И об этом шепчутся деревья,
И луна сгорает со стыда.
Лишь собаки лают обалдело
У столбов на ламповый накал...
Город, город!
Что же ты наделал? —
У деревни молодость украл...

1962

ЗАСУХА

В моем краю — тяжёлый недород,
Повысосала засуха колосья.
Разбуженная яростью колёсной,
Седая пыль до солнца достаёт.
Ботва картошки пала тихо ниц
И жёлтым цветом высветилась редко,
Сгорюнилась,
Как на гнезде наседка,
Что под собой не чувствует яиц...
Нет от жары покоя и преград.
Угрюм народ,
И лишь беспечны дети...
Нет ничего больней
На белом свете,
Чем наблюдать июльский листопад...

1973

САДОВОД

На деревне умер садовод,
На деревне в трауре народ.

Не в больнице умер он в бреду,
А в колхозном утреннем саду.
Был старик ничем не знаменит,
По утрам любил махрой дымить
И смотреть, когда в саду шмели,
Загудев,
Как спутники Земли,
Огибали круглые плоды
И садились плавно на цветы.
На деревне умер садовод,
На деревне в трауре народ.
Прожил он немного — шестьдесят..
Сколько яблонь в мире шелестят!..
Не в больнице умер он в бреду,
А в колхозном утреннем саду.
Незаметный,
Разводил сады,
Не имел наград он за труды.
А нашёл его на цветнике
Внук,
Сжимая яблоко в руке...

1966

ПОКОЙ

Хочу весны и тишины— до звёзд.
От долгих вёрст окреп и притомился.
Из всех покоев я люблю погост,
Что за селом в деревьях притаился.
Берёзы там — как белая молва
О людях тех, что на земле гостили.
А по крестам стекает синева
И закипает травами густыми.
И с детских лет я чту, как торжество,
Небес с землей извечное слиянье.
И ощущаю кровное родство
С могилами, где спят мои селяне.
...Была война. И остриём беды
Морозы шли сквозь стены, словно гвозди..
В печах горели крыши и сады,
Но все ж топор не звякнул на погосте.
В моем селе степей и васильков,
Когда война пожаром отметалась, —

Не только работающих мужиков,
И деревца в округе не осталось.
В село весна врывалась напролом.
Но спотыкалась о пеньки у дома...
И лишь погост — зелёным островком
Летел на вечных крыльях чернозёма.

1971

ЗЕМНЫЕ МАЯКИ

В дорогах близких и неблизких, —
О прошлом память не в тени, —
Повсюду вижу обелиски,
Повсюду вечные огни.
Они торжественно-печальны,
Они, земные маяки,
В пути мне первыми встречались,
О жизни звёздами кричали,
От слёз моих недалеко.
Я был в Смоленске,
Туле,
Брянске,
Был в Севастополе,
Орле...
И у могил бессмертных братских
Я присягал родной земле.
Теперь,
Когда глаза закрою,
У изголовья дум и сна
Встают,
Встают передо мною
На серых плитах имена...
В дорогах близких и неблизких,
В любые пасмурные дни
Светите людям, обелиски,
Горите, вечные огни!..

1970

У ЛЕТНЕЙ ВОДЫ

Сижу над летнею водою,
Пью охмеляющее пиво.

А берег пахнет лебедой,
Бегут часы неторопливо.
Но не вперед бегут — назад...
И путь указывают стрелки
Туда,
Где срублен старый сад,
Где лебеда горька в тарелке...
Где среди дум и бедноты
Я от бесхлебья изнываю.
А на окне стоят цветы,
Цветут и к жизни призывают.
А за окном закатный мрак
И, не по-детски злой и мрачный,
Иду я поливать табак,
Презрев навеки дым табачный...
...Сижу над летнею водой,
Пью охмеляющее пиво.
А берег пахнет лебедой,
Бегут часы неторопливо.
Волна седая, что ковыль,
К ногам ласкается печально.
И хмель — не хмель,
И быль — не быль,
Лишь речка летняя реальна.
Да сад реален молодой,
Да луг в ромашковой пороше...
И хорошо, что лебедой
Здесь берег пахнет,
Словно прошлым,
Что нет в деревне бедноты
И что о ней не забывают.
А на окне стоят цветы,
Цветут и к жизни призывают.

1974

КАМЕНЬ

Ржавый берег травой окутан,
Были — не были чьи-то следы.
Я не знаю,
Он взялся откуда,
Этот камень у чёрной воды.

Говорят, —
Я хочу в это верить, —
Неизвестно в котором году
Прикатил его
Парень на берег
И задумал большую беду..
Что взгрустнулось ему — молодому?
Эх, чужая беда — не беда!..
Но сильнее, чем горе и омут,
Оказалась
Ночная звезда..
И с тех пор по причине великой,
Чтоб оплакать тяжёлые дни,
Приходили сюда горемыки
И садились на камень они.
И под шум нестареющих сосен
Облегчалась кручина в груди.
И никто камень в омут не бросил:
— Жизнь,
Она ещё вся впереди...

1973

ПОДСОЛНУХ

Травы лета на корню посохли,
Пахнет поле влагой дождевой.
К беспощадной осени подсолнух
Подошёл с повинной головой.
Не ищи, подсолнух, сожаленья!
В семенах храни свои мечты..
Ты — дитя весеннего цветенья,
Зрелость лета солнечного ты.
Стой себе высоко и спокойно
У закатной роковой межи,
И на плаху осени достойно
Голову бунтарски положи.
От удара разлетится семя.
Но твои труды не пропадут,
Из семян под солнышком весенним
Зрелые мечты твои взойдут!..

1975

А СНЕГ ПРИШЕЛ...

А снег пришёл и чисто, и глубоко
Дорогой краткой светового дня,
Между берёз ведёт меня далёко
На поводу искристая лыжня.
Мой звонкий лес, я не узнал округу.
Где шорох твой и лиственный привет?!
Ну, что с тобой? Я словно встретил друга,
С которым не видался много лет...
Седеет лес... Ему не до ответа,
Освищенный метелями — притих.
Бегу туда, где заблудилось лето
В зелёных думах сосен вековых...
Там освежусь смолистым, летним духом,
Помну в руках хрустящий снежный ком
И прислонюсь к стволу сосны я ухом,
И по корням услышу — чернозём...

1971

ЛЕС

Весенний лес — зелёная истома —
С зарёю вышел к нам из темноты.
И небеса, укатанные громом,
Легли на даль сосновой красоты.
Вчера был дождь и сильный,
И полезный.
Качались дали,
Словно на весу...
Метались яро молнии по лесу,
Чего искали там они в лесу?
Я сам иду по лесу не случайно.
Ведёт тропа меня,
Как волшебство.
Живёт в лесу непознанная тайна,
Всего земного — кровное родство.
Живут в родстве букашки и берёзы;
И белка с думой о семье в дупле...
И не случайно с неба сходят грозы,
Они родились тоже на земле!..

1974

ПРИРОДА

Отлого дремлют берега,
И подо льдом река сонлива.
Лениво падают снега,
И облака плывут лениво.
А за околицей села,
Придя от снега в удивленье,
Берёза ветви подняла,
Остановилась, как мгновенье...
Роняют сосны колкий свет,
Зелёный свет весенней жизни.
И кажется, в природе нет
Ни бурь, ни зла, ни катаклизмов.
А есть лишь даль, где лес встаёт,
Камыш желтеет над рекою...
Природа тоже устаёт,
Природе хочется покоя.

1974

ДУМА

Среди лугов река уходит криво.
Листает волны ветер-сухой.
Приду к реке и сяду у обрыва,
На краешке у памяти своей.
По-над водой осока дремлет остро.
И ласточки пронырливо снуют.
И окуни мелькают, словно вёрсты,
И полосатой думою встают...
...Ценою рук, а не ценою злата,
Из темноты я выбрался на свет...
И рад тому, что, словно эскалатор,
Меня не вез чужой авторитет...
Ещё мне рано подводить итоги.
И впереди: и солнце, и гроза...
Я так хочу, чтобы мои дороги
Не засорили путникам глаза.
Река, река — степное откровенье,
Круты, как жизнь, излучины твои.
Я жду в судьбе великого мгновенья,
Вложи мне в грудь извечное стремленье
И луговую ширью напои...

1970

РУСОФОБЫ XX ВЕКА

Какой должна была стать Россия после прихода к власти большевиков? Для русского народа внедрялись проекты повальной «коммунизации» крестьян, «трудовых армий». На X съезде РКП(б) Лев Троцкий (Лейба Бронштейн) строил планы: «С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность — караться тюрьмой и смертью». Его полностью поддерживал партийный теоретик и «золотое дитя партии» (как называл его Ленин) Николай Бухарин: «Принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Из этого складывается картина, какой должна была стать Россия через некоторое время: громадным концентрационным лагерем, где народ русский покорно трудится, поощряемый «куском хлеба» во имя светлого будущего...

И ещё, процитирую Троцкого: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населённую белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока... Мы прольём такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путём террора, кровавых бань мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши... — о, как восхитительно умеют они ненавидеть всё русское! С каким наслаждением уничтожают они русскую интеллигенцию — офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!»

Ещё в 1905 году в статье «Социализм и религия» Ленин требует «бороться с религиозным туманом». С присущим ему фанатизмом и настойчивостью воспитывал он у большевиков чувство ненависти к религии, особенно к христианству. Он разрабатывает антирелигиозную доктрину и направляет её против Русской Православной Церкви и многомиллионной массы верующих. Реакционная сущность ленинского воинствующего атеизма со всей откровенностью представлена в следующем высказывании: «Всякая религиозная идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость... самая опасная мерзость, самая гнусная зараза». Придя к власти, Ульянов от теории переходит к кровавой практике. В начале января 1919 года в разгар Гражданской войны Ульянов даёт указание осуществить беспрецедентную в истории цивилизации акцию: организовать в монастырях и храмах публичные вскрытия могил видных деятелей Русской Православной Церкви. Для этого выделялись специальные группы, которые под непосредственным руководством партийных и советских органов власти должны были выполнить поставленную задачу. Такого надругательства над чувствами верующих история ещё не знала.

28 января 1919 года в 4 часа дня состоялось вскрытие раки святителя Тихона в Богородицком монастыре в городе Задонске Воронежской губернии. Всё это происходило на глазах многочисленной разгневанной толпы. Фильм «Вскрытие мощей Тихона Задонского» снимал фотограф Б.И. Корзун. Главную цель, которую ставили перед собой организаторы этой

зловещей акции, — показать, что мощи святых тлеют, и что Церковь якобы путём обмана грабит людей, а заодно проверить, не хранятся ли в могилах святых отцов драгоценности.

1 мая 1919 г. Ленин издал директиву с весьма любопытным номером 13/666 «О борьбе с попами и религией». Священников и верующих в первую очередь хватали в заложники, казнили в мясорубках «красного террора», истребляли при зачистке городов и станиц.

А в 1921—1922 гг. Поволжье, Юг России, Украину, Сибирь охватил страшный голод. Ленин и Троцкий не преминули воспользоваться этим, чтобы нанести массированный и, как предполагалось, смертельный удар по Церкви. Ленин писал членам Политбюро: «Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смогли и думать».

По всей стране принялись громить и закрывать храмы. Прихожане защищали храмы, произошли кровавые столкновения. Показательные процессы над священнослужителями прошли в Петрограде, Москве, Смоленске, Чернигове, Полтаве, Архангельске, Новочеркасске... В 1922 году только по суду было расстреляно священников — 2691, монахов — 1962, монахинь и послушниц — 3447. А всего было истреблено не менее 15 тысяч представителей духовенства. Нет, Ленин боролся не только с религией, он боролся с многовековой историей России, с духовным миром и нравственностью людей. Правда, удар по Церкви стал последней авантюрой Ленина. Человека, безрассудно занёсшего руку на Господа и на свой народ, через месяц хватил инсульт, затем второй, и в этот момент он почувствовал себя тем, кем и был на самом деле: жалким, слабеньким существом — заливался слезами, бился в истериках, выпрашивая у Сталина яд.

Осенью 1922 г., едва оправившись от инсульта, Ленин вмешивается в проекты создания СССР: отвергает сталинский вариант (национальные республики входят в Российскую федерацию на правах автономии), настаивает на своём принципе, чтобы национальные республики заключили равноправный союз с Россией. Так как Ленин верил во «всемирную революцию», то предполагал, что в будущем к такому союзу смогут присоединиться Польша, Германия, а за ними, глядишь, и Франция с Англией. Сталин, как обычно, уступил «учителю», и СССР был создан по ленинской схеме...

В своей работе «Итоги дискуссии о самоопределении», в главе 1 «Социализм и самоопределение наций» Ульянов — пишет: «Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создаёт возможность полного устранения национального гнёта; эта возможность превратится в действительность при полном проведении демократии во всех её областях, вплоть до определения границ сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой почве, в свою очередь, разовьётся практически абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится отмиранием государства».

Ленин, снося и разрушая памятники после прихода к власти, себя вандалом не считал. Ленинское правительство активно избавлялось от «ненужных» памятников царям и деятелям царского режима. Так, в Петрограде были убраны четыре монумента Петра I, в Москве — памятники царю-реформатору Александру II и выдающемуся русскому военачальнику и стратегу («Суворову равному», как отзывались о нём современники) генералу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. Были уничтожены также памятный знак в Кремле на месте гибели великого князя Сергея Александровича, монумент в честь 300-летия династии Романовых в Костроме, памятник в Киеве Петру Аркадьевичу Столыпину и другие.

На смену им большевики начали устанавливать революционные памятники. Среди «великих» оказались неведомые большинству россиян Бабеф, а также зять К. Маркса — Поль Лафарг, Дантон, Робеспьер и др. Россию представляли Стенька Разин, Емельян Пугачёв, организатор убийства Александра II Софья Перовская. Мотивируя тем, что страна живёт во враждебном капиталистическом окружении, революционные вожди призывали к бдительности и доноситељству во имя защиты революции.

Для пропаганды доноситељства, большевики использовали даже образ... Иуды Искарюта. Вот что говорится об этом в книге Н.Д. Игнатова «Доносчики в истории России и СССР»: «Первый памятник Иуде был торжественно установлен в одном из центров русского православия, в Свяжске, в августе 1918 года. Под звуки Интернационала с истукана, грозящего пальцем небу, упало полотно. С речью на митинге выступил глава Красной армии Лев Троцкий. Он говорил: «Мы открываем сегодня памятник человеку, который первым понял, что христианство — это лжерелигия, и нашёл в себе силы сбросить с себя её цепи, и что вскоре по всему миру будут воздвигать памятники этому великому борцу и герою».

Однако жители Свяжска не оценили величия замысла вождей революции, и через две недели памятник исчез. Его ночью утопили в Волге... Об установке памятника Иуде в Свяжске писал в своих воспоминаниях датский дипломат Хеннинг Келер, бывший, по его словам, очевидцем событий. Постановление об установке памятника было подписано Лениным. За день до его установки большевиками был убит настоятель Свято-Успенского Свяжского монастыря священномученик епископ Амвросий (Гудко). Современные публикации рассказывают также о памятниках Иуде в Козлове (ныне Мичуринск) и в Тамбове».

А вот как относился Ленин к войне против России: «Нужно добиваться поражения России, обкарнать Россию до Киева, до Одессы, до Риги, до Любавы и вышибить из нее великодержавный дух. Надо добиваться отделения Украины и Прибалтики» (из доклада Ленина на совещании бернской группы большевиков 6 сентября 1914 года).

Русофобы в 1917 году прорвались к власти в России. И один из них сейчас лежит в мавзолее на главной площади страны.

Филипп ЛЕБЕДЬ

ВЕЧНЫЙ ПОРАЖЕНЕЦ

В спорах вокруг фигуры Владимира Ульянова (Ленина) не только апологеты коммунизма, но и часть патриотического лагеря упорно дают на опасность раскола общества в случае отказа от наследия Ильича. Мы непрерывно слышим о красных флагах и другой советской символической, будто бы доминирующей на фронте, нам постоянно пытаются вбить в голову, что вынос трупа из мавзолея или даже объективная критика «вождя мирового пролетариата» обернется трагедией для России, противостоящей коллективному Западу, потому что это удар по идеалам огромных масс людей. Кроме того, есть

мнение, что от нас отвернутся КНДР, КНР и другие союзники, чтущие Ленина. Некоторые осторожные патриоты придерживаются суждения, что Ленин, конечно, зло, но пока идет специальная военная операция, трогать его нельзя. Что уж говорить о красных суевериях, согласно которым Россия до сих пор не выиграла лишь потому, что на 9 мая мавзолей задрапирован. На фоне этих рассуждений разумнее всего обратиться непосредственно к ленинскому наследию, которое пытаются противоестественным образом скрестить с идеей патриотизма.

Казалось бы, ни для кого не секрет, что Ленин отрицал патриотизм как враждебное буржуазное понятие, он желал поражения России в Русско-японской и Перовой мировой войнах, он жаждал начала Гражданской войны для захвата власти. Еще при жизни его называли германским шпионом. Это не совсем корректно: шпионом он не был, поскольку преследовал собственные цели, но в чем-то они совпадали с целями второго рейха, что позволило германскому генштабу нанять его как своего агента и обеспечить его трансфер в Россию, с которой шла война, через территорию Европы. Ленин обещал Германии совершить в России переворот и вывести ее из войны, закрыв для Германии Восточный фронт. Эту часть соглашения он выполнил, следовательно, в определенный период он действовал как иностранный агент — в интересах страны-противника. Однако советская историография десятилетиями внушала нам ложное представление о Первой мировой войне как об «империалистической», которую навязал народу плохой царь, и всю ее героику, все громкие победы и подвиги тщательно ретушировали, ее значение старались обесценить, чтобы оправдать пораженчество Ленина и позор Брестского мира. Отчасти это получилось, и только сейчас историки и писатели-энтузиасты с трудом пробиваются через стену забвения и непонимания, чтобы вернуть народу историческую память и правду о Великой войне. Но это отдельная трагедия нашей истории.

Сейчас идет специальная военная операция, и отношение к ней стало линией раздела между теми, кто поддерживает страну или выбирает оппозицию. Самые принципиальные противники давно уехали из России, в своих блогах отрекаются не только от линии Кремля, но и всего русского вообще, часто говорят, что стыдятся своего российского происхождения. И, конечно же, они последовательно выступают в поддержку Украины, радуются новым западным санкциям и поставкам вооружений, которые помогут бить по российским солдатам или гражданам. Большинство современных

коммунистов, по крайней мере, на словах позиционируют себя как неоспоримые патриоты и тиражируют утверждение, что критика России и пораженческая позиция — удел исключительно релокантов и либералов. При этом стоит уточнить, что после февраля 2022 года в среде т. н. «антифа», т.е. марксистов, анархистов и прочих левых, выступающих под антифашистскими лозунгами, действия Москвы вызвали протест и стала популярной проукраинская позиция. Кто-то бежал из России, а кто-то даже рвался воевать за ВСУ.

Еще в 2023 году правоохранители вскрыли ячейку левых радикалов из «Народного коммунистического движения», готовивших диверсии внутри России по заданию Главного управления разведки (ГУР) Украины. Кто-то скажет, что это исключения из правил. Тем более нельзя не вспомнить, сколько идейных коммунистов отдали жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны, да и сам И.В. Сталин в тяжелые моменты, в частности, в 1941 году, взывал именно к патриотическим чувствам народа, привлекая героев прошлого и их победы, потому что большевистский базис ничего такого дать не мог. Если же вернуться к «заветам Ильича», то в сегодняшней обстановке они звучали бы с новой силой, но явно не в поддержку России.

Недавно историк и публицист, директор фонда «Историческая память», научный сотрудник Института российской истории РАН Александр Дюков в своем блоге (в Телеграмканале) опубликовал характерные свидетельства, относящиеся к периоду, когда Ленин заседал в ресторанах Швейцарии в окружении единомышленников, обсуждая политическую повестку, совсем как сегодняшние релоканты. Правда, в отличие от рядовых активистов, он уже имел большую известность и периодически собирал аудитории для публичных лекций. Так, в ноябре 1914 года он выступал в Цюрихе с докладом об отношении революционной социал-демократии к войне. Собралось до 400 слушателей, а речь из-за своей антироссийской направленности была неоднозначно воспринята даже другими революционерами, вызвав бурные дебаты. Историк А.Р. Дюков ссылается на воспоминания соратника Ленина — будущего чекиста Моисея Харитонова, который рассказывает, что после критики европейской социал-демократии и II Интернационала Ленин перешел к обоснованию тезиса о поражении правительства своей страны, намеренно прибегая к самым резким выражениям, возмущающим любых «оборонцев». Не раз, по свидетельству М.М. Харитонова, Ильич хвалил немцев за военные успехи, ставил в пример их организацию и дисциплину, хоть и утверждал, что обе сто-

роны «преследуют грабительские цели». Ленин обосновывал необходимость в интересах революции поражения Русской императорской армии и заявлял, что было бы неплохо, если бы немцы «взяли Ригу, Ревель и Гельсингфорс», т.е. заранее предполагал расчленение России. В современных реалиях это явно квалифицировалось бы как покушение на суверенитет и территориальную целостность страны.

Сам «вождь пролетариата» выделял тему отделения Украины: «Я, будучи убежден, что долг социалистов каждой страны вести беспощадную борьбу с шовинизмом и патриотизмом собственной (а не только неприятельской) страны, резко нападаю на царизм и в связи с этим говорю о свободе Украины». Свои доводы он, как и в тезисах о национальном вопросе и автономиях, сопровождал привычной русофобией: «Мы, русские, благодаря нашей пассивности являемся рабами, в результате чего мы не только позволяем угнетать себя, но и помогаем угнетать других». Историк А.Р. Дюков, ссылаясь на записи выступлений оппонентов, отмечает, что даже меньшевики и члены Бунда, активно участвовавшего в первой революции, были удивлены таким радикализмом. Возможно, дело в том, что бундовцы, в отличие от сионистов, намеревались налаживать еврейскую жизнь не в Палестине, а по всей Российской Империи. Так, член ЦК Бунда Хаим Гельфанд вопрошал: «Шутка у Ленина была или нет, если он для славянства считал пользой отделение Киева». А бундовец и меньшевик Арон Вайнштейн пытался оспорить желаемую Лениным потерю Прибалтики.

Позже А.Р. Дюков привел публикацию о лекции Ленина в венской социал-демократической газете *Arbeiter-Zeitung* (от 7 ноября 1914 г.). По его данным, сам оратор фактически авторизовал эту заметку, как раз по этому поводу написав, что действительно «резко нападаю на царизм и в связи с этим говорю о свободе Украины», и только отсутствие отражения его тезисов о крахе II Интернационала и оппортунизме вызвало у того недовольство. Об этом можно узнать из Полного собрания сочинений (т. 49, с. 25), куда, в отличие от других публикаций о выступлениях «вождя», эта заметка в советское время не попала. А.Р. Дюков предоставил читателям эксклюзивный перевод, тезисы из которого впредь необходимо приводить всем почитателям Ильича:

«Характеризуя капиталистическое развитие Западной Европы, которое могло быть достигнуто только после успешного объединения в национальные единицы, Ленин указал, что Россия, в которой некоторые нации, среди которых такая многочисленная, как украинская, должны отказаться даже

от права на родной язык, никак не могла достичь этой стадии развития. Язык является главным фактором в торговых отношениях, без которых торговля и промышленность не могут процветать. Лишенная этой опоры хозяйственной деятельности, Украина осталась страной меновой торговли. Она стала для России тем же, чем Ирландия для Англии, ее истощают до последней капли, не давая ничего взамен. Таким образом, интересы международного пролетариата вообще, и в особенности интересы русского пролетариата, в том, чтобы Украина вернула себе государственную независимость, которая одна только даст ей возможность достичь будущего развития, необходимого для пролетариата».

Поистине, Ленин не только практик, но и главный теоретик современной украинской государственности, и его памятники в городах Украины должны были не падать, а только приумножаться. Зато очевидно, что памятники Ленину в России, особенно поставленные заново на новых территориях, — это памятники врагу России, яростно борющемуся за то, против чего сегодня сражаются российские военнотружущие на СВО.

«К сожалению, — пояснил далее Ленин, — некоторые наши товарищи стали русскими имперскими патриотами. Мы, москвиты, — рабы, мы не только позволяем угнетать себя своей пассивностью, но и помогаем угнетать других, что совершенно не в наших интересах. Русская нация достаточно велика, чтобы образовать для себя отдельное национальное государство. Только тогда ей откроется возможность самого быстрого развития. В этой войне буржуазная пресса шумит о разрушении Бельгии, но все молчат о разорении прекрасной Украины, как будто кровь украинских крестьян не такая красная, как у бельгийских буржуа. Но что касается буржуазной прессы, то это легко объяснимо. Там, в Бельгии, рушатся состояния крупных капиталистов, на службе у которых эта пресса, в то время как в Галиции осуществляются старые мечты русского правительства. Здесь культура украинского народа, находившая свое убежище в австро-венгерском государстве от «панславистов», искореняется такими врагами всякого прогресса, как граф Бобринский».

Таким образом, Ленин не просто отстаивает отделение Украины от России, но и выстраивает ее основу вокруг нежно любимой им Галиции, наиболее отдалившейся в культурном и языковом отношении от остальной Малороссии. Кроме того, он обвиняет российское правительство в этноциде Западной Украины, по сути, в колонизаторстве, которое, в первых, всегда было чуждо России, во-вторых, как понятие

не может быть применимо в отношении родственного народа. Вероятно, сегодня автора таких рассуждений назвали бы бандеровцем, но это — Владимир Ильич Ленин.

«Много говорят о борьбе с Австро-Венгрией с целью «освобождения славян», но я требую этих господ дать ответ на вопрос: где в мире славяне пользуются такой свободой своего культурного раскрепощения, как в Австро-Венгрии, и где они, подобно украинцам, лишены всех своих национальных прав, даже права учиться на родном языке, как не в «славянской» России? Если мы хотим говорить о славянском государстве, то таковым является Австрия в большей степени, чем Россия. Интересы русского пролетариата не могут ни при каких обстоятельствах требовать победы России в этой войне».

Понятно, отчего даже советские историографы вдруг постеснялись переводить и включать эту речь в ПСС своего вождя. Это уже не просто поражение — это идеологический подрыв российской государственности и прямая поддержка страны, с которой Россия в тот момент вела войну. В своей фанатической ненависти к русскому народу, который для Ленина олицетворяет «великорусский шовинист и держиморда», он не игнорирует то, что русские или русины, которые веками стремились сохранить свою культуру в иностранном окружении, подвергались систематическим притеснениям со стороны австрийских властей, а апогеем стал концлагерь Талергоф — окончательный приговор для тех, кто отказывался от насильственной украинизации. Но Ленину не нужны русские — ему нужны украинцы с независимым государством или под властью германца. Вероятно, поэтому впоследствии его не смутила оккупация Украины кайзеровской армией.

Легко представить, как при публикации этой лекции без указания докладчика, с незначительной коррекцией для соответствия современным реалиям, сегодня сами коммунисты осудили бы автора, вменяя ему почитание Бандеры и Шухевича или реабилитацию нацизма. Но это Владимир Ильич Ленин, и это его идеологическое наследие — неотрывная часть марксизма-ленинизма. И, будь жив он сегодня, не остается сомнений, на чьей стороне он выступал бы, из тех же швейцарских залов призывая другие страны ударить по России и готовя свержение власти в Москве. Поэтому те, кто желает России победы, кто хочет видеть ее в будущем сильной и единой, должен раз и навсегда отказаться от наследия В.И. Ульянова (Ленина) — могильщика России.

Мавзолей следует закрыть, тело должно быть погребено,

памятники и улицы в его честь следует заменить историческими или посвятить тем историческим персоналиям, которые по-настоящему созидали и служили России. Благо, наша тысячелетняя история богата такими именами.

«Русский Вестник»

Сергей ВЕСТНИК

ПАЛАЧ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

В 1952 году в свердловской больнице умирал Петр Ермаков — один из тех, кто расстрелял Романовых. То, что он кричал в предсмертном бреду, заставило замолчать даже партийных врачей и вошло в тайные летописи XX века.

Старика Ермакова боялся весь коридор четвертого, «безнадежного» отделения свердловской больницы. Не то чтобы он был буйный. Напротив, днем это была гранитная глыба, а не человек. Бывший краском, герой Гражданской, персональный пенсионер союзного значения Петр Захарович Ермаков. Лицо — будто из камня тесаное. Глаза — два уголька, в которых давно выгорел всякий огонь. Он ни с кем не говорил, отворачивался к стене и молчал часами.

Но когда спускались сумерки, больничный корпус затихал и лишь скрипела под окнами старая ель, начиналось страшное.

Из палаты Ермакова доносился сперва тихий, сдавленный стон, похожий на скулеж затравленного зверя. А потом раздавался крик. Да такой, что у молоденькой медсестры Анечки кровь стыла в жилах. Это был не крик боли. Так кричит душа, заглянувшая в бездну.

— Уберите их! Уберите! — хрипел старик, мечась в липком поту. — Что вам надо?! Я всё сделал, как приказали!

Анечка, жвав в руке шприц с успокоительным, опасливо заглядывала в палату. Ермаков сидел на койке, исхудавший, страшный, и указывал трясущимся перстом в пустой угол.

— Они смотрят... Не мигая... Дети! Всё смотрят... Скажите им, чтоб ушли!

В углу никого не было. Лишь лунный свет чертил на обшарпанном полу бледный квадрат. Но старик видел. Он видел то, от чего седеют за одну ночь.

Опытный врач, прошедший финскую и Великую Отечественную, седой Семён Борисович, разводил руками: «Предсмертный бред, деточка. Деменция на фоне атеросклероза. Что ты хочешь, вся жизнь — сплошной стресс, наганы да расстрелы. Вот нервная система и не выдержала».

Анечка кивала, но сердцем чувствовала: дело не в медицине. Она видела бред у других стариков — те звали матерей, возвращались в детство, что-то бормотали о коровах и сенокосе. Ермаков был другим. Он не бредил. Он оборонялся.

Однажды ночью крик стал невыносимым. Старик рыдал — горько, по-детски, вцепившись пальцами в казенное одеяло. Анечка вбежала в палату. Ермаков вперился в нее мутным, умоляющим взглядом.

— Попа... зови... — выдохнул он.

Анечка замерла. 1952 год. Свердловск. Вызвать священника в советскую больницу к «герою революции»? Это был верный путь в кабинет товарища майора из соседнего здания с решетками на окнах.

— Петр Захарович, успокойтесь, — залепетала она, — какой священник? Вы же коммунист. Вам отдохнуть надо.

Но старик будто не слышал. Он силился что-то вспомнить, его лоб покрылся испариной, губы беззвучно шевелились, складываясь в незнакомое, будто чужое слово.

— Прости... — прошептал он и вдруг крикнул четко и ясно, на весь этаж: — Иоанн! Кронштадтский! Прости!

Тишина, наступившая после этого крика, была оглушительной. Дежурный врач застыл в дверях. Санитарка выронила ведро. Имя, давно вычеркнутое из всех книг, произнесенное здесь, в цитадели победившего атеизма, прозвучало как выстрел из другого мира.

Ермаков затих. Он больше не кричал. Лишь шептал это имя, как заклинание, как последнюю соломинку, брошенную утопающему: «Иоанн... Кронштадтский...»

Утром он умер.

Анечка, заполняя бумаги, никак не могла взять в толк. Кто это — Иоанн Кронштадтский? Она спросила у старой нянечки тети Паши, которая еще помнила «ту» жизнь. Та перекрестилась украдкой и зашептала: «Святой был, доченька. К нему вся страна за молитвой ехала. Великий молитвенник

и провидец был... Только помер он еще до революции, в тысяча девятьсот восьмом».

У Анечки всё внутри похолодело.

Палач, доживший до глубокой старости, человек, который десятилетиями хвалился своей ролью в «историческом событии» и читал лекции пионерам о «справедливом возмездии», в свой смертный час звал не Ленина, не Сталина... Он не взывал к партии, которой служил всю жизнь.

Его душа, освобождаясь от каменной оболочки идеологии, в ужасе металась в поисках защиты. И в этом последнем, отчаянном поиске она не нашла ничего, кроме имени святого из той самой страны, которую он собственноручно и с такой ненавистью расстрелял в подвале Ипатьевского дома. Святого, который умер за десять лет до его страшного преступления.

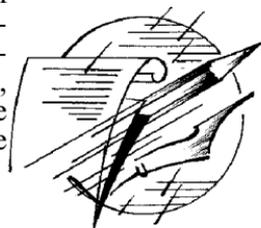
Почему именно его? Может быть, потому, что на невидимом суде, который начинается в сердце человека еще до Страшного Суда Господня, душа безошибочно знает, где истинная власть. И где единственно возможное заступничество. Этот крик был не просто предсмертным бредом. Это было страшное и невольное признание. Свидетельство, услышанное стенами советской больницы: можно убить Царя, но нельзя отменить Царство Небесное.

Эта история, затерянная в больничных архивах и устных преданиях, не о мести, а о тайне человеческой совести. Можно выжечь веру из книг и взорвать храмы, но нельзя отменить Божий суд, который начинается не за гробом, а в последнем вздохе человека, когда слетают все маски.

САТАНИЗМ ГУЛЯЕТ ПО СТРАНЕ

По стране шумит фестиваль ВК-фест на фоне того, что президент Путин требует укрепления традиционных ценностей. Шоу уже прошло в Челябинске и в «Сириусе» (Сочи). 29 июня, в воскресный день, ВК-фест дошел до Казани. Затем будет Санкт-Петербург и Москва.

Не надо всхлипывать и разводить руками: мол, надо же, что творится!.. ВК-фест — это то, что следует назвать уголовным преступлением. Это то, что содержит рекламу наркотиков, пропаганду разврата, педофилии, всевозможные анти-традиционные адские ценности. Доказательства не нужно искать. Их целыми ассенизаторскими цистернами предлагают сами певцы и артисты ВК-фест. На отдельных патриотических каналах приводится масса доказательств антисоциального и преступного содержания ВК-фест. Статья на одном из патриотических сайтов даже завершается таким обращением к читателям: «Призываем всех неравнодушных граждан обращаться в ответственные органы и требовать отменить ВК Фест как противозаконное, уничтожающее подрастающее поколение оружие. Оружие, которое на самом деле

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

страшнее и коварнее, чем какая-нибудь бомба или ракета. Оружие, которое нацелено на полное уничтожение России в недалеком будущем...»

На «Русской народной линии» было опубликовано обращение к первому замглавы администрации президента С. Кириенко с просьбой содействовать отмене ВК-фест.

Да, сегодня патриоты по всей стране устраивают многочисленные акции в защиту традиционных ценностей, в поддержку слов главы государства, который призывает к укреплению этих самых ценностей. Но при этом сильно удивляет то, что никакого реального противодействия грязному фестивалю под названием «ВК-фест» не оказывается. Подавляющее большинство патриотических организаций как будто не замечают то, что невозможно не заметить. Ведь это не какой-то разовый сомнительный праздник. Это масштабное многолетнее шоу, привлекающее миллионы детей и молодежи. И это шоу пропитано содомской грязью. Почти все видные организации и сообщества молчат. Молчат многочисленные православно-патриотические объединения, лидеры мнений, религиозные деятели.

Разве это трудно понять, что грязные адские шоу с миллионами молодых зрителей во время сегодняшних военных событий на Русской земле — это преступление против Бога и России? Вероятно, вдохновители и организаторы ВК-фестов ставят какие-то очень понятные для них цели. Вероятно, они хотят как-то увлечь и отвлечь молодежь от потенциальных протестных и даже революционных действий в стране. Но это не отвлечение, а духовное убийство. Это превращение людей в мычащих скотов и даже хуже. Со скотом можно ведь делать всё, что угодно. Поставить в стойло или сдать на бойню.

Вот прошёл очередной патриотический форум в одном из главных городов России. Опять говорили о ценностях традиционных. И ни слова о том, что совсем скоро в этом же городе пройдет многомиллионное шоу, на котором с больших сцен будет изрыгаться на обезумевших зрителей и слушателей то, что на зоне среди уголовников далеко не всегда услышишь.

Зачем вы собираетесь, братцы-патриоты? Чтобы друг с другом повидаться, языками поболтать да разойтись? Кому мы, такие патриоты, нужны? Богу? Или нашим святым предкам, нашему народу, живущему более тысячи лет под знаменем Христа?

ВК-фест — это прямое оскорбление Бога, России и нашего народа.

После критики в свой адрес организаторы и вдохновители шоу стали изворачиваться, убирать из списков каких-то отдельных «исполнителей», наподобие мразёныша «Лида», который воспевает педофилию и наркотики. Мол, одна из самых убудочных педофилических песенок «Лиды» — это просто какая-то ошибка, за которую сам «Лида» страшно переживал. Прочитируем одну из его самых, наверное, безобидных и «детских» песенок. «Девочка с милыми глазками — Бэмби. Сиськи такие, что можно сбивать кегли. Прижмись ко мне, я твой Тедди. До тебя я ничего не знал о е...е. Ну и что с того, что мы умрём? Я знаю, под землёй устроим тройничок с сатаной». Можно еще процитировать далеко не самое-самое из того, что было снято с участия в ВК-фест: «Твоё платье осталось на кровати. И мы катим в умате. Я на скейте, ты на самокате. Катим к твоей подружке Наде. Замутим порно пати. Пока не вернётся батя».

И процитируем Хаски, который не был снят с фестиваля. Вот, к примеру: «Сунуть реальность между титек и провалиться, как сифилитик, в меж пространство, где, эхом множась, пляшут тени других убожеств. Где в тележках пустые сумки возят ангелы-недоумки и бог из бежевого оврага глядит, как бешеная собака». Бедный Хаски мучается, наверное, за свои слова, сказанные «по ошибке»... Скажут: да это старое, Хаски уже другой... Ну вот совсем-совсем новое, откровенно суицидальное: «Пох..., что будет завтра. Хохот и дым изо рта. Я как пакет, который гонит ветер. Кроме дальних фар мне ничего не светит...»

Хаски — ведущий исполнитель на ВК-фест! Мучается, наверное... А каково всё это терпеть Сергею Кириенко? Ведь устраивает эти фестивали его сын. А дети из Движения Первых, которых старший Кириенко курирует, слушают Хаски, Элджея, Инстасамку, Лиду и целый легион грязных и матерщинных «лидеров молодежных мнений».

И как ты ни выкручивайся, как ни рассказывай, что убрали того или иного грязного «лидера мнений», сама идея ВК-фест — адская и надругательская по отношению к России и ее «традиционным ценностям». На Русской земле и на землях, где живут близкие нам люди — в Сирии, Палестине, в Иране — льется кровь. Вопль страданий доносится до Небес. В Сирии произошел теракт в храме Илии Пророка. Мученически погибли двадцать два человека. Все слышали мощные и пронзительные, как гром с неба, слова Святейшего Патриарха Антиохийского Иоанна Х. Патриарх говорил о погибших мучениках, об их Подвиге и о том, что новая террористическая власть в Сирии, ответственная за этот теракт,

всего лишь одним лицемерным телефонным звонком выразила свои лицемерные соболезнования. Гибнут мученики, наши православные братья в Сирии, гибнут наши сыны на Украине... А грязные подонки безнаказанно ржут, показывают свои задницы и блюют с больших роскошных сцен и больших экранов своей наркотической блевотиной на всё — на Россию, на Сирию, на наши святыни, на наших детей... Делают это они не где-нибудь в Амстердаме или Нью-Йорке, а прямо у нас, в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и по всей России...

Заполярную мерзлоту должны долбить кайлом вдохновители и организаторы содомских фестов в России. До конца своих дней.

Владислава РОМАНОВА,
кандидат политических наук

ТРЕТИЙ ПУТЬ ДЛЯ ЕВРЕЙСТВА

СМИ по всему миру не просто сообщают, а прямо-таки трубят, что после 7 октября 2023 года в Европе и США наблюдается резкий рост антисемитизма. До 13 июня с.г. шли протесты против агрессивных действий Израиля в Секторе Газа, а затем — против израильской и американской агрессии по отношению к Ирану.

У палестинцев внезапно нашлось много сторонников в лице левых. В начале июня 2025-го Грета Тумберг с друзьями на яхте поплыла в Сектор Газа. В Европе и США участились случаи нападения на студентов-евреев. Профессура Гарварда, как по команде, стала переосмыслять геноцид палестинцев, студенты-арабы и примкнувшие к ним чёрные, а также леваки, устроили протесты. В университетах Америки проходили акции в поддержку ХАМАС. Это показало, что в США всё больше мусульман и молодых людей левых убеждений.

В европейских странах тоже неспокойно. Из-за обилия представителей третьего мира там стало неуютно жить не только белым, но и евреям. Призрак антисемитизма вместе с призраком коммунизма вновь забродил по Европе. И

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

этим призракам, вероятно, неплохо платят. Ведь насколько все эти процессы естественны и не имеют тайной организационной составляющей — большой вопрос. Вспоминается, что в период активизации негритянского протестного движения ВЛМ даже официальные католические структуры в США выделяли большие «гранты» на достижение «социальной справедливости», то есть на организации чернокожих и арабских рабочих, участвовавших в беспорядках.

Удивляет, почему только ситуация в Секторе Газа вызывает антисемитизм, а как же ковид и войны, развязанные в Восточной Европе, а судьба Сирии? Ведь, согласно конспирологическим теориям, выгодополучатель здесь один и тот же.

Выступления арабской молодежи в США и Европе напоминают еврейскую проблему «наоборот». Когда-то недовольные своим униженным положением евреи были борцами за демократические свободы и носителями разрушительных левых идей. Они помогли сокрушить православную монархию, да и саму Российскую империю, прославились царевубийством и геноцидом православного народа. Теперь они сыты и довольны своими правами в США. Но кем-то создается новая революционная сила — арабы, лишённые родины, беженцы и темнокожие. Какую разрушительную роль ей отведут в будущем и куда направят — вопрос.

Как известно, с антисемитизмом в США стал бороться «защитник евреев» Трамп. От карательных действий пострадал Гарвард, «расплодивший антисемитизм» и другие элитные учебные заведения. Без соблюдения законодательных норм арабы депортировались из Америки.

Конечно, одна из традиционных задач в использовании жупела антисемитизма — усилить новые миграционные потоки евреев и полувреев из относительно богатых стран в Израиль. Но помимо этого, можно предположить, есть что-то ещё.

Если следовать конспирологическим теориям, то коль об антисемитизме заговорили столь громко, намеренно громко, то, значит, есть какой-то резон в этом для евреев. Но каких евреев? Ведь сегодня евреи евреям — рознь.

Больше всего представителей этого народа проживает в Израиле и США. Их численность в США (5,53 млн. в 2007 г.; 6,3 млн. в 2023 г.) уже не превышает население Израиля (4,9 млн. в 2007 г.; 7,3 млн. в 2023 г.). Но еврейский мир, как в Израиле, так и в США неоднороден и даже местами взаимно враждебен. Большая часть иудеев, переехавших в Америку 100—150 лет назад из Восточной Европы — либералы, поддерживающие Демократическую партию. Они не любят

Трампа, как ранее не любили Рейгана. Хотя обязательно являются сионистами, выступают за государство Израиль, за его демократическое развитие и безопасность, но сами предпочитают жить в США и свои права и достаток в Америке им по большому счету важнее, чем судьба еврейского государства. Это наиболее ассимилированная группа, довольствующаяся иудаизмом реформатских синагог, где дозволяются смешанные браки с неевреями. Вера в Мессию как личность там трансформировалась в представления о грядущей «эпохе мессии», когда усилиями человечества будет построено социально-справедливое общество.

Кроме того, после 1967 года начался разлад в сознании либеральных иудеев. В целом поддерживая Израиль, они стали осуждать агрессивный курс его правительства. Богатые либеральные евреи США даже спонсировали выступления и беспорядки против Нетаньяху в 2023 году.

И когда в июне 2025 года произошла атака на Иран, евреи-либералы, оставаясь сионистами, категорически потребовали от Трампа не осуществлять таких радикальных и преступных действий от их имени. Они утверждают, что Трамп, прикрываясь евреями, ущемляет демократию и расширяет свои авторитарные права.

Другая иудейская группа — хасиды-ортодоксы, проживающие в Америке, Израиле и еще много где, — негативно воспринимают ассимиляцию, современную культуру и светское образование. Их раввины требуют от евреев максимального исполнения бесчисленных религиозных норм, держаться на дистанции от современной культуры и нееврейского общества, и даже в чём-то воспроизводят добровольное гетто. Они категорически не приемлют смешанные браки и не считают евреями потомство от них. Мессия для них — реальная историческая личность. Ожидается, что с его приходом устроится государственная жизнь евреев. А нынешний Израиль, с ортодоксальной точки зрения, создан через махинации сионистов, захвативших власть над еврейским народом. К сионистам относятся крайне негативно, даже находятся те, кто утверждает, что холокост — сионистских рук дело. Потому к нынешнему Израилю, населённому недостаточно религиозными людьми, у них скептическое отношение. Некоторые из их среды даже поддерживают ХАМАС. В Израиле это основное религиозное направление, третирующее иудаизм реформатских синагог как ненастоящий с фальшивыми евреями.

Вышеописанные две группы в еврействе в том или ином виде существовали всегда, так как традиционно была вели-

ка диаспора и тенденции ассимиляции в ней. Из века в век с ассимиляцией велась борьба наиболее религиозно ревностных представителей еврейства.

Если либеральные иудеи в США традиционно политически очень активны и высоко образованы (активнее и образованнее рядовых американцев), то ортодоксы презируют как светскую образованность, так и политическую деятельность. Но во второй половине XX века из ортодоксальной среды вышла еще одна секта, которая, как говорят, предлагает третий путь для еврейства. Это путь усилившейся после Второй мировой войны политически и финансово секты Хабад из Любавичей (примерно 400 тыс. последователей). Ее штаб-квартира в нью-йоркском Бруклине. Хабад не гнушается взаимодействовать с политиками сомнительной репутации и новоявленными олигархами. Паства Хабад — евреи диаспоры, часто очень богатые и не желающие быть ни членами либеральных синагог, ни представителями ортодоксального гетто. Но мечтающие быть «настоящими евреями» в современном мире. Да, они не имеют возможности жить по Талмуду и отказаться от социальной мобильности и зарабатывания денег. Поэтому им предлагают выполнять те религиозные предписания, которые они могут, а самое главное, совершать дела «еврейского милосердия» под руководством Хабад. Секта распространена по всему миру, но наиболее активную работу ведёт в богатом ресурсами СНГ. Ее разветвлённую сеть поддерживают и финансируют олигархи из бывшего СССР — «алмазный король» Лев Леваев, окончивший когда-то иешиву Хабад и Роман Абрамович, построивший в Москве Центр толерантности. В этом центре под контролем раввина Берл Лазара хранится библиотека шестого раввина Хабад — Шнеерсона, высланного Сталиным из СССР и бережно вывезенного из Польши во время немецкой оккупации в Нью-Йорк.

Интересно, что именно с этой организацией Трамп, не признаваемый ни либеральными иудеями, ни ортодоксами, сильно связан. Вероятно, в качестве угрозы он открыто продемонстрировал либеральным евреям США свою связь с Хабад накануне президентских выборов.

7 октября 2024 года, в годовщину начала вооруженных действий в Палестине, он пришёл помолиться в самое святое для Хабад место — на кладбище Монтефиори под Нью-Йорком к могиле седьмого и последнего любавичского раввина Менахем-Менделя Шнеерсона и оставил записочку на могиле. Для политического пиара он прихватил старичка-еврея, прошедшего Освенцим, родственников пленённого па-

лестинцами израильтянина и еврейских студентов, побитых в кампусе. В соцсетях разошлось видео, где Трамп с кипой на голове читает вслух подаренную ему книгу псалмов.

И здесь возникает множество вопросов. Была ли это просто пиар-акция или скрытая угроза-посыл либеральному еврейству? Ведь ортодоксы-иудеи не раз говорили об ассимилирующемся еврейском народе, что «важно не количество, а качество». А Трамп не раз высказывал евреям США претензии и досаду, что его усилия по помощи Израилю приносят ему не сто процентов еврейских голосов на выборах, а всего лишь двадцать четыре.

Означает ли паломничество Трампа на могилу реббе признание им эсхатологии Хабад? Ведь еврейского учителя, на могиле которого молился Трамп, секта признала Машиахом и утверждает, что этот Мессия из Бруклина, скончавшийся в 1994 году, на самом деле жив. Именно он сделал секту столь влиятельной и очень символично благословлял приходящих однодолларовыми купюрами.

Понятно, что если Машиах уже пришёл, и он «жив», то дело за малым — привести мир в безжизненное состояние, чтобы в каком-то духовном виде, по учению секты, блаженствовали 600 тысяч «божественных» иудейских душ. А всё живое, включая и остальных людей, обратилось обратно в ничто.

Возможно, президента США каббалистическая эсхатология секты и собственная загробная участь так глубоко не интересуют, как её возможности в финансовом и политическом мире. Не исключено, что паломничество — сигнал, что он готов принадлежать к новому политическому поколению «зажигателей». Ведь на эту могилу стали захаживать многие «зажигатели», в том числе и аргентинский президент Хавьер Милей, который представляет себя то католиком, то иудеем.

И здесь вспоминается тенденция, характерная для Европы, Америки и Азии. Повсюду появились «поджигатели»: последние десятилетия пестуются, финансируются и развиваются наиболее радикальные политики, партии и движения, которые должны взорвать мир и единодушные среди народов.

Если пятидесятники, то обязательно те, кто выступает за агрессивную и наступательную политику как Израиля, так и США, за ядерную войну или так называемый «пентохолокост» и Армагеддон, во имя скорейшего «второго пришествия Иисуса Христа».

Если политические партии, то радикальные, националистические или откровенно фашистские. В последние годы

продвигают по карьерной лестнице исключительно ястребоподобных политиков. Макрон на глазах «оперился» в хищных тонах, германский канцлер тоже хотел бы проявить птичью остроту глаз и когтей. Ведущий Владимир Соловьев, носящий цитату из Торы у сердца (судя по оплетённым ремнями рукам в некоторых передачах) **регулярно выступает с радикальной риторикой.**

Но либеральных иудеев в США должно было напугать не только это паломничество на могилу «мессии», но и ближайшее политическое окружение Трампа. Где много лиц, являющимися антисемитами и людьми к юдофилии равнодушными. Министр обороны США Пит Хэгсет известен как христианский националист, который активно стремится к тому, чтобы Пентагон очистился от представителей меньшинств, в том числе от евреев. Спонсор президентской кампании Трампа Илон Маск запомнился зрителям инаугурации фашистской зигой.

Совсем не сложно предположить, кто может стать новой жертвой пестуемого арабского и левого антисемитизма в США и Европе.

Конечно, в самом Израиле в результате военных действий пострадают далеко не хасиды, а простые светские люди, которых призовут в армию и бросят в топку войны. Хасиды не учатся в университетах, где в кампусах всё чаще избивают студентов из либеральных еврейских семей. Потому либералы-иудеи («неполноценные евреи» — с позиции ортодоксов), которые всё меньше отвечают потребностям радикального внешнеполитического курса США, Трампа и современного Израиля, тоже могут стать новой мишенью для агрессии. Может быть, именно им направлены все новостные потоки с запугивающим жупелом усиливающегося антисемитизма. Тем, кто «выродился» и стал плохо выполнять свою роль «богоизбранного народа».

И напоследок хотим вспомнить, что в 2016 году, за три дня до президентских выборов в США помолиться за Трампа на могилу к «машиаху» Шнеерсону приходила Иванка Трамп с мужем. Пишут, что Иванка и Джаред Кушнер живут рядом с вашингтонской синагогой Хабада и регулярно ходят туда. Хотя по учению этой секты, судьба Иванки, даже принявшей иудаизм — незавидная... Но об этом знают не все. Иванка, наверное, не в курсе. Скорее всего, она спасается делами милосердия в пользу евреев и вместе с мужем и отцом верно служит делу Машиаха...

Евгений ВЕРТЛИБ,
президент Международного института стратегических
оценок и управления конфликтами (Франция)

ЯДЕРНАЯ СКРЕПА

Принцип «если драка — бей первым»: декларация без реализации. Путин давно обозначил установку: «если драка неизбежна — бить нужно первым». Это не просто фраза из уличного фольклора, а якобы новая стратегическая доктрина, где Россия становится субъектом проактивного устрашения. Но на практике сей принцип остался в виде риторики, тогда как Запад наращивает темпы военной и экономической агрессии.

«Запад, — не сомневается Сергей Кургинян, — воспринимает только силу и только силу иррациональную, непредсказуемую. СССР боялись, потому что он был вне их логики».

Несмотря на беспрецедентное давление, Кремль «держит лицо», но не показывает зубов. Почему тактический атом не применяется? В условиях, когда: уничтожается живая сила и техника ВС РФ на фронте, у Запада не исчерпаны ресурсы поддержки Киева; угроза прямого НАТОвского вмешательства нарастает; демографический и мобилизационный ресурс России конечен — все предпосылки для ограниченного ядерного удара наличествуют. Сергей Караганов, в своей «ядерной доктрине устрашения» пишет: «Запад потерял страх перед Россией. Без восстановления страха — не будет мира». Он предлагает предупредительный удар по одному из островов Британии — не в Лондоне, а так, чтобы «воспитать». Но в Кремле молчание. Почему?

Ответ в трёх контурах: 1) психологический: Путин — не Сталин. Он осторожен, взвешен, системен, но не иррационален. Это делает его удобным и предсказуемым. Запад это знает.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

А значит — не боится. 2) экономический: олигархический слой, «системные либералы», держат капиталы, детей, резидентность в Лондоне, Цюрихе, Дубае. Война — да, но без разрушения мира, где их активы. 3) предательский: внутри системы остаются те, кто саботируют поворот к мобилизации и ядерной логике. Это — не агенты, это прагматичные функционеры, для которых «всё не так однозначно». С. Михеев жёстко формулирует: «Власть пока живёт в старой парадигме — будто можно договориться. А с сатаной не договариваются — его либо изгоняют, либо подчиняются».

Когда — и будет ли — удар? Точка невозврата всё ближе. Возможны три сценария. А: «Терминатор» — Запад вводит ограниченный контингент на территорию Украины. Россия, не выдержав удара, бьёт по центру принятия решений — в Польше, Румынии, Британии. Б: «Кипение лягушки» — продолжается вялотекущая мясорубка, внутренний подрыв усиливается, и страна входит в фазу скрытой капитуляции. В: «Имперский переворот» — в элите формируется новый ястребиный контур, который, как в 41-м, принуждает власть перейти к «новой онтологии» — ядерного устрашения как основы национального бытия. «Мир перестал быть рациональным. Побеждает тот, кто не боится абсурда. Ядерный шантаж — это логика не смерти, а жизни. В условиях смерти — он спасение», — пишет Кургинян.

Чем всё закончится? Россия — не может проиграть. Но победа невозможна без смены онтологического состояния власти: от бизнес-администрирования — к экзистенциальной мобилизации. Без ядерного устрашения, в том числе реализованного, Запад не остановится. Караганов называет это «реалполитик новой ядерной эпохи»: «Либо Россия вернёт страх, либо её поглотят. И это не метафора — это счет в месяцах». Мы живём в мире, где побеждает тот, кто готов идти до конца. Путин пока держит меч в ножнах, но враг уже взял топор. Если Россия не ударит первой — её ударят в сердце. Без права на ответ. Или страх, или смерть. Среднего не дано.

Кремль всё ещё в фазе «осторожного бездействия. Проблема — в глубинной раздвоенности путинской системы. С одной стороны — риторика борьбы с Западом, мобилизация, санкции, парады, оружие возмездия. С другой — осторожная бюрократическая логика «не довести до третьей мировой», попытка балансировать между войной и бизнесом, между геополитическим вызовом и комфортом элиты. Вот и рулят никак — лишь бы «не навредить» хоть как-то работающей ЕБНовой системе «рокировочек — сдержек — противовесов»), предотвращая тем самым бунт элит.

Но не может быть вечным сей «болевой экзистенциальный шизофренический разлом» внутри истеблишмента. «Это не трусость в классическом смысле, это онтологическая неготовность перейти черту. А война требует именно перехода черты», — уверен Кургинян. Путин стоит между двумя безднами: 1) поражение, распад, хаос, майдан в Москве; 2) открытие ядерной эры, в которой он станет мировым антилидером. Но реальность не даёт остаться в «золотой середине». Мир вышел из фазы баланса. Нужна решимость.

Запад ставит на затяжное истощение, и Россия уже проигрывает в темпе. Сергей Михеев жёстко формулирует: «Запад играет вдолгую, а у нас — годовые бюджеты. У них — идеология, у нас — проценты по ВВП. Мы не хотим менять страну под войну. Они — уже изменили свою под наступление». И каждый месяц промедления для РФ — это: утрата технологических позиций; вымывание кадров; деморализация общества; привыкание к бессмысленной смерти. А главное — обесценивание страха перед Россией. Раньше Запад верил, что «у русских может сорвать резьбу». Теперь — убеждён, что «русские терпят». Это и есть катастрофа — не геополитическая, а ментальная.

Как быть РФ с доктриной Караганова? Жест «вмазать по Западу» — это не блеф, а просчитанная стратегия перехода к новой парадигме глобального баланса через «ограниченное ядерное воспитание». Не массовая гибель — а взрыв табу. Он пишет: «Не надо бояться осуждения. Надо бояться проигрыша. Победителей не судят, проигравших — не слушают». Кто может реализовать доктрину? Либо сам Путин — в случае радикального ухудшения ситуации. Либо постпутинский ястреб, если система рухнет в результате внешне-внутреннего кризиса. Либо — молча появившийся «внутренний триумвират», опирающийся на силовиков, ядерное лобби и часть мобилизационного народа.

Что должно предшествовать ядерному шагу? Перед тем как ударить, Кремль должен: выйти из парадигмы «партнёров» и «непересечённых красных линий» — заменить это на военную онтологию; объявить мобилизационный ультиматум миру: «Ещё один шаг — и вы не проснётесь»; подчеркнуть священный характер удара: не акт мести, а акт исторической справедливости и сакрального возмездия; сформировать новую русскую стратегию: победа через страх, управление через священный ужас, безопасность через безумие. Это и есть высший уровень стратегической субъектности.

Бить или не бить? — вот вопрос. «Выигрывает не тот, кто сильнее, а тот, кто готов идти до конца. А мы пока играем в границы, в законы, в мир, которого больше нет», — пишет

Михеев. Кургинян дополняет: «Только страх священного возмездия — может остановить расчеловеченный Запад. Пока Россия не вырвется из логики процента и курса доллара — она обречена на угасание».

Россия стоит у бездны — и продолжает копать. Но дно близко. Либо прорвём в небо, либо сгинем в геополитической утилизации. Ядерная бомба — это не оружие. Это — крест нашего будущего. Им или спасают, или хоронят. Другого уже не будет. У России остался только один путь: либо идти с Крестом, либо быть распятой на нём. Ядерная бомба — это уже не просто оружие. Это — крест нашего будущего, страшный, сияющий, как икона апокалипсиса. Им либо спасают, разрывая в клочья демоническую бесчеловечную систему, либо хоронят, если не решаются поднять. Иного больше не будет. Мир вошёл в эпоху, где без готовности уничтожить — тебя уничтожат. А потому вопрос стоит не «применять или нет», а: готова ли Россия снова стать Империей, которая воскрешает страх, побеждает смерть и устанавливает сакральный порядок силой огня. Или — бесследно исчезает среди руин собственных компромиссов.

Московское вежливое выжидание у моря погоды — контрпродуктивно. Даже теоретически такая стратегия пассивизма странна, как минимум, для Пентагона. Судя хотя бы по цитате из официального документа сего военного ведомства США: «Сдерживание не работает, если противник не верит в твою решимость применить силу». Таким образом, дальнейшее промедление не снижает, а повышает риск большой войны, поскольку противник ощущает безнаказанность и стремится разорвать оставшиеся сдерживающие контуры.

Русская народная линия

Андрей СОШЕНКО

БОЛЬШИЕ ИЛЛЮЗИИ

1

Развитие компьютеризации в целом положительный фактор в деле соответствия современным требованиям технического прогресса. На компьютеризированный метод во многом переведены вопросы управления и связи органов управ-

ления страны и общества, всех государственных и хозяйствующих субъектов. Старые методы связи, делопроизводства, передачи властных распоряжений неоправданно объявляются «архаичными», разрушаются. Примером может являться отлаженная многими поколениями управленцев система «бумажного делопроизводства» и морально устаревших, но надежных средств передачи информации и властных установлений посредством проводной телефонизации и фельдъегерской связи. В настоящее время эти системы заменяются электронным документооборотом, т.н. «электронным правительством», «электронными услугами» и т.п. Обновляющимся действующим законодательством постепенно, но верно за «электронным документооборотом», «электронной подписью», «электронной» передачей властных резолюций всё сильнее закрепляются и монополизуются юридический и фактический порядок принятия и доведения приказов и указов органов власти, их должностных лиц, отодвигая на второй план и разрушая старую отлаженную систему управления.

Однако в случае нанесения по России масштабных электромагнитных воздействий или хакерских атак, управление части или всего государства может быть парализовано, что приведёт в чистом виде или в сочетании с иными дестабилизирующими факторами к непредсказуемым потрясениям для России. Под лозунги «модернизации», привлечения молодых и «квалифицированных» кадров, владеющих «современными информационными технологиями», разрушается прежняя и надежная система управления государством.

В целях обеспечения безопасности и стабильности управления государством и предотвращения последствий электромагнитных диверсий и хакерских атак нельзя отказываться от прежних проверенных способов управления — «бумажного документооборота», «архивного дела», фельдъегерской связи, телефонной проводной связи. В этих целях необходимо принятие федеральных правовых актов, дающих дальнейшее развитие вышеназванных способов, системно закрепляющих юридическую силу доведения властных распоряжений и документов на основе надежных и проверенных временем систем, методов и процедур. При этом «электронные» методы также должны развиваться, но в качестве дублирующих, улучшающих и ускоряющих процесс принятия решений и доведения их до соответствующих субъектов права, но не заменяющих надёжные и привычные методы управления.

Следует с осторожностью относиться к внедряемой системе «электронного правительства» и «электронным услугам», предоставляемым органами власти населению. Одно дело,

если вышеназванные понятия снижают время получения услуг и повышают степень «обратной связи» с должностными лицами органов власти. Но те же системы могут быть использованы мировой закулисой и «пятой колонной» для тотального контроля и управления над жителями России.

В материале 2020 года «Завтрашнее «восстание машин» нужно предотвращать сегодня» я задавался вопросами: что мешает нашей стране, во-первых, законодательно внутри страны наложить запрет на разработки, потенциально могущие подчинить человеческий интеллект искусственному интеллекту, а во-вторых, официально поднять этот вопрос на международном уровне, чтобы на всемирном уровне выработать такие же ограничения?

Для меня непостижимо, как люди, которые сейчас доминируют во власти страны, не могут понять этих элементарных вещей и продолжают страну загонять в горнило угроз?! Это же должно быть понятно любому ответственному человеку. Но федральной власти страны, оказывается, не поддаются осмыслению эти элементарные императивы. О духовной составляющей уж и не говорю! Это, наверное, совсем высоко для «прогрессивных» и «креативных» чиновников. Но почему не поддаются власти осмыслению указанные риски хотя бы через призму государственной безопасности страны?! Почему молчат, например, структуры, в компетенцию которых напрямую входят вопросы государственной безопасности?

Только профессионал в сфере информационных технологий, президент группы компаний InfoWatch, сооснователь и бывший генеральный директор компании «Лаборатория Касперского», общественный деятель, председатель правления Ассоциации разработчиков программных продуктов «Отечественный софт» Наталья Касперская на официальном уровне кричит о проблеме! Но, странное дело, и её во власти не слышат.

В Нижнем Новгороде 5 и 6 июня прошёл первый Глобальный цифровой форум. На нём выступила Наталья Касперская. процитирую Наталью Ивановну максимально полно (но в сокращении):

«Унас цифровизация — очень модная тема, все мы быстрее бежим в цифру... Вся она построена на данных. Надо понимать, что данные, которые мы отдаём в облака, в какие-то госсистемы, подвержены рискам инфобезопасности. Эти риски просто невозможно купировать, задача до сих пор не решена. Вообще не решена. Если вы поставите задачу гарантированного избавления от утечек, то ее на сегодня человечество

нигде не решило. То есть отдаём данные в цифру — получаем гарантированное повышение устойчивости.

Оборудование и устройства у нас в основном иностранного производства. У всех вас в карманах лежат смартфоны. Посмотрите внимательно, чье они производства... Это иностранные платформы, работающие на облачных технологиях. Это значит, что все наши данные принадлежат производителю, устройство которого лежит у вас в кармане. Либо это американцы, либо китайцы, которые не посмущаются написать туда различных закладок. Это значит, что все наши данные доступны. Мы потом можем ставить туда любые системы госуправления, которые такие славные и хорошие, но вы понимаете: если это платформа, на платформенном уровне они могут быть перехвачены. Как вы их собираетесь защищать? И как мы создадим щит кибербезопасности страны? Ответ — никак. На иностранных системах это невозможно. Надо все системы заменить, это — полное импортозамещение. Но его у нас в этой сфере пока не сделано.

Максут Игоревич Шадаев (министр цифрового развития) раньше говорил, что наш идеальный чиновник — это «чиновник-робот», который будет управляться системой. И здесь у нас тоже звучало: «У чиновников будет возможность быть управляемыми электронными системами». То есть мы предлагаем электронный кнут для чиновников. Это не нравится чиновникам, явно снижает их мотивацию. И вообще-то мы имеем непредсказуемые социальные риски. Что проще сделать системе? Проще послать человека на фиг. По внедрению электронных помощников это прекрасно видно. Электронных помощников сейчас внедрили везде. Вы сейчас звоните в банк, а поговорить с человеком невозможно. Вам отвечает робот. Десять минут вы пытаетесь что-то электронному болвану сказать. Электронный болван что делает? Он вас посылает. Если у вас чуть-чуть сложная проблема, то пробиться через искусственный интеллект просто невозможно.

Представим себе, что мы оцифровали всё. Там люди, граждане, уже никуда пробиваться не будут. При этом электронные болваны будут давать сами себе прекрасную статистику — будет всё выглядеть так, будто государственное управление у нас будет на «очень высоком уровне».

Вы не задумывались над тем, что цифровизация — это электричество плюс интернет?.. Я сейчас живу на даче за городом, у нас интернет с вечера и до утра отключают, все мобильные операторы это делают... Потому что летящие на Москву БПЛА ориентируются по вышкам... Давайте будем честны — мы идем к глобальной войне. У нас через некоторое

время отключение интернета будет нормой. Как в этом случае мы будем стучаться к государственному умнику? Зачем далеко ходить — у нас тут, на встрече с министром Максимумом Шадаевым, перестала работать электронная идентификация. А по бейджи и паспорту меня пускать отказались. Собралась толпа. Я говорю: «Смотрите, у нас бумажная карточка, вот здесь записана моя фамилия, я готова предъявить паспорт, чтобы вы сверили». Они говорят: «Нет, нам нужно в систему»... Это очень характерный пример.

Если мы будем полагаться на электронные системы, то в момент отключения этих систем мы рискуем оказаться безрукими, глухими и слепыми котятками. Это просто гигантский риск, который нельзя недооценивать.

Еще хочу сказать по поводу ИИ. Здорово, что он у нас есть, это очень модно и молодёжно. Но надо понимать, что система, основанная на нейросетях, имеет ложноположительные и ложноотрицательные срабатывания. Это значит, что она, по определению, будет глючить... Мы имеем дело с ключевыми системами, поэтому предложение внедрить в государственные системы с принятием решения на уровне принятия ответственных государственных решений, типа юридических документов, — это просто, коллеги, нельзя! Также нельзя внедрять эти системы в медицине... Врачи тоже ошибаются, но врач несёт ответственность. А тут кто будет ответственным? Электронный болван? Кому вы будете предъявлять претензии? Разработчикам системы? А разработчик скажет: «Ая чего, я вот систему разработал, это вообще «чёрный ящик»...

Почему из года в год, собираясь на конференции по ИИ, мы не говорим про «чёрный ящик»?.. Из года в год мы собираемся и говорим про риски искусственного интеллекта, но проблемы из года в год не решаются. Сейчас еще появляются «дипфейки», вообще не отличимые от реальности. Мы что-то придумали — что делать с «дипфейками»? Они сейчас такого уровня и качества, что вообще неотличимы от реальности...

Когда мы что-то цифровизируем, то должны обязательно иметь дубль в бумаге.

Задача, которая тут была озвучена: «отказ от бумаги к 2030 году» — это диверсия под государственное управление. На мой взгляд, это госизмена.

Давайте прямо называть вещи своими именами. Мы сейчас всё переведём в цифру, а когда нас накроет, мы просто окажемся безрукими и слепыми... Кто-то здесь говорил о щите? Нет у нас щита, коллеги! У нас дыры сплошные на небе!..»

Наталья Ивановна констатировала, что тезисы о безальтернативности бесконтрольного развития ИИ явно надуманы, что информационная безопасность при усугублении ИИ

работает всё хуже и хуже, а меры не предпринимаются. Повторю вслед за ней самое главное: отказ от бумажного документооборота к 2030 году — это диверсия под государственное управление!

2

Горько наблюдать, как Россией теряется время по освобождению русских территорий т.н. Украины. СВО проводится крайне медленными темпами: с такой скоростью освобождения, по 1-2 населённых пункта в день, война может длиться ещё несколько десятилетий. Разумеется, у России нет такого срока. Значит — киевский режим сохранится на значительной части Малороссии. Значит — цели СВО (денацификация и демилитаризация т.н. Украины) не будут выполнены.

Более года назад в материале «Потерянное время» в очередной раз констатировал, что враги используют медлительность и просчёты Москвы, вводя СВО в режим застоя.

Сейчас Служба внешней разведки России сообщает: «Британия и США решили, что замена Зеленского назрела». Представители США и Великобритании организовали тайную встречу в одном из курортных альпийских местечек, где провели «выборы» президента Украины.

В сообщении пресс-бюро СВО указывается: «Достигнутое в Альпах соглашение проливает свет на подоплеку недавней скандальной попытки «президента» ограничить полномочия местных антикоррупционных структур. Расчищая политическую «поляну» для Залужного, Ермак «подставил» Зеленского — убедил его, что такой шаг не испортит отношения Киева с западными партнёрами, а на самом деле создал для Запада повод начать кампанию по отстранению «просроченного» от власти как «покусившегося на демократию».

Как уточняет ТАСС, США и Великобритания решили, что вопрос замены Владимира Зеленского назрел. Согласно информации, распространённой СВР, обсуждались возможные варианты замены Зеленского «на посту главы киевского режима». Все участники встречи пришли к единому мнению о том, что необходимость такого шага назрела уже давно. Смена Зеленского, по существу, стала ключевым условием «перезагрузки» отношений Киева с западными партнерами, прежде всего с Вашингтоном, и продолжения западной помощи Украине в противостоянии с Россией.

По данным СВР, инициаторами смены руководства стали США и Великобритания, которые приняли решение продвигать Валерия Залужного в качестве кандидата на пост прези-

дента Украины. Сообщается, что руководитель офиса президента Украины Андрей Ермак и глава украинской военной разведки Кирилл Буданов поддержали это решение. Взамен, утверждают в российской разведке, они получили от западных представителей обещания сохранить свои текущие должности и участвовать в дальнейшем распределении ключевых постов. В СВР заявили, что «выборы нового президента Украины, по сути, уже прошли — на альпийском курорте».

Нет сомнения, что ряд российских «экспертов» сейчас начнёт нам привычно рассказывать о предпочтительности для Москвы Залужного по сравнению с Зеленским. А ведь Залужный такой же вражина для России, как и Зеленский. Именно он в статусе главкома ВСУ отдавал преступные военные приказы, он не в меньшей степени виновен в убийстве русских людей, чем «клоун» Зеленский.

А то, что экс-главкома ВСУ в мае 2024 года назначили послом т.н. Украины в Великобритании, так это был плановый ход Запада с прицелом именно такой «смены» власти Киева. Это было ясно и тогда. Смена Зеленского на Залужного ничего не меняет для России, а даёт лишь очередную иллюзию «перемен», под которую вновь будет отодвигаться реальное освобождение Малороссии от киевской хунты.

И повторим маленький акцент из сообщения СВР России: «Смена Зеленского, по существу, стала ключевым условием «перезагрузки» отношений Киева с западными партнерами, прежде всего с Вашингтоном, и продолжения западной помощи Украине в противостоянии с Россией».

Это к тому, что у нас некоторые умники любят порассуждать о том, что центральным звеном западной помощи Киева является Лондон. Мол, именно он стоит за всеми ключевыми решениями как «коллективного Запада», так и конкретно Киева в войне против России. Нет же! «Центр принятия решений» — Вашингтон! А Англия — рычаг и механизм в проведении политики США.

Пророссийских или хоть отдалённо отвечающих интересам Русского мира кандидатов в президенты т.н. Украины никогда не было и тем более нет и сейчас. Я неоднократно призывал дать со стороны России официальную оценку режиму в Киеве как преступному, преследующему геополитические интересы Запада по уничтожению России. А также призывал перекрыть все финансовые потоки на т.н. Украину из России, заявить о невозможности со стороны России вести диалог (кроме ультиматумов и требований) с преступными «властями» Украины, осуществить прямую финансовую и организационную помощь лидерам русского сопротивления

ния в Малороссии и выдвинуть ультиматум оранжево-коричневой хунте...

Однако большинство российских официозных глашатаев, напомяну, накануне выборов в 2019 году рассказывали нам, как всё чудесным образом изменится на Украине, если президентом будет избран Зеленский. Ну и как? Изменилось?

Это будет не ошибка. Это будет хуже, чем ошибка, потому что повторится не в первый раз. А ошибка, в свою очередь, как известно из распространённой фразы, «это хуже, чем преступление». Если бы Россия в 2019 году (о 2014 году уж и не говорю) выдержала принципиальные моменты по непризнанию преступного режима, то и возвращение Малороссии в состав единой Руси-России шло бы иным образом, давно бы свершилось, не было бы таких многотысячных жертв русских людей.

Вот и сегодня в связи со сценариями, в соответствии с которыми киевский режим может назначить выборы или каким-либо иным образом сменить своих первых лиц во власти, хочется спросить: «Какая разница для России — Зеленский или Залужный? Оба хуже! Они все из одной банды.

Какая разница России, будут ли вообще назначены и проведены выборы на «их» Украине или нет? Если угодно, то, участвуя в дискуссии о смене «их» президента, Москва косвенно легитимизирует режим, придаст видимость законности вообще существования самой киевской хунты.

Зеленский, кроме всего прочего, является ещё и «просроченным», потому как даже по «их» законам срок его президентских полномочий истёк в мае прошлого года. Но дело не в этом. Они (все потенциальные кандидаты) преступны, все вне закона. Хоть какой-то оттенок на легитимность органов власти и должностных лиц т.н. Украины закончился Майданом, антиконституционным переворотом в Киеве в 2014 году. Все персоналии с 2014 года и все решения этих «деятелей» на т.н. Украине — НИЧТОЖНЫ! На этом должна стоять Россия.

Между тем, нужно просто освобождать русские земли Малороссии, не оставлять под властью хунты ни одного региона. Всё, что останется за киевским режимом, будет затем использовано Западом для уничтожения России.

Все иллюзии очень дорого обходятся. Альтернативы искоренению всей киевской хунты и освобождению всех русских земель для России не существует. Вот только вопрос во времени и цене. Чем позже, тем дороже будет обходиться, а стоимость выражается в тысячах человеческих жизней.

ПРИБЛИЖЕНИЕ АНТИХРИСТА

Трампа как будто бы «помазали на царство». Чем помазали — неизвестно. «Архиепископ Константинопольского патриархата в США Элпидофор (Ламбриниадис) призвал президента Дональда Трампа «сделать Америку непобедимой», сообщает пресс-служба Греческой православной архиепископии. Священнослужитель подарил политику святой крест с фразой «Иди и победи».

Архиепископ Элпидофор дал понять и Трампу и всем на свете, что американский президент — это как бы новый Константин Великий. «Вы напоминаете мне великого римского императора Константина, который основал и построил великолепный город Константинополь — мою родину, сегодня известную как Стамбул», — заявил льстивый константинопольский архиепископ в каменное лицо Трампа.

О том, что Трамп активно участвует в строительстве мировой монархии, и в этом проекте «Трамп — царь всея Америки», известно давно. Еще в предыдущий срок американского президента рассказывали о его монархическом стиле правления, о том, что Трамп — это царь... Вот, например, на канале «Си-эн-эн» некий английский еврей (см. Википедию. — **И.Р.**), историк Саймон Себаг Монтофиоре рассказывал в 2018 году: «С точки зрения политики, Дональд Трамп хочет быть первым американским царем, он хочет быть американским Романовым. Он правит с помощью указов, опирается на очень небольшой круг людей, он обращается с министрами, как с личными слугами, он ставит членов своей семьи на должности: обличенные властью, ведь они единственные, кому он на самом деле доверяет. Так что в этом плане он и правда первый американский царь».

Как историк этот Саймон выглядит весьма грустно и неубедительно. Достаточно обнаружить его весьма лживые и даже полусумасшедшие по содержанию книжки, где он описывает российскую монархию и русских царей... Тем не ме-

нее не только Саймон, но и многие куда более влиятельные евреи хотели бы слепить из Трампа монарха. Не стоит забывать о большой израильской родне старика Дональда, о его тихом иудейском зяте Кушнере и всех, кто стоит над Кушнером, за Кушнером и под Кушнером. Миллион свидетельств и доказательств тому. Значительная часть окружения Трампа — сионисты. Даже его пресс-секретарша.

Из Трампа стремительно делают царя. Воспользуемся цитатой свежей статьи издания «Свободная пресса»: «...С точки зрения группы, которая правит сегодня Америкой, находясь за спиной Трампа, необходима автократия, новая монархия, которая заткнет рот всем недовольным».

Один из архитекторов так называемого «трампизма», миллиардер и воинствующий содомит Питер Тиль — оказывается, сторонник абсолютной монархии. Монархия его интересует в основном как возможность сохранения власти небольшой группы избранных и гарантия вечного получения прибыли этой группой.

Паршивым и лживым спектаклем выглядит со стороны константинопольского архиепископа благословение и признание Трампа «новым Константином Великим». Трамп считает себя «внеденоминационным христианином», покровителем всех христиан. При этом на деле он не православный, не католик и даже вообще не христианин по своим взглядам и убеждениям. Он ведь на своей инаугурации демонстративно отверг Библию, чтобы не приносить на ней клятву. Но самое существенное в нехристианстве Трампа — это то, что он всем своим телом и душой служит сионистским интересам Израиля. Как известно, в Израиле, в Иерусалиме, в воссозданном третьем иудейском храме должен появиться антихрист. Трамп уже сегодня открыто и агрессивно служит антихристу.

В мире есть целый слой людей, отрицающих Христа и даже ненавидящих Его, считающих себя избранными и ожидающих прихода к власти во всем мире монарха-антихриста.

Кстати, в России тоже заметны вполне официальные тенденции к установлению монархии. Но отнюдь не православной, а эдакой «внеденоминационной», экуменической, где «все религии ведут к одному Богу». Но так же как и в случае с Трампом, и у нас могут быть задействованы «православные иерархи», которые, если надо, помажут царем кого надо, и крест вручат, кому нужно. Но всё это лишь для картинки, которую должны принять миллионы православных верующих.

Очевидно, что кому-то в России нужна монархия того же предназначения, как у трампистов, как у содомита Питера Тили. То есть такая монархия, которая может обеспечить аб-

солютную и бессрочную власть тем, кто желает сохранить свое большое имущество и капиталы, кто уже вошел в десятку групп, избранных на мировом уровне.

Надо бы обращать внимание на тех людей у нас в стране, которые выражают искренние симпатии к Трампу и даже стремятся поддерживать его. На тех, кто восхищается «трампизмом». Речь не о простых обывателях, жертвах политики масс-медиа. Речь об экспертах, журналистах, политиках, бизнесменах, о так называемых лидерах мнений, имеющих осведомленность о позициях, убеждениях команды Трампа и его самого. Позиции и убеждения, да и дела у этой команды глубоко антихристианские. Этой теме уже посвящено немало исследований.

На наших глазах строится мировая антихристианская монархия. Вероятно, путь к этой монархии лежит через устройство двух «великих империй» — Американской и Евразийской. Эти империи обязательно должны столкнуться. В результате столкновения установится единая глобальная империя. С новым императором во главе. Не с Трампом и не с каким-нибудь новым евразийским лидером. А с антихристом из Иерусалима.

Но это всё планы тех, кто борется со Христом и мечтает об абсолютной власти над человечеством. Как сложится всё в реальности — зависит от Бога и от нашего духовного выбора. Если мы не на словах и не ради пиара или какой-нибудь моды, а на деле будем со Христом, будем стремиться подражать жизням наших святых, а не болтовне об их жизнях в телеграм-каналах, то будет в России настоящий Помазанник Божий. Будет у нашего народа не израильский, а Русский православный царь.

Владимир ВАСИЛИК,
протоиерей, доктор исторических наук,
кандидат богословия

ЗВЕНЬЯ ОДНОЙ ЦЕПИ

В последнее время мы наблюдаем, как мир от управляемого хаоса сваливается в пропасть хаоса неуправляемого. Взрывы мостов, а затем атаки на стратегические бомбардировщики в России, и, наконец, бомбардировки ядерных объектов Ирана со стороны Израиля и убийство (иначе это не назо-

вещь) ведущих учёных ядерщиков Ирана. Среди них учёные с мировыми именами — Абдулхамид Минучер, Ахмадреза Зольфагари, Амирхосейн Фахи, Мотаблизаде, Мохаммад Мехди Техранчи и Ферейдун Аббаси-Давани. Многие из них учились в Москве. Учёных убивают по простому подозрению в том, что они могли участвовать в создании ядерного оружия, существование которого у Ирана абсолютно не доказано.

А если завтра заговорят о том, что какая-то страна якобы хочет создать бактериологическое оружие, то, значит, будем убивать биологов в любой точке земного шара? А если появится журналистская сплетня, что Россия собирается создать психологическое оружие, то завтра в Москве и Петербурге прямо на улицах будут взрывать автомобили с психологами, и в здании Психологического факультета СПбГУ будут рваться ракеты? Никогда государство-террорист не было столь нагло и безнаказанно, как ныне Израиль, и никогда мир не был столь близок к третьей мировой войне.

Разговор о том, что якобы Иран создал ядерное оружие, явно неоснователен и, скорее всего, является дымовой завесой. Даже директор Национальной разведки США Тулси Габбард заявляла: у американских спецслужб нет информации о разработке ядерного оружия в Иране.

Непредубежденному наблюдателю становится ясно, что атаки на российские стратегические бомбардировщики и бомбардировки Ирана планировались если не одними и теми же специалистами, то из единого центра. Налицо стремление разжечь ядерную войну (как в России) или устроить ширококомасштабную ядерную катастрофу с утечкой радиации (как в Иране).

А если мы снова обратимся к теме истребления учёных, то обнаружим удивительное сходство с действиями МОССАД в отношении иранских ученых и ГУР и СБУ Украины в отношении российских исследователей. Судите сами. В августе 2022 года в центре Москвы при загадочных обстоятельствах погиб Даниил Михеев, координатор новых беспилотных систем для Минобороны России.

В сентябре 2022 в Воронеже застрелили Константина Огаркова, сотрудника оборонного НИИ, работавшего над проектами в области радаров и радиоэлектронной борьбы. Минимум три теракта зафиксировали в 2023 году: в марте в Тульской области взорвали машину Игоря Колесникова, инженера КБП, связанного с разработкой противотанковых ракетных систем. В июне в Нижнем Новгороде нашли мёртвым Сергея Потапова, специалиста в области кибербезопасности оборонных проектов. В октябре в Краснодарском крае

подорвали автомобиль Валерия Смирнова, одного из руководителей программ по радиоэлектронной защите стратегических объектов. В 2024 году убийства продолжились. В январе в Брянской области подорвали автомобиль с офицерами штаба радиоэлектронной разведки. В апреле убили вместе с коллегой Евгения Рытникова, руководителя КБ Брянского электромеханического завода, разработчика ключевых российских комплексов радиоэлектронной борьбы серии «Красуха».

Ощущается общий почерк, и это почерк ЦРУ и МИ-6, которые обучали и украинских, и израильских службистов. С другой стороны, и между украинскими, и израильскими террористами существует удивительная общность сознания — ярый национализм, звериная ненависть ко всем, кто объявлен врагами их страны и брутальная решимость идти до конца.

Возникает вопрос: какова духовная и религиозная основа для этих режимов? На Украине это своеобразный синтез унитарства и неоязычества. В Израиле — радикальный иудаизм в виде хасидизма. Нынешний премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху является фанатичным иудаистом и горячим сторонником воссоздания Иерусалимского храма, т.н. Третьего храма. Однако, общеизвестно, что место для Третьего храма занято мечетью Скалы (Аль-Акса), чтимой среди мусульман. Храм не построить без ее разрушения и взрыва негодования в мусульманском мире. Следовательно, необходима власть над Ближним и Средним Востоком.

В настоящий момент Израиль как никогда близок к ней. Разгром Ирака в 2004 году и т.н. «Арабская весна» 2011 года уничтожила почти всех потенциальных врагов Израиля, а равно и сильные государства, способные сопротивляться уничтожению Аль-Аксы. Оставались Сирия и Иран. Однако из-за ухода России (такт не позволяет мне назвать происшедшее более сильными словами) Сирия выведена из игры, стала пространством управляемого хаоса и объектом для завоевания Израилем. Остаётся Иран. После разгрома Сирии и Хезболлы Иран оказался обессиленным.

На его будущее я смотрю скептически. Без серьезной военной поддержки он не способен продержаться долго. Единственная страна, способная серьезно поддержать Иран — Россия. Однако вряд ли Россия способна воевать на два фронта: до завершения СВО вряд ли Россия сможет выступить на другом театре военных действий. А, судя по темпам проведения СВО, это будет нескоро. К тому же, зная на примере Ирака, Ливии и Сирии, как мы заботимся о своих союзниках, как мы постоянно их поддерживаем, можем не со-

мневаться ни в перспективах военной (и даже военно-технической) помощи Ирана и соответственно в его будущем.

Что нас ждёт в случае падения Ирана или смены его правительства? Во-первых, в этом случае мы еще раз продемонстрируем свою беспомощность, свою слабость и, мягко говоря, непоследовательность. А таких бьют и больно бьют. Во-вторых, мы получим рядом с нашими южными границами недружественное государство, а, точнее, плацдарм для действий различных подрывных сил, в том числе направленных на раскачивание Кавказа. В третьих (и это самое главное), в случае полной победы Израиля проект создания Третьего храма может стать религиозно-политической реальностью с катастрофическими последствиями для всего мира.

Какой для нас выход? Срочно заканчивать СВО решительным ударом на Киев, взятием столицы противника, нейтрализацией или уничтожением его руководства. Тем самым мы развязываем себе руки для решительных действий на Ближнем и Среднем Востоке, для помощи нашему стратегическому союзнику Ирану, для сохранения наших южных границ и спасения мира от угрозы глобального неонацизма.

Андрей ФЕФЕЛОВ

ПЕРЕСТРОЙКА: ЧТО ЭТО БЫЛО?

Перестройка — не эпизод, а катастрофический рубеж русской истории.

Русская цивилизация, русский народ заплатили и продолжают платить дорогую цену за итоги перестройки... Уже три поколения платят. И дети наши будут страдать за «ошибки», совершённые в верхах в 80-е годы XX века. Но точно ли это ошибки?

Главный вопрос остаётся без ответа: как мог СССР — военная сверхдержава, система с колоссальными ресурсами, огромным запасом прочности — самораспуститься, саморазоружиться и саморасчлениться? Мощная процветающая страна без кризиса, без войны и без революции лишилась трети своего потенциала.

Многое, очень многое указывает на то, что случившееся — не ошибка управления, не стихийный процесс, но продуманное, целенаправленное действие.

Есть большая вероятность, что перестройка спланирована и осуществлена узкой группой лиц, тесно связанных с глобалистскими структурами вроде Римского или Бильдербергского клубов. Но если Яковлев, Горбачёв и их круг были не заблудшими овцами социализма, а секретным оружием транснациональных элит, по сути, взрывными устройствами, встроенными в советский проект ещё в конце 1950-х годов, минами замедленного действия, тогда возникают следующие вопросы: кто в советской элите установил эти устройства и кто в дальнейшем курировал этих системных разрушителей?

Для ответов на эти вопросы требуется тщательная, профессиональная работа, проводимая не историками, а Следственным комитетом. Деятельность ключевых фигур возможного перестроечного заговора — Куусинена, Андропова, Гвишиани, Арбатова, Калугина, Примакова, Лигачёва, Крючкова, Бобкова, Коротича — должна быть тщательно рассмотрена под лупой. Некоторые из названных лиц ещё живы и могут дать показания. Это не попытка психологической компенсации за чудовищный урон, нанесённый стране, и не желание помахать кулаками после драки. Существует острая необходимость разобраться в том, что такое перестройка. Именно для этого необходимо провести криминальное расследование обстоятельств Катастрофы, дабы установить правду. Если этого не сделать, не извлечь уроки на уровне государственной (например, кадровой) политики, — такое будет повторяться и не раз. Такие «случайности» слишком дорого обходятся стране и обществу.

И ещё несколько слов о непонятном культе Андропова в постсоветской России. Имена Андропова и его патрона Куусинена сохраняются в топонимике Москвы, в то время как память о великих советских государственных деятелях Александре Сергеевиче Щербакове и Андрее Александровиче Жданове была прямо-таки выжжена с карт России. В перестроечном раже была переименована даже река Ждановка в Тверской области, которая так называлась ещё в XVII веке.

В современной России Юрий Андропов — единственный из советских генсеков, который удостоен беспрецедентных почестей: проспект в Москве и район на Ставрополье названы в его честь. Ни Брежнев, ни Черненко, ни даже Хрущёв не получили подобного признания.

Андропову посвящены несколько явно заказных апологетических изданий. Книга «Неизвестный Андропов» вышла с такой аннотацией: «...Андропов был не только самым ве-

ликим, но и самым закрытым и «засекреченным» человеком в СССР. Его работа в КГБ до сих пор окутана завесой легенд, мифов, а то и откровенной лжи. До сих пор не написана подлинная история масштабной — и притом фактически бескровной! — чистки партийного и государственного аппарата, которая была начата органами государственной безопасности по приказу Андропова и которая, успей он довести её до конца, привела бы к оздоровлению общества и спасению страны. В новой книге самого авторитетного историка российских спецслужб, основанной на только что рассекреченных архивных материалах, впервые отражён подлинный масштаб личности Юрия Владимировича Андропова, колоссальный объём работы, проделанной этим выдающимся человеком, его неоценимая роль в отечественной истории».

Что ж, про кадровую политику Андропова можно говорить часами. Стоит лишь вспомнить андроповского выкорымыша Джермена Гвишиани (зятя Косыгина), создавшего вместе с Римским клубом пресловутый ВНИИСИ — кузницу кадров будущих «молодых реформаторов», раздербанивших страну в 90-е годы. Или ближайшего друга Андропова академика Георгия Арбатова, который активно лоббировал передачу Курильских островов Японии.

Юрий Андропов руководил СССР всего 15 месяцев. При нём был принят Закон о государственной границе, а потом, согласно положениям этого закона, — сбит над Сахалином пассажирский южнокорейский «Боинг». Антисталинский фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, снятый в 1984 году, то есть при Андропове и при непосредственной поддержке Шеварднадзе (ставленнике Андропова), стал основой мировоззрения, согласно которому Россия должна платить и каяться. Лейтмотив — «плохих людей надо выбрасывать из могил».

Что если выяснится, что наш «рыцарь дисциплины» был отцом перестройки, а сама перестройка — это заговор иуд, созревший в недрах высшей партийной элиты, направленный против народа и самой русской истории, и что группа деятелей из КГБ и Политбюро во имя некоей транснациональной утопии просто «выключила» советский проект?

Тогда действительно встанет в полный рост вопрос с постаментами и позументами некоторых антигосударственных деятелей и прочих почётных ревенантов Новодевичьего кладбища.

Логичным завершением перестройки должен стать открытый судебный процесс, на котором будут озвучены причины русской Катастрофы.

«Завтра»

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025 г.
(Июнь — июль)

1 июня украинские дроны атаковали военные аэродромы стратегической авиации в пяти российских областях: Мурманской, Иркутской, Ивановской, Рязанской и Амурской. Причем дроны взлетали из автомобильных фур на нашей территории. Все они принадлежали одному человеку, полтора года назад прибывшему в Россию из Украины. Большая часть беспилотников была уничтожена, однако некоторые стратегические бомбардировщики были повреждены, прежде всего те, что находились на аэродромах за Уралом — они оказались не подготовленными для защиты. Укронацистские бандерлоги назвали эту операцию «Паутина».

2 июня, несмотря ни на что, в Стамбуле продолжились переговоры российской и украинской делегаций. Ни теракты на железных дорогах, ни удары дронами по нашим стратегическим аэродромам переговоры не остано-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ли, хотя, скорее всего, и имели такую цель. Стороны обменялись меморандумами по т.н. «урегулированию конфликта» и «достижению мира», которые, естественно, были неприемлемы для противоположной стороны. Опять удалось договориться только об обмене пленными. Ну и, конечно же, без «жеста доброй воли» с нашей стороны обойтись никак не могло. Было обещано передать Киеву шесть тысяч замороженных тел украицистских боевиков. Сколько тел должна вернуть другая сторона, и вернет ли вообще хоть сколько-то, сказано не было.

* * *

4 июня президент России на совещании с министрами, фрагменты которого были показаны по ТВ, выступил с заявлением о террористической сущности киевской власти. Правда, это заявление не стало официальным объявлением Украины террористическим государством. И хотя В.Путин в своем выступлении задал вопрос: «Как можно с этим режимом вести переговоры?», опять же официально от переговоров с этой жидобандеровской бандой не отказался.

Называть укринацистскую банду террористической можно сколько угодно, но если ты на четвертом году войны ведешь с ней переговоры, то эти слова мало что значат. Что, разве раньше это было не ясно? Разве в предыдущие годы киевские диверсанты не пускали под откос наши поезда? Разве раньше по приказу главарей этого режима не били снарядами, дронами и ракетами по вокзалам, рынкам, больницам и жилым домам? Разве раньше они не взрывали героев и руководителей Донбасса, а тем более в Москве — российских генералов? Но почему-то только теперь Зеленского и его жидобандеровскую банду в Кремле публично назвали террористами...

В тот же день состоялся еще один телефонный разговор Путина и Трампа, продолжавшийся более часа. Как сообщил американский президент, Путин рассказал Трампу о новых терактах на нашей территории и поставил его в известность о том, что вынужден будет нанести по Украине сильный ответный удар. Трамп, опять же по его словам, просил Путина этого не делать. Как мы видим, не доложить американскому президенту о своих намерениях по отношению к Украине Путин не мог.

Ранним утром 5 июня в Воронежской области был взорван участок железной дороги перед движущимся пассажирским поездом дальнего следования. К счастью, машинист успел вовремя затормозить и остановил поезд до поврежденных рельсов. В этом случае катастрофы удалось избежать. Но всё

равно отказа от переговоров с жидобандеровскими нелюдями не последовало.

* * *

Обмен пленными и возврат замороженных тел укронацистов, согласно стамбульским договоренностям, планировался на 7 июня. Но в этот день киевские хохломразы отказались от принятия погибших тел своих боевиков, которые привезли на белорусско-украинскую границу. Как сообщили в теленовостях, это было распоряжение лично ублюдка Зеленского. Естественно, он не хотел тратить деньги на выплату компенсаций родственникам погибших. Обмен пленными 7 июня тоже не состоялся. Этот обмен жидохохлы промурыжили еще двое суток. Слова Путина и впрямь были провидческими: «Как можно с этим режимом вести переговоры? И о чём с ними возможно договариваться?» Золотые слова, которые были понятны еще в 2014 году.

Замороженные тела нацистских боевиков пролежали в рефрижераторах на белорусско-украинской границе еще пять суток, и только 12 июня укропы приняли первую партию — 1212 тел из договоренных шести тысяч. Нам же они смогли вернуть лишь 27 тел. Кстати, тоже из обещанных шести тысяч. Ясно было заранее, что такого количества (шести тысяч) погибших наших воинов у них нет. Но перед камерами глава их делегации на переговорах министр обороны Рустем Умеров назвал именно эту цифру. Давно известно, что верить фашиствующим жидобандеровцам нельзя ни на одно слово.

В конце концов шесть тысяч своих замороженных тел они приняли. Нам же укронацисты смогли передать только 57 погибших воинов.

* * *

В ночь на 13 июня искусственно созданное сионистско-фашистское государство Израиль напало на Иран, нанеся по нему массированный ракетный и авиационный удар. Как первоначально заявил Тель-Авив, удар был нанесен по центрам ядерных исследований, министерству обороны, пусковым ракетным установкам и системам ПВО. Преступное еврейское государство, обладающее ядерным оружием, вооруженное и выпестованное штатовскими негодяями, било по неядерной стране якобы за то, что оно может стать ядерным. Нападение произошло как раз во время ирано-американских переговоров о заключении т.н. «сделки» о неядерном статусе Ирана. Исламское государство давало согласие на отказ от обогащения урана для создания атомной бомбы. Един-

ственно, на чем оно настаивало, — на продолжении ядерных исследований в области мирного атома. Но эта «сделка», а точнее говоря, этот договор прежде всего был невыгоден Израилю, т.к. выбивал из его рук пропагандистский козырь, позволявший на протяжении многих лет обвинять Иран в ядерной угрозе Израилю. Ясно, что война между ними эту «сделку» срывала. А Трамп, как известно, — главный защитник и покровитель Израиля. Озверевший сионистский нацист и террорист Нетаньяху задался целью уничтожить Иран. Естественно, с позволения Трампа. Очень быстро стало ясно, что эти «переговоры» были элементарным прикрытием запланированного израильского нападения.

На следующую ночь Иран ответил Израилю своим ракетным и дроновым ударом. Обмен бомбардировками продолжался несколько дней. Разрушения с обеих сторон были огромными. И хоть Израиль, как всегда, скрывает собственные людские и военные потери, но на этот раз всем было понятно и на кадрах телерепортажей было видно, что потери и разрушения Израиль понес колоссальные. При этом Трамп продолжал настаивать на «сделке» с Ираном. Правда, с усмешкой проговорился: «Все иранские участники переговоров уже мёртвые». Кровавый монстр Нетаньяху требовал капитуляции Ирана, убийства его духовного лидера Али Хаменеи и смены режима.

Все, кто следил за развитием событий на Ближнем Востоке, отметили такой факт: в первый же день израильской агрессии в атаке на иранскую систему ПВО участвовали внедрённые на территорию Ирана грузовые фуры, в которых находились ударные БПЛА. Они вылетали из грузовых прицепов и били по установкам ПВО Ирана. За полмесяца до этого точно такую же боевую операцию мы наблюдали на нашей территории, когда из кузова фур взлетали ударные беспилотники и направлялись на военные аэродромы в нескольких российских областях. Не трудно понять, в каком центре находился единый разработчик этих боевых операций. То есть израильские стратеги совместно с американскими и наверняка английскими инструкторами сначала опробовали эту хитрую технологию против российских военных объектов...

В первый же день своих ракетных ударов израильские телеведущие эйфорически объявили о ликвидации более десяти иранских учёных, ведущих специалистов в области ядерных исследований. А также командующего Корпусом стражей исламской революции и начальника Генерального штаба вооружённых сил Ирана и других высокопоставленных военачальников. Главари европейских элит аплодировали не менее эйфорически. Все они, конечно, были на стороне Израиля.

На третий день войны израильскими баллистическими ракетами был разрушен телецентр в Тегеране. Европейские бандерлоги были в восторге. Точно в таком же восторге они были, когда американские ракеты ударили по телецентру в Белграде в 1999 году.

Но вот что приходит в голову, наверное, каждому из нас, кто наблюдает за этими событиями, в связи с нашей Специальной военной операцией, которая длится уже три с лишним года. Отчего же за это время не уничтожен **ни один** из высших укронацистских военачальников?.. Повторю еще раз: иранское высшее военное командование было ликвидировано **в первый же день** войны? И еще раз повторю: европейские и заокеанские властные элиты этому громко аплодировали.

И второй вопрос: отчего же до сих пор не уничтожен главный пропагандистский рупор укрорейха — киевский телецентр? И вновь повторю: телецентр в Тегеране был разрушен Израилем **на третий день** войны!

Может быть, довольно уже Кремлю и Генштабу играть в дурной гуманизм, не нужный **абсолютно никому** из русских людей? Впрочем, и не только из русских. Европа Израилю аплодировала. Пусть поаплодирует и нам!

Очень больно и печально нам было смотреть на разрушенные иранские города, пылающие нефтехранилища, горящие заводы, больницы и многоэтажные дома.

Наш президент, по сообщению Д.Пескова, выразил соболезнование иранскому народу и одновременно, по словам того же Пескова, в телефонном разговоре с Нетаньяху осудил агрессию Израиля. Всё это правильно. Однако есть некоторое «но».

От многих ракетных и авиационных ударов Иран мог бы защититься, если бы мы, то есть Кремль, исполнили заключенный с Тегераном контракт на поставку ему нескольких десятков комплексов нашей ПВО С-300. Комплексов, оплаченных Тегераном согласно контракту. Однако после просьбы Нетаньяху не поставлять исламскому государству эти комплексы мы пошли ему навстречу и отказались от поставок. Повторяю, несмотря на оплаченный Тегераном контракт. А теперь — очевидный вопрос: кому мы пошли навстречу? Сионистскому кровавому преступнику и террористу Нетаньяху, который теперь грозит убить религиозного, духовного и государственного лидера Ирана Али Хаменеи!

В этом году мы заключили договор с Ираном о стратегическом сотрудничестве. Договор ратифицирован парламен-

тами обеих стран. Вот и пора уже нам делом, а не только соболезнованием оказать реальную помощь и поддержку Ирану в его тяжёлое время.

И точно так же пора наконец покончить с укронацистским рейхом. Коли уж Европа аплодирует Израилю, пусть и нам поаплодирует, когда мы ракетным ударом ликвидируем бандеровских главарей. А также их телецентр, министерство обороны, бункер СБУ и правительственные помещения на Банковой улице в Киеве. Вот тогда и вся Россия всплеснётся аплодисментами! А русский город Киев обязан войти в нашу буферную зону.

Но как же за последние годы прямо-таки слились, сплелись в экстазе, стали единым целым украинский нацизм, сионистский фашизм и европейский сатанизм! И двуличный Трамп, уже не скрываясь, выявил свою истинную личину, открыто выступив на стороне агрессора и террориста.

17 июня американская ракета «хаймерс» ударила по жилому кварталу Донецка. Были погибшие и раненые. Мы много раз говорили и писали о том, что управление этими ракетами производится с украинской территории американскими специалистами. А нам и кремлевским «переговорщикам» всё кажется, что США не объявили нам войну. Теперь объявление войны происходит не с помощью слов и заявлений, а путём реальных действий.

* * *

Первый канал российского ТВ, руководимый К. Эрнстом, додумался пригласить в прямой эфир махрового, ярого сиониста, бывшего руководителя израильской разведки Якова Кедми, который появился 16 июня в вечерней программе Дмитрия Саймса «Большая игра». И российские телезрители почти полчаса выслушивали беспардонное, агрессивное оправдание сионистской агрессии против дружественного нам государства. Этот красноречивый, симптоматичный жест Первого телеканала иначе как провокационным издевательством над нами назвать трудно. И многие сделали соответствующие выводы и комментарии...

* * *

Иран еще в 1968 году подписал договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Израиль этот договор подписывать отказался. Иран никогда не препятствовал допуску в свои ядерные центры инспекторам МАГАТЭ (Международного агентства по атомной энергии). В то время, как Израиль никогда их к себе не допускал. Но именно еврейское госу-

дарство обвиняет Иран в ядерной угрозе и убивает его ученых и высокопоставленных военных. А террорист Бенья Нетаньяху грозит казнь главе исламского государства. И сволочная европейская «элита» вслед за сионистом Трампом кровавого террориста поддерживает. Точно так же, как она поддерживает ублюдочного террориста Зеленского.

* * *

На рассвете 22 июня США нанесли бомбовые и ракетные удары по трем ядерным центрам Ирана. Хотя накануне, выступая перед журналистами, Трамп сказал, что даёт Ирану 12 дней на прекращение ядерной программы. Сионисты знают, когда бомбить, и всегда используют для этого ритуальные для себя даты. Израиль ударил по Ирану 13-го в пятницу... А фанат «делок» и «переговоров» Трамп — 22 июня... В скорбное для нас число. И плевать ему было на то, что могла произойти ядерная катастрофа наподобие чернойбыльской, плевать ему было на радиоактивное заражение огромной территории и на гибель тысяч людей. Этот «миротворец», выдвигенец на Нобелевскую премию мира исполнял сионистский заказ преступного еврейского государства и своего т.н. «глубинного государства», которое и поставило его на президентскую должность. Ослушаться он уже не имел ни возможности, ни права... Как в свое время — нобелевский «мирный» лауреат Обама, развязавший войну в Ливии.

Американская атака снимала все сомнения в том, что план нападения на Иран был разработан Израилем совместно с США.

В тот же день, 22 июня, Израиль отбомбился по иранскому городу Бушер, где находится Бушерская АЭС, построенная нами, и на которой работают наши специалисты.

Что всё это означает, если не государственный терроризм?! И у них еще, как и у всего Запада, какие-то претензии к нам!

После удара по иранским ядерным центрам Трамп тут же на весь мир заявил: «Теперь Иран должен закончить эту войну!» Какое-то сатанинское лицемерие! Как будто Иран ее начал. Вот в этом и состоит вся западная уродливая, извращенческая «логика»: мы будем тебя бомбить, но закончить войну должен именно ты. А как Иран должен ее закончить? Единственным способом — восстановлением прежней англосаксонской власти в виде бывшей монархии шаха Пехлеви. (Наследник престола Реза Кир Пехлеви, сын свергнутого в 1979 году шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, живет в США. Сам Мохаммед Реза Пехлеви умер в 1980 году.) И американцев прежде всего волнует не иранская атомная бомба,

а нефтяные запасы исламской республики. С возвращением в Тегеран шаха иранская нефть будет принадлежать америкосам. Так, англосаксов никогда не волновало ядерное оружие исламского Пакистана, потому что власть в Пакистане находится под полным английским управлением. А вот духовная власть в Иране после исламской революции 1979 года называет США и Израиль своими смертельными врагами.

Генеральный директор МАГАТЭ по фамилии Гросси после бомбардировок иранских ядерных объектов скромненько промолчал. Хотя его инспекторы во время ракетных ударов находились на этих объектах. Точно так же он и его «контролёры» скромно молчали, когда жидоохломрази американскими «хаймерсами» варварски были по Запорожской АЭС.

* * *

Иранские власти сообщили, что обогащенный уран и оборадование из подземных исследовательских ядерных центров были вывезены еще до американских ударов. И несмотря на то, что пиндосы применили специальные притивобункерные бомбы, проникающие на большую глубину даже в каменной толще, по заявлению иранских ученых-ядерщиков научные центры не были повреждены и повышения радиационного излучения в них не произошло. Хотя это, конечно, не умаляет и не отменяет преступности американо-израильского нападения. Трамп же уже 23 июня на весь мир орал о том, что иранская программа по обогащению урана с помощью их «чудо-бомб» полностью уничтожена. Вслед за ним по израильскому телевидению, кстати сказать, не разбитому Ираном, восторгался и умилительно расплывался в благодарности убудочный бандит Нетаньяху.

Вечером того же дня, 23-го числа, Иран, как и обещал устами своего духовного лидера, нанёс ракетные удары по американской авиационной базе в Катаре. Было запущено 14 баллистических ракет, ровно столько же, сколько своих «чудо-бомб» америкосы сбросили на Иран. И что поразительно, сразу же после этого, утром 24 июня, Трамп завершал о перемирии с Ираном. Более того — о заключении «мирной сделки» между Ираном и Израилем. И что еще более удивительно, Израиль на перемирие согласился. Таким вот странным образом 12-дневная война остановилась. А ведь еще два дня назад американский «сдельщик» и еврейский уголовник Беня Нетаньяху требовали убийства аятоллы Хаменеи и ликвидации тегеранского «режима». (Нетаньяху — реальный уголовник: израильская прокуратура возбудила против него уголовное дело за взятки.)

Трамп, как и вся пропагандистская машина Израиля, долдонили о своей победе. Власти Ирана спокойно сказали своему народу и всему миру о том, что преступные агрессоры ничего этой войной не добились, а только укрепили единство всего иранского населения с армией и религиозной властью страны. И в этих словах правды было гораздо больше, нежели в оправдательных словесах и «победных» речах американских и израильских словоблудов.

И это тоже было символично. Война на Ближнем Востоке была прекращена 24 июня, в тот самый день, когда ровно 80 лет назад в Москве состоялся легендарный парад Победы над нацистской Германией.

(В связи с этим «перемирием» более всего обиделся на Трампа и Нетаньяху наследник иранского престола шах Реза Кир Пехлеви...)

* * *

На саммите НАТО в Гааге, куда прибыл Трамп, 25 июня Генсек НАТО Рютте несколько раз назвал противобункерного «миротворца» Дональда *папочкой*. Дональду такое лизоблюдство европейских шестёрок понравилось, и он сам потом несколько раз процитировал это *погоняло*: «Да, товарищи, я ваш папочка». При этом гораздо большее удивление и у нас, и в Европе вызвало советское обращение: «товарищи». Натовские лизоблюдские шестерки действительно хотели, чтобы Трамп стал для них *папочкой* и не раскручивал их на деньги при формировании натовского бюджета. Но он этих «товарищей» именно раскручивал, как настоящий *папочка*, потребовав взноса пяти процентов годового бюджета с каждого «члена». И раскрутил-таки. И Мерц, и Стармер, и Макрон — главные его «товарищи» — согласились. А Рютте так растрогался, что готов был *папочке* ботинки целовать и шнурки завязывать. Хотя слово «*папочка*» имеет международный оттенок, связанный с, мягко говоря, «нетрадиционными», извращенческими отношениями... Но о чём тут говорить, если даже Олимпиада в Париже в прошлом году была крайне «нетрадиционной»...

Там же, в Гааге, Зеленский сделал перед «товарищами» заявление о том, что отменяет на неопределённый срок стамбульские переговоры. Рютте это заявление приветствовал и призвал вообще больше не продолжать никакие переговоры с Россией, «пока Украина не начнёт побеждать». Всё это было сказано сразу же после встреч Зеленского в Лондоне с Карлом Ш и премьером Стармером. И *папочка* больше ни о каких «стамбульских переговорах» не заикается. Наоборот, на

этом саммите НАТО речь шла о вооружении ЕС и о российской «угрозе» Европе.

Несмотря на то, что Путин, Лавров и Песков постоянно говорят о том, что «мы открыты для переговоров с Украиной», Бог руками врагов этого не допускает.

* * *

Чем мы, русские, внутренне, т.е. ментально отличаемся от европейцев? И прежде всего от немцев, насквозь пропитанных нацистской идеологией. Мы, в отличие от них, во время Второй мировой войны из оккупированных нами германских территорий не вывозили женщин в рабство. В отличие от них мы не отправляли детей в концлагеря, чтобы ставить на них медицинские эксперименты и выкачивать из них кровь для раненых солдат. Мы, в отличие от них, не заключали в концлагеря гражданское население оккупированных территорий, не отправляли людей в газовые камеры и не сжигали в печах крематориев. В отличие от них мы взятых в плен вражеских солдат кормили и не доводили до состояния живых скелетов. Многие из этих пленных через 20 лет вернулись домой. Вот в этом и есть главное отличие нас от них: мы не творили зло ради зла, жестокость ради жестокости и ужас ради ужаса. А они, наследники Римской империи, творили.

Часто пишут и говорят, что мы две разные цивилизации. Всё правильно: они — цивилизация дьявола, лжи и зла, несмотря на все их достижения в искусстве, в литературе, в философии, в науке. («Ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8. 41)). Это в том числе и о них сказано.) Мы — цивилизация Христа, правды и добра. Хотя 74 года русские жили в атеистической стране и испытали жестокие гонения на Церковь. Мы это пережили, победили их в Великой войне и остались цивилизацией Христа, правды и добра. Несмотря на весь телевизионно-рекламный сатанизм и миграционно-замещающую политику властей. Цивилизация зависит не от властей, а от души народа и высшей идеи, впитанной народом по Божьей воле.

А они вновь вооружаются, чтобы уничтожить нашу цивилизацию и превратить нас в рабов.

* * *

Израиль впервые испытал на себе удары гиперзвуковых ракет. И разрушения в этой небольшой по размерам стране (с Московскую область), повторюсь, были огромными. И

людские потери, которые упорно скрываются сионистской властью, тоже были немалыми. Мы видели на кадрах из коротких и жестко отредактированных репортажей из Тель-Авива превращенные в руины многоэтажные жилые и не только жилые здания. И если бы эта 12-дневная война с Ираном продолжилась, главные израильские города были бы похожи на Сектор Газа. Но за Израиль вовремя (для него) вступился вашингтонский покровитель, и битва (как все понимают, на время) закончилась.

Да, конечно, эта война остановилась на время. Израиль восстановит с помощью США свое ракетное и беспилотное вооружение, залатает свой «железный купол», получит новые «Пэтриоты» и вновь нападет на Иран. Он не остановится на ныне достигнутом, развернет новую кампанию по ядерной опасности для себя со стороны Ирана и снова ударит, конечно же, с пропагандистской поддержкой америкосов, потому что им нужна иранская нефть. А Россия, как и теперь, ограничится телевизорным осуждением и протестом в Совбезе ООН.

27 июня, через три дня после окончания этой 12-дневной войны с бомбовыми ударами США по ядерным центрам Ирана, В. Путин на пресс-конференции по итогам саммита ЕАЭС в Минске в очередной раз рассказал нам, какой Трамп мужественный человек и какое он испытывает к нему (Трампу) уважение...

* * *

Наш президент, несмотря ни на что, не устает повторять, что мы с т.н. «украи» — один народ. При том, что этот, *«один с нами народ»*, нас ненавидит. Интересная историческая коллизия: ненавидящий нас украинарод, по мнению наших высших политиков и их медиаобслуги, — это *один и тот же с нами народ...* Оказывается, ненависть к нам не является препятствием к тому, чтобы быть с нами одним народом... Это уже что-то новенькое и в генетике, и в политике... Но в реальности, несмотря на то, что кому-то очень хочется, чтобы так и было, **это невозможно**. (Даже если г-н Мединский так решил, а наш президент ему поверил и воспользовался этой «мыслью».) В реальности уже давно мы с ними, т.н. «украи», не один народ, хотя когда-то, исторически очень давно, действительно вышли из одного корня. Но мало ли какие народы вышли из одного корня! Теперь они абсолютно разные и не претендуют быть одним народом. Но нам почему-то очень хочется быть одним народом с теми, с кем мы воюем, кто нас ненавидит, кто мечтает о нашей гибели, кто вытравливает наш язык, нашу веру, издевается над нашими святыня-

ми и культурными ценностями... Впрочем, нам ли этого очень хочется? Или тем, кто стремится навязать нам эту хитрую мысль: мол, мы воюем со своим же народом...

Но если какой-то народ не желает быть с нами в родстве, нас ненавидит и не считает нас одним с ними народом, то он таковым и не является. Что бы нам ни внушали высокие политики. Сознание изменяет кровь. Если кто-то не хочет быть русским, он им и не будет. Причем не будет даже на генетическом уровне. У т.н. «укров» действительно произошло полное перерождение. И доказывать им обратное не надо.

И вот еще один «нюанс» напоследок. Ведь если признать, что мы с ними один народ, то получится, что это наш, «тот же самый народ», устроил вольнскую резню и сжег белорусскую деревню Хатынь вместе с ее жителями. Нет, г-н президент, НАШ народ такое сделать не мог.

Всё закономерно: один террорист, бомбивший Сектор Газа, Ливан и Иран, выдвинул на Нобелевскую премию мира другого террориста, приказавшего отбомбиться по ядерным объектам Исламской республики. Как не устают повторять в Европе, «мир — это новый порядок, основанный на правилах». И не важно, что эти «правила» скрыты от посторонних глаз, нигде не обнародованы и не озвучены. Кому надо — те про них знают. И по этим правилам мир — это война за интересы тех, кто эти правила придумал. По этим правилам Премия мира может быть получена только в результате проведения войны, выгодной европейским омасоненным «элитам».

Когда евронацистский террорист Нетаньяху вручил террористу Трампу копию своего представления в Нобелевский комитет по присуждению ему Премии мира, «папочка» был очень доволен и выразил благодарность своему дорогому еврацисту. По всей видимости, после вручения ему этой премии Трамп и начнет третью мировую войну. Недаром же он то и дело хвастается тем, что грозил Путину разрушить Москву («разбомблю к чёртовой матери»), если тот войдет на Украину..

P.S. Как стало известно, аналогичное представление на выдвижение Трампа пытался сделать еще один террорист — Зеленский. Но на него в Нобелевском комитете с искривленными рожами замахали руками: «Не лезь! Без тебя справимся!» Вот было бы смеху, если бы его представление приняли!..

Теперь уже действительно вся Европа готовится к войне с Россией, ну разве что за редким исключением — может быть,

Венгрия, Словакия и Сербия не будут в ней участвовать. Хотя сомнение прежде всего именно по поводу Сербии, которая в лице президента Вучича ведет двойную игру.

Европа уже открыто говорит о реванше за поражение от России восьмидесятилетней давности. Ну и, конечно же, громче всех и прямее всех говорит, вернее, заявляет с трибун германский канцлер. Немецкие недобитки вновь мечтают о победе над нами. 80 лет они ждали этого момента, когда можно будет, не стесняясь и ничего не боясь, откровенно выплёвывать из нутра свою ненависть к русским и свое вожделенно копившееся, страстное желание нас уничтожить.

Я всегда говорил и много раз писал о том, что враг, причем враг исторический, должен быть ликвидирован до конца, до невозможности восстановления, иначе пройдет 50, 80, 100 лет, и он придет вас убивать — тех, кто его пощадил, пожалел, помиловал, проявил к нему гуманность и позволил возродиться. Тем более теперь, когда вокруг него объединилась вся Европа.

Если в Первую мировую была Антанта, воевавшая с Германией, куда до октября 1917-го входила и Россия, а во Вторую мировую были европейско-американские союзники СССР, то теперь в Европе Россия осталась совершенно одна (Белоруссия — это, в сущности, часть России под псевдонимом «Союзное государство»). И противостоять Германии, Франции, Великобритании, Италии, Испании, Польше, Швеции, Чехии и другим более мелким «европейцам» при их союзничестве с США на поле битвы нам будет очень непрост и сверхнелегко.

Но противостоять придется, потому что исторически мы вновь подошли к этому пределу, и избежать этого предела, надолго отодвинуться от него мирным путем уже не получится, как бы Кремль ни пытался замирился с Западом. Зверь почувствовал слабину добычи. И запах льющей на Украине крови его только раззадоривает. Германия морально созрела для новой битвы с Россией, и остановить ее в стремлении к реваншу пока, на какое-то время может только наша быстрая победа на Украине.

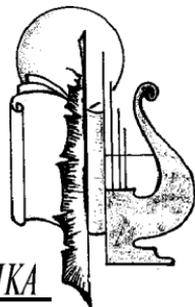
Стремление свое Европа не изживёт. И удерживать ее в этом стремлении может только страх нового поражения. И страх этот должен сохраняться в них только через демонстрацию нашей силы. Демонстрацию реальную, зримую, ясно ими видимую. Иначе войны с Европой нам не избежать.

ВО ИМЯ ПРЕОБРАЖЕНИЯ РОССИИ

*К 150-летию со дня рождения выдающегося русского
советского писателя Сергея Сергеева-Ценского*

Небольшой южнобережный город Алушта ежегодно посещают десятки тысяч гостей из материковой России и дальнего зарубежья. Как курорт он известен давно и с годами не растерял своей популярности. Но далеко не все посещающие Алушту туристы, как, между прочим, и многие коренные крымчане, и прежде всего представители молодого поколения, вспоминают о том, что на высоком косогоре над морем, вдали «от шума городского», в небольшом домике, утопавшем в зелени сада, на этой прекрасной и благословенной алуштинской земле более полувека прожил классик русской советской литературы, чье имя еще при жизни было овеяно славой и признанием, распространившимися не только по огромной стране, но и за ее пределами.

«...В лице Сергеева-Ценского, — писал в 1928 году Алексей Максимович Горький, — русская литература имеет одного из блестящих продолжателей колоссальной работы ее классиков — Толстого, Гоголя, Достоевского, Лескова». При этом следует учесть и то, что писатель не только продолжил великое дело и традиции классиков, но вместе с Горь-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ким, под его идейным и творческим влиянием, наряду с другими виднейшими художниками слова России, такими как А. Толстой, В. Шишков, К. Тренёв, М. Пришвин, вполне осознанно, хотя и не сразу в должной мере оценив созидательные силы социалистической революции, преувеличив поначалу, как и некоторые другие мастера слова, ее разрушительную функцию, перебросил широкий и прочный мост в советскую литературу, взявшую на вооружение горьковский метод социалистического реализма.

В этой краткой исчерпывающей оценке, высказанной основоположником советской литературы, и в самом факте присутствия именно в советской, а не в русской эмигрантской, при всей ее разношерстности и раздробленности, литературе и дан ключ к пониманию глубины, масштаба и значения личности Сергея Сергеева-Ценского — крупнейшего русского советского писателя, 150-летний юбилей со дня рождения которого приходится на последние дни сентября нынешнего, во всех отношениях простого 2025 года.

В Крым уроженец Тамбовской губернии, сын учителя земской школы, с детства приобщавшийся к художественному творчеству, с семи лет писавший стихи, а с одиннадцати делавший и первые попытки заняться прозой, к тому же любивший живопись, успевший к тому времени получить блестящее образование, поколесить по России, выйти в отставку с учительской службы в чине коллежского асессора и заявить о себе на рубеже XIX и XX веков в качестве литератора, переехал в 1905 году. Поселился Сергеев-Ценский близ Алушты первоначально на чужой даче, а затем, после строительства собственной, жил на той, которую будет звать «писательской мастерской», где суждено ему было создать все свои наиболее значимые произведения, принимать многочисленных гостей, в почтенном возрасте завершить земной путь и найти последнее пристанище. Сегодня же здесь располагается государственный мемориальный Дом-музей выдающегося писателя, действующий уже практически шесть десятков лет.

Писатель любил Крым, очень любил свою скромную усадьбу, Алушту и всё Южнобережье. Эти прекрасные места, которые он покидал лишь по необходимости и ненадолго, за исключением годов вынужденной эвакуации времен Великой Отечественной войны, которые он провел преимущественно в Куйбышеве и Алма-Ате, вдохновляли его на плодотворный труд. И был он каждодневным, без скидки на усталость, недомогания, возраст. Впрочем, о возрасте Сергей Николаевич старался и не вспоминать. Восьмидесятилетие

он встречал в бодром и приподнятом настроении, с задумками и планами, продолжая работать над главным делом всей жизни — эпопеей «Преображение России».

Кстати, справедливости ради подчеркну, что Сергеев-Ценский, живя в последние годы в Крымской области, ставшей частью УССР, оставался исконно русским писателем. Буквально за пару недель до кончины, поздней осенью 1958 года, писатель, не имевший физической возможности самостоятельно написать задуманное им на листе бумаги, диктовал приехавшим к нему журналистам газеты «Литература и жизнь» приветствие делегатам Первого съезда писателей РСФСР, опубликованное под названием «Жизнь писателя должна быть подвигом». В этой статье, воспринимавшейся как духовное завещание большого русского писателя, присутствуют такие проникновенные, наполненные неизбывной любовью слова:

«Когда я гляжу на заснеженные шапки Крымских гор, то мне видится вся наша обетованная прекрасная Родина, дорожке и роднее которой для нас нет ничего на свете. Так же, как эти горные вершины, возвышаешься ты, наша мать Россия, над материками и континентами!

Ныне, когда столько спорят о приемах художественного творчества, об особенностях советской российской литературы, то думается, что наше национальное богатство — это родная русская речь, которая звучит на огромных пространствах, от океана до океана.

От колыбели, через всю жизнь проносили мы певучее, сверкающее самоцветами русское слово. Разве могут стереться и устареть слова, написанные нашими классиками... Ведь эти слова изваяны из мрамора, отлиты из бронзы. Они навеки!..

Русское слово! Как радостно бывает на душе, когда в книгах находишь у наших писателей замашистое, кипящее и животрепещущее русское слово. У кого из наших современников мы его чаще встречаем? Я думаю, что со мною согласятся миллионы читателей, когда я назову дорогое всем нам имя Михаила Шолохова! В его произведениях мы видим алмазные россыпи русской речи. Не в словарях отысканное, не из запыленных фолиантов утащенное, а взятое писателем у самого хозяина языка — у народа — вот какое это слово!.. И поэтому, когда молодые люди спрашивают меня, как стать писателем, я отвечаю:

— Идите в жизнь, слушайте народную речь и постарайтесь запечатлеть ее в своих книгах! Если вам удастся это сделать, то вы станете художниками, проникающими в душу народную. А это единственное, ради чего стоит посвятить свою жизнь литературному труду...

С балкона моего дома я часто люблюсь полетом горного орла, устремляющего свой путь прямо к солнцу. У нас в Крыму говорят, что глядеть прямо на солнце могут только орлы. Я думаю, что писатель своим мысленным взором всегда должен видеть свое солнце. Это солнце каждого из нас — Родина, Советская Россия!.. Судьба писателя неотделима от судьбы народной. И как счастливы мы, русские писатели, что нам доводится жить и творить во время, озаренное светом коммунистических гуманнейших идей. Никогда еще наша Родина не была так сильна, прекрасна, величава, как ныне. Никогда еще не представляла она перед миром в такой животворной и лучезарной красоте... И сейчас, когда над старыми Крымскими горами, в бездонно-синем южном небе прочерчивает свою огненную орбиту искусственный спутник Земли, то мне от всей души хочется сказать:

— Слава советскому человеку, указавшему путь всему миру к солнцу!

Мне хочется высказать несколько пожеланий Первому учредительному съезду писателей России. Прежде всего я считаю, что создание Союза писателей России — это шаг важный и нужный. Но мне хочется напомнить одну простую истину — писатель должен писать. Работать надо всегда, каждый день, работать в поте лица своего, как работает весь наш народ — строитель, воин, ученый...

В предисловии к одной из моих книг Алексей Максимович Горький писал, что художник должен всегда искать наилучшей, совершеннейшей формы выражения своих эмоций, образов, мыслей. Я считаю, что этот взгляд нашего старшего современника не утратил и никогда не утратит своего значения. Нашим лозунгом должно быть:

— Искать, всегда искать!»

Так любить родную землю и родную речь мог не каждый. Для Сергеева-Ценского эта любовь не была показушной, и слова, звучащие в этом приветствии, не подбирались им заранее. Да и если присмотреться к его прозе, то станет сразу заметным, что язык писателя заставляет испытывать восхищение своей красочностью, сочностью, непохожестью, какой-то необычайной певучестью. Недаром он называл, например, свое известное прозаическое произведение «Валя» из эпопеи «Преображение России» поэмой. А слова, вышеприведенные из духовного заветания потомкам, разве не лиричны? Разве не можем назвать мы их стихотворением в прозе? Или они не напоминают нам великое стихотворение в прозе Тургенева «Русский язык»?

К слову, коль уж упомянул поэму Сергеева-Ценского «Валя», приведу на сей счет и слова Горького: «У Вас в книге

каждая страница и даже фраза... насыщена как будто даже чрезмерно, через край, и содержимое их переплещивается в душу читателя влагой едкой, жёстко волнующей. Читаешь, как будто музыку слушаешь, восхищаешься лирической, многокрасочной живописью Вашей, и поднимается в душе, в памяти ее, нечто очень большое высокой горячей волной... Пейзаж Ваш — великолепнейшая новость в русской литературе... Вы очень большой писатель, очень».

О лиричности и об уникальных способностях отмечать различные цветовые проявления в единой художественной палитре говорил и ученик основоположника советской литературы, крупнейший советский писатель и общественный деятель, лауреат четырех Сталинских премий, живший и создававший при деятельном участии Сергея Николаевича организацию советских писателей в послевоенном Крыму, Петр Павленко: «Природа и человеческая речь — два увлечения Ценского. Глаз и ухо художника ловят самые нежные обороты слова и передают их с исключительной, ни у кого другого не повторяющейся остротой. Старшее поколение наших писателей, работавших в одну пору с Алексеем Максимовичем Горьким, было очень сильно в передаче человеческой речи, но и среди сильнейших мастеров, среди замечательнейших богатырей горьковского цикла уменье Сергеева-Ценского поймать на слух и, не извратив, передать витиеватое, узорное, путаное речение русского простого человека всегда выделялось своим своеобразием, своей «хваткой».

Бесспорно, равных Сергееву-Ценскому по размаху письма не было: так, как писал он, не писал никто. А о том, как он выделял истинные таланты, как их напутствовал, как отмечал удачи их и промахи, можно узнать из воспоминаний, из писем, постулавших в адрес писателя. Могучей ипостасью писателя восхищался и Шолохов, в котором Сергеев-Ценский видел главного продолжателя незабываемых канонов и традиций великой русской классической литературы. Известны слова Михаила Александровича из телеграммы, присланной писателю, бывшему тогда на восьмом десятке лет: «С истинным наслаждением прочитал «Утренний взрыв». Дивлюсь и благодарно склоняю голову перед Вашим могучим, нестареющим русским талантом. Ваш Шолохов».

Рассматривать творчество Сергеева-Ценского в отрыве от той общественно-политической среды, в которой он жил и работал, при всех его языковых экспериментах и филигранных опытах невозможно. На широкую дорогу художественных исканий он, как и Горький, выходил на приграничье двух веков, в канун первой русской революции, когда революци-

онные процессы захватывали все стороны российской действительности. Благом для него стало и то, что он знал эту действительность изнутри, что называется, не понаслышке. Учитель Сергеев, преподававший в учебных заведениях Киевского, Харьковского, Одесского, Московского и Рижского учебных округов (псевдоним Ценский он взял от названия реки Цна в Тамбове, где прошло его детство), в каникулярное время исколесил, и не праздности ради, всю Россию. В этих поездках он и черпал из народных глубин сюжеты и образы, перенесенные им в свои книги. Укреплялись в нем и демократические взгляды, расширялся его общественно-политический кругозор, формировалось мировоззрение. А подлинный успех пришел к писателю в 1903 году, когда в журнале «Русская мысль» был опубликован его рассказ «Тундра» о трагической судьбе простой и бедной швеи, которая «жила тихая, одинокая, жалкая, отрезанная от жизни».

В разгар революционных событий 1905—1907 годов Сергеев-Ценский пишет ряд реалистичных произведений (вне реализма как направления в искусстве писатель себя не мыслил), в которых явственно прослеживается его и чисто писательское, и гражданское, наполненное переживаниями за судьбу России и ее народа возмужание. Особо, на взгляд автора этих строк, следует выделить повесть «Сад». В ней выходец из простой трудовой семьи, молодой агроном-садовод Алексей Шевардин, предстает в образе решительного бунтаря. Отправившись в деревню создавать образцовое хозяйство, которое принесло бы пользу не только ему лично, но и окружающим крестьянам, он, наивный мечтатель, сталкивается с ужаснувшей его действительностью. И самое главное, что возмущает агронома, это то, что крестьянам не принадлежит земля, ими обрабатываемая. В бедах же крестьян Шевардин винит не государственный строй царской России, а отдельно стоящего перед его воображением графа, владевшего этими землями, которого в финале и убивает молодой мечтатель, решивший заступиться за простой народ.

Реалистичность письма Сергеева-Ценского становится всё более очевидной. С каждым произведением он поднимает новые пласты неразрешенных противоречий, проблем, конфликтов, с избытком присутствовавших в России тех лет. Так, к примеру, в романе «Бабаев», ставшем крупнейшим достижением писателя, он рисует во всем их убожестве целую галерею тупых, растленных царских офицеров, безнравственных душителей и погромщиков, палачей, безжалостно подымавшихся против обездоленного народа. Образы эти выводит он четко, достоверно, выразительно. Всё явственнее

заметно и отношение самого писателя к народным массам, всем тем, на ком и держится из последних сил милая его сердцу Россия.

Октябрьская революция вносит в жизнь писателя новую творческую струю. После тягот, пережитых в годы Гражданской войны, Сергеев-Ценский возобновляет активную писательскую деятельность, не прекращавшуюся с тех пор вплоть до самых последних его дней, не позволявших уже мастеру собственноручно братья за перо. Не прекращая работать над художественными реалистичными полотнами, Сергей Николаевич, защищая культурное наследие прошлого, подвергавшееся в двадцатые годы минувшего века определенным нападкам со стороны ретивых отрицателей-филистеров, мнивших из себя строителей нового революционного общества, пишет серию произведений о классиках русской литературы — Пушкине, Лермонтове, Гоголе: «Поэт и чернь», «Гоголь уходит в ночь», «Поэт и поэт», «Поэт и поэтесса», «Невеста Пушкина». Великих предшественников писатель выводит старательно, с почтением и любовью.

Следует однозначно констатировать и то, что Сергеев-Ценский всегда создавал образы своих героев с каким-то особым подтекстом, отчего и представляли они перед читателем живо, достоверно, в красе или убогости, с добродетелями или без них, созидателями и разрушителями — одним словом, людьми, такими, какими и были они в реальной жизни. Почему же его персонажам неизменно хочется верить? Только ли от произносимых ими диалогов, простых и одновременно тягучих, с вкраплением не всегда точно трактуемых мыслей и слов? Может, прежде всего оттого, что взяты все они были не из ниоткуда, а из современной ему действительности и недалекого прошлого, о котором он также знал предельно много, вплоть до мелочей, которые порою писатель наделял большими смысловыми ходами, игравшими в его произведениях свою определенную роль. Вне всяких сомнений, был Сергеев-Ценский и выдающимся мастером вживания в плоть и душу своих героев. В этом отношении у его таланта не просматривалось границ.

Интересно на сей счет воспоминание известного русского советского писателя, лауреата Сталинской премии, многолетнего главного редактора журнала «Москва» Евгения Поповкина, долго работавшего в Крыму, промелькнувшее в созданном им литературном портрете выдающегося писателя, с которым ему посчастливилось достаточно часто общаться: *«Умение перевоплощаться, проникать в психологию, в образ мыслей, поведение своих героев, говорить их языком у него нео-*

быкновенное, прямо-таки артистическое. Писатель-сибиряк Вячеслав Шишков был убежден, что Сергеев-Ценский коренной сибиряк: иначе как же он мог написать свою повесть «Медвежонок»? Когда в 1928 году Горький приехал в Крым и Сергеев-Ценский, совершивший с ним прогулку на Ай-Петри, проявил здесь повышенный интерес к каменным породам, Алексей Максимович сказал с улыбкой:

— Давно уж догадывался я, что вы горный инженер, — ведь так?

— Совсем не так! И почему вы именно пришли к выводу, что я — горняк? — удивился Сергеев-Ценский.

— А как же вы, не будучи горным инженером, могли написать свою «Наклонную Елену»? — в свою очередь удивленно спросил Горький.

По поводу рассказа Сергеева-Ценского «Недра», в котором выведена гимназистка Варенька, Корней Чуковский когда-то писал: «Просто не верится, что сам автор этого рассказа никогда не был Варенькой».

Это умение перевоплощаться, вживаться в своих героев идет прежде всего от писательской зоркости, от богатства жизненных наблюдений. Много перевидал за свою жизнь Сергей Николаевич, многое познал он: и когда учительствовал и ездил по России, и когда в годы мировой войны служил в армии прапорщиком, и в трудные годы гражданской войны и разрухи».

Будучи писателем удивительной работоспособности, еще до Октябрьской революции написав немало значимых произведений, Сергеев-Ценский, по сути, всю жизнь работал над созданием одного грандиозного, эпического полотна, задуманного им под названием «Преображение России». Посему и все предшествующие работы он воспринимал лишь как эскизы к большой картине. Неслучайно Горький еще в 1912 году подмечал, что Сергеев-Ценский «очень большой писатель; самое крупное, интересное и надежное лицо во всей современной литературе. Эскизы, которые он ныне пишет, — к большой картине, и дай бог, чтобы он взялся за нее! Я читаю его с огромным наслаждением, следя за всем, что он пишет».

«В основе эпопеи, — отмечал писатель, — лежат события, являющиеся самыми выдающимися в истории человечества. Я имею в виду Великую Октябрьскую социалистическую революцию и деятельность партии большевиков. Взяв власть в свои руки, большевики решили преобразить психологию людей. Показ этой колоссальной работы и является главным в моем «Преображении России». Главным же героем эпопеи, наполненной глубокими раздумьями о судьбах Отечества, о возможности построения нового общественного строя, о месте в нем

человека, выступала русская интеллигенция, по-разному воспринимавшая революцию и действовавшая зачастую необдуманно, в отрыве от тех настроений, которые обуревали тогда большинство населения страны. Нелегко было показать долгий и извилистый путь ее перерождения, а вместе с нею, на примере отдельных личностей, и процесс преобразования самой России. Немало вариантов, в том числе и на фоне конкретных исторических событий, свидетелем которых был писатель, пришлось перебрать Сергееву-Ценскому в процессе работы над эпопеей. Не раз приходилось кардинально менять ранее запланированное, перерабатывать написанное, дописывая не то что главы, а даже и более крупные части готовых произведений, шлифуя тем самым тексты, придавая им большую содержательность, стройность и последовательность в раскрытии сюжетных перипетий.

Более сорока лет отдал писатель созданию этой эпопеи, единственной в своем роде в многонациональной советской литературе. Она была, без преувеличения, делом всей его жизни, любимым детищем, требовавшим огромного духовного труда, постоянного перенапряжения сил, железной дисциплины, титанической работоспособности, глубинных размышлений, художественных поисков, стремления не отстать, не пройти мимо существенных исторических событий, без понимания которых общий фон полотна мог бы стать неполным, обделенным, лишенным каких-то важнейших штрихов и линий. Этого Сергеев-Ценский допустить не мог, потому-то и не расставался с «писательской мастерской», дававшей ему возможность максимально сконцентрироваться на творчестве, которым и ради которого он и жил.

В отношении же этого огромного эпического полотна сам писатель не раз замечал: «Я автор одной книги, и эта книга — многотомная эпопея «Преображение России». У меня была одна идея — и я ее воплотил сначала в эскизах, а потом подошел к ней вплотную».

Эпопею «Преображение России» составляют восемнадцать романов и повестей: «Валя» («Преображение»), «Пристав Дерябин», «Наклонная Елена» (написаны еще до революции), «Суд», «Обреченные на гибель», «Зауряд-полк», «Ленин в августе 1914 года», «Пушки выдвигают», «Пушки заговорили», «Лютая зима» («Массы, машины, стихии»), «Бурная весна», «Горячее лето», «Утренний взрыв», «Капитан Коняев» («Смесь»), «Львы и солнце», «Весна в Крыму», «Искать, всегда искать!», «Свидание». Однако писатель не успел закончить двух последних, по его разумению, очень важных, романов — «Приезд Ленина» и «Великий Октябрь», ко-

торые должны были стать вершиной художественного отображения духовной истории народа за период от первой русской революции до первых пятилеток.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что Сергеев-Ценский, работая над эпопеей, выстроил ее, словно самобытный архитектор, в виде трех больших автономных циклов, имеющих самостоятельное значение и в то же время тесно переплетенных друг с другом, тем самым способствуя задаче по раскрытию общей идеи о показе долгого и тернистого пути революционного преобразования России. Оригинальность же самого показа и в том, что писатель знакомит читателя с неповторимыми русскими характерами, непростыми, противоречивыми, странными, вызывающими массу вопросов, а зачастую недоумение и даже неприязнь. И каждый из них выполняет определенную роль, неся в своем образе черты классов, сословий, течений и групп тогдашнего русского общества.

Случайных персонажей на страницы эпопеи Сергеев-Ценский не допускал. Особое же внимание он уделял трем главным героям — представителям интеллигенции: художнику Сыромолотову, образ которого Горький называл монументальным и в котором много автобиографических черт; прапорщику запаса, ярому противнику империалистической войны, «математику в шинели» Ливенцову и русскому инженеру, подлинному интеллигенту Матийцеву-Даутову, под влиянием обстоятельств понявшему смысл пролетарской борьбы и ставшему в революционные ряды. И рисуя этих героев, их мытарства и непростое движение к прозрению, Сергеев-Ценский, по существу, преподносил и эволюцию собственных взглядов, менявшихся с годами, причем полярно, — от идеалов сугубо духовно-нравственных до революционно-созидательных, становившихся основой борьбы за новый справедливый мир, за торжество правды, гуманизма и общечеловеческих ценностей, за человека-творца.

Огромной заслугой писателя в тридцатые годы прошлого века стало создание патриотической эпопеи «Севастопольская страда». В ней он выводит на первый план героический народ и целую галерею прославленных защитников Севастополя времен Крымской войны 1853—1856 годов. Сосредоточив внимание на севастопольских событиях, писатель переносит действие и в Петербург, и в Москву, и в Лондон с Парижем, и в глухие закутки России. Перед читателем предстают подвиги легендарного матроса Кошки, первой сестры милосердия Даши Севастопольской, видим мы и знаменитого хирурга Пирогова, не устаем восхищаться и выдающи-

мися организаторами севастопольской обороны — Нахимовым и Корниловым, Истоминым и Тотлебенем. Но главное достоинство эпопеи все же в том, что писатель блестяще, с необычайной достоверностью, как будто писалась картина о событиях вчерашнего дня, не выветривавшегося еще из памяти, показал массовый героизм русских солдат и матросов, мужественно защищавших родную землю от вероломных англо-французских захватчиков. В 1940 году за написание этого фундаментального исторического повествования Сергеев-Ценский был удостоен Сталинской премии первой степени.

Более двадцати пяти лет спустя после создания этой грандиозной эпопеи, в июле 1955 года, писатель вспоминал: «...я много думал о Крымской войне 1853—1856 годов, когда писал роман «Зауряд-полк», место действия которого Севастополь. Все же только написав следующий роман «Массы, машины, стихи», который не приняли в журнале «Знамя», я решил взяться за «Севастопольскую страду». Ведь общая политическая ситуация как Крымской войны, так и первой мировой была сходная: западные державы напали на Россию...

Художественно вполне законченное произведение, эпопея «Севастопольская страда» явилась для меня, при моей долголетней работе над вдвое-вчетверо большей по объему эпопеей «Преображение России», как бы ступенью, подступом, — художник кисти сказал бы, может быть, даже этюдом, — к этой эпопее».

Скромно обозначив это широчайшее полотно «подступом» и «этюдом», Сергеев-Ценский не лукавил, для него оно таким и являлось, хотя, справедливости ради, профессиональные критики и простые читатели его давно поставили в один ряд крупнейших отечественных исторических произведений, начинавшихся с «Разина Степана» А. Чапыгина, «Кюхли» Ю. Тынянова, «Петра Первого» А. Толстого...

Первое, что поражает, вновь обращаясь к страницам «Севастопольской страды», — это какая-то удивительная легкость, с которой Сергеев-Ценский вводит нас в эпоху, в ее бытовую обстановку и в духовную атмосферу, где мы встречаемся с персонажами, сугубо вымышленными, а также и с героями реальными, теми, кто тогда жил, действовал и прославился, причем слава эта не меркнет и по сей день. Потому-то и нет у нас сомнений в реальности существования, например, героического семейства севастопольцев Зарубиных или алчного Хлапониного дяди, решившего нажиться на войне, для чего разводившего в своем курском имении медицинских пивавок. Нам они представляются предельно досто-

верными, при сем важно тут отметить и то, что на резко контрастном противопоставлении героического и трусливого, подвижнического и своекорыстного в общем и строилось все действие этой широкой, обильно наполненной событиями и творившими их персонажами эпопеи.

Эпопея «Севастопольская страда» начинается главой «Бал», что не может не вызывать ассоциации с зачином «Войны и мира» Толстого. Но далее перед нашим взором будут разворачиваться картины довольно мрачные. Так, скажем прямо, совсем не вызывает оптимизма фигура скептического старца Меншикова, в чьи равнодушные руки была вручена судьба Севастополя. Затем появляется и сам Николай I, порядком растерявшийся от первых же неудач. «Его письма к Меншикову были не более, как тот же крик растерявшегося властелина, — отметит писатель, — а письма к Горчакову и Паскевичу были переполнены то жалобами, то надеждами на божью волю». А события между тем переносятся то на потонувшие в океанах грязи степные дороги, по которым на волах везли в Крым снаряжение, то в продажную военную канцелярию, то в беспокойную деревню, где нарастает мужицкий гнев. Убийство же помещика Хлапонина-дяди (его топят в пивовочнике) рассматривалось тогда обыденным бытовым явлением.

Совсем иначе рисовал Сергеев-Ценский Хлапонина-племянника, храброго офицера-севастопольца, человека благородных устремлений и, между прочим, лицо историческое. «Чету Хлапоновых — артиллерийского штабс-капитана и его красавицу-жену — я взял из воспоминаний, — признавался Сергей Николаевич, — но сказано о них там очень немного, и мне необходимо было придумать длинную историю о поездке их в глубины России, в село, к дяде Хлапонина, причем историю их связать с историей Чумаченко (личности тоже исторической), бывшего крепостного крестьянина Чернобровкина».

Пластун Чумаченко являлся одним из самых прославленных храбрецов обороны. И в эпопее он появится неслучайно. Да ведь не только главные, но и многие эпизодические персонажи этого бессмертного творения имеют документальную основу, фигурируют в официальных документах или воспоминаниях современников. Под своими подлинными именами Сергеев-Ценский таким образом выведет «Анику-воина», монаха Ионникия, сестру милосердия Прасковью Ивановну, мальчишку-наводчика Николку Пищенкова, солдат Арефия Алексева, Матвея Щелкунова, Егора Мартышина, революционера-петрашевца Дебу... Их имена писателю по-

встречаются в исторических источниках и запомнятся. «Моя задача состояла в том, — подытожит он, — чтобы сделать из имени образ».

По сути, такая задача стояла перед писателем и тогда, когда он сталкивался не просто с именем, но и с более или менее подробным жизнеописанием. И в этом деле он старался быть предельно объективным художником. Потому-то мы можем с уверенностью констатировать, что вслед за «Севастопольскими рассказами» Льва Толстого «Севастопольская страда» открыла перед читателем одну из поворотных глав русской истории, показав войну «не в правильном, красивом, блестящем строе, с развивающимися знаменами и гарцующими генералами, а войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях...» И в героической самоотверженности, присущей русскому народу, — добавим мы.

«Севастопольская страда» — произведение необычайно духоподъемное. Оно о величии нашего Отечества и наших военачальников, наших отважных офицеров и солдат, всего народа нашего, который победить невозможно, причем даже тогда, когда на поле боя российское доблестное воинство терпит временные поражения... И в понимании этой истины кроется актуальность, даже злободневность эпопеи в наше время, время проведения Специальной военной операции, в ходе которой России вновь приходится с оружием в руках отстаивать право на свое свободное, независимое и подлинно мирное существование.

К сему добавим, что Сергеев-Ценский, создавая эту эпопею, совершит, по существу, гражданский подвиг, поскольку в то время многие отечественные историки придерживались мнения о том, что Крымская война — недостойная внимания страница русской истории и писать о русских адмиралах, как героях, нельзя, зазорно, так как они являлись царскими адмиралами. Но писатель и его «Севастопольская страда» осилят, причем посредством правды и патриотического настроения, этих горе-историков. Эпопея покажет советскому массовому читателю, что русские солдаты и матросы под командованием русских по рождению и духу адмиралов, таких, как Нахимов и Корнилов, сражались прежде всего не за самодержца, а за Россию. «Севастополь со всеми его бастионами был не больше, как точка... Но какая точка! — восклицает писатель. — Не город, а знамя России. И весь исторический смысл беспримерной защиты этого города от натиска почти целой Европы состоял именно в том, чтобы отстоять знамя».

И если такая исключительно верная точка зрения восторжествовала в исторической науке и литературе, то в этом, без сомнения, велика заслуга и «Севастопольской страды», этой подробной энциклопедии времен Крымской войны, произведения, в котором с наибольшей силой проявился дар Сергеева-Ценского создавать большие эпические, по своему содержанию и идейной направленности эпохальные полотна.

В годы Великой Отечественной войны перо писателя становится отточенным оружием в борьбе против германского фашизма. Романы, рассказы, статьи (среди которых особо следует выделить «Народ-герой», «Величие духа», «Героизм русских моряков», «Город славы — Севастополь», «Севастополь», «Севастопольцы», последняя была 8 июля 1942 года опубликована в «Правде»), напечатанные в те годы, стали подлинным воплощением никогда не покидавшего Сергея Николаевича чувства любви к Родине, к многонациональному советскому народу. Они учили на примерах героизма как прошлых лет, так и современных дней, стойкости и мужеству, решительности и смелости, настойчивости и вере в победоносную силу русского оружия.

«Мы видим и знаем, как отстаивает от врага родину наш народ, — отмечает писатель-патриот в своем знаменитейшем в годы войны очерке «Народ-герой». — Героически борются наши красноармейские части, наши летчики, экипажи судов нашего Военно-Морского Флота. Честь им и слава! Родина не забудет их подвиги, так же как не забывает она подвиги их предков.

В книгу героической жизни нашего народа на наших глазах вписывается одна за другой блестящие страницы. А книга эта пишется свыше тысячи лет...

В одной из официальных немецких газет последнего времени говорилось по поводу наших красноармейцев, что они могут вести войну в таких условиях, которые считали бы для себя невозможными солдаты других европейских армий. Это сказано было, разумеется, в объяснение того, что «молниеносная» война провалилась, но вместе с тем это невольная дань признания, вырванная героизмом советских бойцов у наших заклятых врагов-гитлеровцев.

Внуки суворовских чудо-богатырей оказались достойны дедов...

Как ни молоды наши Красная Армия и Военно-Морской Флот, но они сверху донизу, от маршалов до рядовых бойцов, проникнуты идеей защиты Родины от подлых захватчиков, а эта идея — мастита и величава. Она рождает героев (выделено мной. — Р.С.).

Когда-то Петр I писал по поводу своей победы при Полтаве: «Непобедимые господа шведы хребет свой показали!»

Мы видим, как показали уже хребет свой и «непобедимые господа немцы». «Доброе начало — половина дела» — говорит поговорка. От мала до велика мы все уверены в том, что вторая половина нашего общего дела не за горами.

Народ-герой побежденным быть не может и побежден не будет, а кровожадный, подлый враг будет разбит».

О той наступательной деятельности пожилого писателя, гражданина и солдата хорошо отзывались и сами читатели. «Ваше творчество, Сергей Николаевич, — писали ему солдаты Мельник и Катков в 1945 году, — для нас, воинов Красной Армии, особенно дорого. Мужество русского народа, героически защищавшего родную землю от вражеского нашествия, так мастерски показанное в ваших произведениях, влекло наших воинов на повторение в Великую Отечественную войну советского народа бессмертных подвигов героев Севастополя».

За долгие годы творчества фактически не оказалось ни одного литературного жанра, в котором бы не поработал Сергеев-Ценский. Кроме прозаических и драматургических произведений, написанных как для взрослых, так и для детей, писатель создал и удивительную вещь — «Дневник поэта», ставший своеобразной писательской исповедью, которую он вел каждодневно, начиная с 1946 года. Принадлежат ему и многие содержательные, часом острые и боевые, призывные и вдохновляющие, публицистические, литературоведческие и литературно-критические статьи: «Слово к молодым», «Патриотизм русских писателей», «Радость творчества», исследования и размышления о творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Новикова-Прибоя, воспоминания о М. Горьком, И. Репине, Л. Андрееве, М. Арцыбашеве.

В последние годы жизни выдающийся писатель, лауреат Сталинской премии, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени (дважды), «Знак Почета», доктор филологических наук, действительный член Академии наук СССР, практически до последнего дня продолжал жить активной и насыщенной жизнью. Неизменно продолжал он трудиться и в своей мастерской. Довелось ему в 1955—1956 годах увидеть десяти томное собрание своих произведений, выпущенное в Москве Государственным издательством художественной литературы, и отдельное издание эпопеи «Преображение России», осуществленное в 1956 году Крымским областным книжным издательством. Правда, в десять внушительных томов не получилось включить все то, что было написано

плодовитым писателем, не позволявшим себе расслабляться и не писать в течении светового дня.

Посчастливилось классику русской советской литературы в октябре 1954 года, в рамках празднования столетия Севастопольской обороны, в сопровождении писателя Е. Поповкина совершить морской поход в Севастополь. Это было незабываемое событие. Осталась память и у моряков-черноморцев, что подтверждается рядом фотографий, на которых видно, как тепло встречали они старейшину многочисленного отряда советских писателей. Переполняли чувства и Сергеева-Ценского. «Я в высшей степени тронут моим вояжем из Ялты в Севастополь на посыльном судне «Рион». Очень внимательное ко мне и моим спутникам отношение командного состава и многих матросов этого судна показало мне, что я в кругу своих друзей, что я не зря в свое время написал «Севастопольскую страду». Глубоко благодарен экипажу «Риона» за любовь и ласку! Академик Сергеев-Ценский».

Не каждому суждено и в почтенном возрасте оставаться молодым духом. Далеко не все способны жить так динамично, в гуще народной жизни, в постоянном творческом поиске, в стремлении постичь людскую психологию, отвергая поверхностные подходы, суетность, верхоглядство, мелочность и примитивизм. Наверное, символично и то, что писатель-гуманист стремился всегда и к тому, чтобы помочь человеку найти свое место в обществе, тем самым меняя и его, и непременно в лучшую сторону.

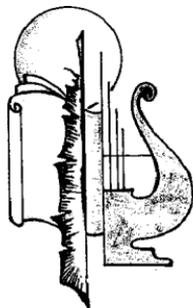
Обращайте же вновь свои взоры к богатейшему творческому наследию великого литератора-творца, философа, патриота и подвижника земли русской. Произведения его живут вне временных рамок и воспринимаются внимательными читателями при любых обстоятельствах, так как давно уже стали классикой. Не забывайте, находясь в благословенном Крыму, в Алуште, а она готова принимать гостей круглогодично, бывать и в мастерской писателя, в этом удивительном уголке, где он жил и творил, где и упокоился. Вас там всегда ждут. А рассказывать о нем можно долго, бесконечно — такой он был необъятной глыбой. Хотя, скорее, не был, а и остался. Остался навсегда...

г. Симферополь

О СТИХОТВОРНОЙ ЭНЕРГИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА

Каждый человек смотрит на мир и ощущает его по-своему, потому что он является центром своеобразной сферы, а всё остальное видится ему с его позиций — близких или далеких. Соотнесение с собой мира своих предпочтений — вот сильнейший из импульсов интереса к конкретному художественному образу. Писатель же, казалось бы, на ничтожном, но жизненном примере способен развернуть и обосновать выводы огромной общечеловеческой и национальной важности. И этот пример зацепит те струны души читателя, которые зазвучат в нем самой удивительной музыкой: искусство слова не информирует человека, а движет его к жизни. Таким образом, искусство совершает великую борьбу против утраты смысла в равнодушных значениях.

Что сегодня движет истинного поэта создавать художественные образы существующего мира? Ответ, на мой взгляд, очевиден — **энергия преобразования** этого мира. Ответ на этот вопрос дают и сами поэты:

КРУГ ЧТЕНИЯ

*В другой стране, в другом тысячелетье...
Как дни, века над миром пролетят...
И может быть, в столетье двадцать третьем
стихи мои согреют чей-то взгляд...*
(В.Хатюшин)

Да, жизнь — это совместное, непрестанное творчество людей, движущихся к развитию в себе лучших человеческих качеств и преобразованию мира на справедливых началах. Если стихи, написанные поэтом, «согреют чей-то взгляд», значит, не зря создавались они, и не зря была запущена **энергия преобразования мира...**

Искусство слова без социальной позиции автора не существует, потому что безликое искусство — это не искусство, а что-то иное. У поэта-философа Валерия Хатюшина нет «безликих» стихов: в каждой молекуле стихотворного текста сам поэт, его разум, его душа, его переживания:

*Небесный блеск ночных лампад...
Весны промозглой снег и слякоть...
Еще я долго буду плакать
над самой горькой из утрат...*
(«Смерть матери»)

Стихи у поэта В.Хатюшина начинаются лишь тогда, когда мысли, идеи, факты действительности пропущены через сердце художника:

*По ночам не спится.
В сердце — непокой.
Не с кем поделиться
мне своей тоской.
Разом потерявший
почву жизни всей,
вижу взгляд уставший
матери моей...*

Казалось бы, только личная информация, не касающаяся других, а вот нет: каждый, потерявший близкого человека, остановится на какой-то фразе, послушает зов души, встрепенется — удивительная многомерность изображаемой жизни.

Изучая творчество Валерия Хатюшина, я получаю уникальную возможность ощутить радость соприкосновения с духовным миром поэта, понять, что есть все-таки в настоя-

шее время подлинная поэзия, дающая импульс к самосовершенствованию и саморазвитию!

*...И сам я сердцем знаю наперед,
что скоро в парке липа зацветет,
жасмин тропу наполнит сладким духом
и тополя осыплют землю пухом...*

Казалось бы, бытовая картинка, но с весьма многозначительным намеком, который многое передает и вызывает наше внутреннее доверие к слову поэта. Стихи, в которых не нарушена соразмерность между сиюминутным, эмпирическим и общим для всех. А суть каждого написанного стихотворения в масштабности мысли, положенной в его основу: чем существеннее мысль, чем длительнее во времени ее действие, тем выше поэтический уровень сказанного поэтом слова:

*Вот так и небо знает, сколько бед
нам пережить дано и сколько лет.
И звезды знают сроки неземные —
когда душа прозреет сны иные...*

Современная действительность побуждает поэта всматриваться в нее, но вся суть заключается в том, что поэт смотрит сквозь себя, сквозь свое миропонимание и свое представление о сути и назначении поэзии. Глубочайший философ по природе, В.Хатюшин передает свои переживания, свою боль и свою радость, рассматривая себя в качестве камертона вселенских колебаний, общемировых коллизий, которые он и должен выразить по зову сердца и души.

В стихотворении «Вера» поэт однозначно и четко определил свое отношение к прошлому и современному миру:

*В празднословье своем убогом
мир безумный идёт в разнос.
Наши пращуры жили с Богом,
в бой их вёл за собой Христос.*

Образ Христа в этом контексте — это образ предтечи и бунтаря во имя нового мира. А дальше — активная позиция автора, призывающего следовать за Ним, ибо без веры нет смысла жить.

*...Был безжалостным враг надменный —
вся безбожная мразь и гнусь.*

*Перед ней не была смиренной
наша вера и наша Русь.*

*Псов армады французско-прусских
нам хотели замкнуть уста.
И без счёта — погибших русских
за язык и за свет Креста.*

*Стала доблестью их безмерной
сохранённая русская речь.
Всех мощнее на свете — вера.
Перевернутый крест — это меч.*

Вот именно здесь мы находим сочетание внешних ритмов стихотворения с глубинным ритмом современной истории, сочетание внешнего сюжета с проникновением в суть совершающихся исторических событий. **Энергия преобразования мира** в контексте глобальных изменений — это процессы, в которых происходит трансформация всей жизни: «был безжалостным враг», «не была смиренной наша вера», «хотели замкнуть уста», «стала доблестью... сохранённая русская речь, вера, крест»...

Поэт В.Хатюшин по-блоковски вдумчиво, напряженно вслушивается в ритмы нашего сложного времени, чтобы безошибочно уловить их и донести до читателя.

*...Матерь Божья смотрит слёзно
сквозь донбасские дымы...
Может статься, будет поздно...
«Слава Богу», — скажем мы.*

Здесь высказана убежденность в общественной роли поэта, ответственного за человеческую боль, поэт предупреждает словами: «Может статься, будет поздно»... Чувства поэта В.Хатюшина — это чувства человека, который отдает себя главному, святому делу своей жизни. **Энергия преобразования мира** — критерий определения силы поэтической мысли.

Сгустком высочайшей человеческой нравственности, смысл которой раскрывается не сразу и не для всех, могут быть эти строки:

*Предназначенье нашей жизни брэнной —
не объяснить, не разгадать вовек.
Есть два созданья высших во Вселенной,
Божественных — цветок и человек.*

Каждому откроются эти строчки по-своему, но, как говорил французский писатель, ученый-музыковед Р.Роллан, «поэзия заключается не в ритмическом сочетании слов-погремушек, но в духе, который охватывает широкие горизонты и видит дальше и глубже, чем глаза человека».

Два создания, на первый взгляд, могут показаться совершенно разными, но они творения Бога. Человек, наделенный разумом, чувствами, способностью к самосознанию, способен **преобразовывать мир** и охранять его. Цветок — символ красоты и хрупкости жизни, обновления ее. В нем заключена история жизни от семени до распустившегося бутона, от весеннего пробуждения до осеннего увядания. Именно цветок напоминает нам о цикличности жизни, о том, что каждый миг уникален. Таким образом, как утверждает поэт, Божественные создания — это две части одного целого, взаимодействие между ними говорит о важности заботы о природе и об ответственности за ее сохранение.

*...В сиянье поля нежными цветами
Бог выражает нам свою любовь.*

*И если в ком-то мы души не чаем, —
волненье дышит и у нас в крови.
Даря цветы, друг другу мы вручаем
частицу той Божественной любви.*

А Божественная любовь — тот уникальный сгусток, та удивительная энергия, способная **к преобразованию мира**.

Стихи поэта-философа Валерия Хатюшина пронизаны стремлением к изменению жизни, ее сути. Они полны размышлений о человеке, о том, как личные переживания могут стать катализатором для больших изменений. Время в поэзии В.Хатюшина представляется не как линейная последовательность событий, а как динамическая сила, способная **изменять мир**.

Каждый из нас может быть агентом перемен, используя силу слова так, как талантливо делает это поэт Валерий Хатюшин.

г. Гродно, Белоруссия. Июль 2025 г.

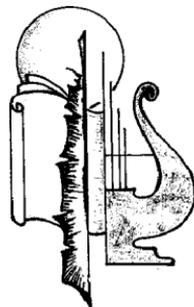
АНГЕЛЫ СУДЖИ

О новом романе Владимира Пронского

Принято считать, что лучшие произведения о войне создаются спустя время, после победы, после глубокого осмысления событий. Спорное, на мой взгляд, утверждение, ибо по горячим следам писали о войне Фадеев и В. Некрасов, Симонов и Твардовский, Полевой и Казакевич, Катаев и Шолохов... И писали прекрасно. Да, потом появилась великолепная «лейтенантская» проза Бондарева, Бакланова, романы и повести Быкова, Васильева, Гроссмана, Астафьева, Пикуля, Богомолова, Семенова, Бека, Волынского, Курочкина...

Но, наверное, главное — не время написания, а талант, мера проникновения в события, сопереживания, сопричастности к тому, что происходит. И невозможность промолчать, желание высказаться и поддержать тех, кто на линии огня без лишних слов делает свою работу, тяжкую и смертельно опасную, но без которой жизнь невозможна.

Об этой работе написал свой роман «Ангелы Суджи» известный прозаик Владимир Пронский. И показал в ней войну такой, какой видят её непосредственные участни-

КРУГ ЧТЕНИЯ

ки боевых действий. Без бравады и наигранного пафоса, честно, жёстко и правдиво. Когда читаешь книгу, постоянно возникает ощущение, что автор не просто видел то, о чем пишет, но и прошел все испытания, познал их на себе, чудом оставшись в живых. Это ощущение, на мой взгляд, наивысшая оценка любому произведению, ибо возникает оно редко и достигается великим мастерством.

Главный герой книги солдат СВО Сергей Земляков о своей службе рассуждает так: *«Это для детишек война — игра, а для нас работа, ставшая привычной за последние месяцы, мы её исполнители, а лейтенант, что бригадир: дал указание, махнул рукой «Вперёд!» — и будь здоров, не кашляй, а вваливай так, как научился за это время. Считай, Земляк, что ты на производстве по защите Родины»...*

Думаю, позывной героя не случаен. Он действительно — всеобщий земляк для всех, кто на войне и в тылу, он в ответе за землю и воздух, причем в прямом смысле. И он, и его ближайший друг и однополчанин Михаил Медведев — не юные призывники, а бывалые, повидавшие жизнь 45-летние мужики, добровольцы, пошедшие на войну, казалось бы, по разным причинам. У Медведева погиб сын, и мщение за юную родную душу стало главным двигателем его поступков. А Сергей Земляков, несмотря на зрелый возраст — начинающий фермер, взявший в аренду громадное пшеничное поле и решивший, что служба на СВО поможет расплатиться с долгами, компенсировать немалые расходы...

Но это им только кажется, что причины принятых решений — в этом. В конце концов они приходят к пониманию, что воюют, прежде всего, не за вознаграждение и не из чувства мести, а за справедливость, за Родину, за мирную жизнь близких и далеких людей, и это лишь на первый взгляд звучит высокопарно, а по сути, так и есть. И по мере чтения мы убеждаемся, насколько выстрадано это чувство, насколько оно искренне и неколебимо. И о воздухе упомянуто не зря. Именно его, воздуха, не хватало в той самой, ставшей легендарной газовой трубе, по которой бойцы-добровольцы штурмового отряда проникли во вражеский тыл.

«...Задача — проникнуть по газовой трубе на несколько километров в глубокий тыл врага, в район города Суджа. Труба диаметром 1420 миллиметров, так что придётся идти 14-15 километров пригнувшись, а где-то и на четвереньках пробираться, когда устанут ноги. К тому же в трубе имеется остаточная загазованность, хотя её проветривали и заполняли кислородом, но всё равно, по расчётам специалистов, воздуха может не хватать, особенно при большой скученности бой-

цов и вдали от вентиляционных отверстий, пробитых в трубе через километр-полтора. Поэтому передвигаться будете группами по пять человек с дистанцией в два метра и десять метров между группами. Испытание предстоит тяжёлое, рассчитанное на несколько суток»...

Уже эта командирская вводная дает представление о колоссальной трудности и, на первый взгляд, невыполнимости задания. И, тем не менее, операция «Поток» была успешно реализована. И воплотили в жизнь её не какие-нибудь киборги и терминаторы, а простые русские парни, воины, которые пошли на риск не ради денег или славы, а, как писал когда-то Твардовский, «ради жизни на Земле». Ничего не изменилось. Всё так же борется добро со злом. И зло по-прежнему коварно. А добро в борьбе за справедливость несокрушимо, претерпевая самые грозные испытания.

«Чем дальше погружались в трубу, тем труднее дышалось и сильнее колотилось сердце, и Сергей, вспомнив мать-сестрицу, достал таблетки корвалола, которые раздавал санинструктор на входе. Принял одну, запив малюсеньким глоточком воды, и вроде полегчало... Подземная людская вереница продвигалась всё ближе к конечной точке, где бойцы получают приказ к наступлению, и тогда только вперёд, к победе. Но пока надо стиснуть зубы и терпеть... Когда увидели горящую впереди лампочку и людей, мелькавших в её свете, казалось, уже не осталось сил, чтобы добраться до них. Это были бойцы бригады «Ветераны», три недели жившие в трубе и готовившие её к их походу. Они дошли и рухнули там, где стояли. Сидели и глотали воздух... Осталось пробить лаз в земляной перемышке и открыть путь на волю, надышаться всей грудью. А потом достигнуть окрестностей города и, как ангелы, воспарить над ним, выбив захватчиков и защитив оставшихся жителей».

На мой взгляд, очень важно, что книга о сражениях под Суджей написана именно «по горячим следам». Честно и без прикрас. Но это не журналистский репортаж, это именно роман, многоплановый, увлекательный, с героями, вызывающими симпатию и сопереживание. Роман, в котором жизнь кровава, а смерть всегда рядом. И люди, которые могли бы растить хлеб или строить дома, работать на заводе, вкладывая труд и мастерство в изготовление нужных для жизни вещей, вынуждены убивать друг друга. Потому что это — война, и если не убьешь ты, убьют тебя. За что и почему? Ох, как трудно отвечать на этот вопрос. За правду и память, за право говорить и думать на своем языке, на котором пела колыбельную мать, за свободу выбора своего настоящего и буду-

шего. За возможность помнить и не забывать свою историю, своих героев, своих предков. Это важно. И за это идут бои между вселенским Злом и Добром. И снова, как в песне, «нужна победа». И цена за неё — выше не бывает.

«Когда обстрел прекратился, раздалась негромкая команда: «В атаку!», и лейтенант Харук первым поднялся и, пригнувшись, побежал под огневым прикрытием с флангов на пока ещё молчавшие окопы. Раздались выстрелы противников, сразу получившие ответный шквал от наступающих бойцов, которым терять было нечего, хотя у них не имелось никакой защиты, кроме броников, куража и собственной храбрости. И вот кто-то уже оказался во вражеских окопах, кто-то сцепился в рукопашном бою, и отовсюду раздавались короткие очереди, разрывы гранат, а в перерывах между взрывами со всех сторон доносилась неубиваемая матерщина, словно бойцы в один миг забыли все другие слова. Расправившись с блиндажами, они потекли ручьями по окопам, гоня впереди себя беспорядочно отстреливающихся врагов, видимо, не ожидавших от наступающих такой ярости, в которой они, забыв обо всём, добивали всех, кто держал в руках оружие. А его почему-то держали все, даже находившиеся в критической ситуации, словно автоматы могли им помочь на том свете»...

В одном из таких боев получили ранения друзья-герои романа. И после госпиталя оба отправились по домам в отпуск, где мирная жизнь продолжалась в полной мере, радуя любовью родных и близких, оглушая и изумляя телеэкранными развлекательными шоу, которые близкими не могли стать никак. В беседе с отцом Сергей вспомнил родного брата, который еще до майдана выбрал себе жену с западной Украины и переехал туда, врасдая в быт и майданные реалии, столь отличавшиеся от рязанских, откуда родом все Земляковы. Встречались родственники всё реже, хотя за мёдом к отцу, державшему пасеку, раз в год сын, ставший чужеземцем, приезжал обязательно. В 2022 году призвали брата в ВСУ, через месяц службы он погиб под Мариуполем, а через две недели, не выдержав переживаний, скончалась на Рязанщине мать. Спустя два года в украинскую армию призвали и внука, и вскоре пришло сообщение, что он тоже убит... Вот и состоялся такой разговор у сына с отцом:

«— А ты мог бы стрельнуть в него, зная, что он твой племянник?»

— Пап, ну ты и вопросы задаёшь... Когда идёт бой, некогда присматриваться. Всё зависит от случая. Издали не приглядываются, а безжалостно стреляют друг в друга.

— Ну, к примеру, вы сошлись, он тебя окликнул... Стал бы?

— Прежде всего, попросил бы опустить автомат.

— А если бы не опустил?

— Не опустил бы и имел явное намерение выстрелить в меня, то и я не растерялся бы. А как иначе. Уж сколько таких случаев было, когда, например, брат с братом встречались. И что? Да ничего хорошего для одного из них не было. Обязательно кто-нибудь погибал. Это, пап, война»...

О многом поговорили отец и сын. И о причинах войны, впрочем, не погружаясь в «глубины глубин». А согласились лишь, что война справедливая, и победить в ней — дело, стало быть, правое. Понятно было, что начиналось всё в соседней стране еще до майдана, когда одна часть населения вдруг признала себя более сознательной, и речь свою — более правильной, когда стали издеваться над всем русским. А искажать прошлое, глумиться над памятью и памятниками, над героями и историей страны — стало нормой жизни. И уже потом человеческую речь заменил говор танков, артиллерии и ракетных систем залпового огня.

Всё это бывало в истории и не раз. Национальное чванство никогда не приводило к добру и миру. Как раз наоборот. Но главная причина, наверное, в ответе на извечный вопрос: «Кому это выгодно?» Кому выгодно натравливать одних людей на других, делить их по нациям и территориям, кого-то расчеловечивая, а кого-то возвеличивая? Наверное, тем, кто производит оружие, кто стремится завладеть природными ресурсами, для кого само существование сильного конкурента — невыносимо и неприемлемо...

Возможно, не так они говорили, но подразумевали именно это. А отпуск по ранению, как всё на свете, прошел быстро. И после мучительно-трогательного прощания с родными отбыл Сергей Земляков снова в свою часть, которая продолжала бои в районе Суджи. Описание боев — на мой взгляд, удача Владимира Пронского. Повторюсь, сделано это правдиво и честно. Настоящая высокая военная проза. Которую в отдельные моменты читать просто больно. А как-то участвовать в таких боях! Да и описывать это, уверен, было не просто. У книги нет «хэппи энда». Сергей Земляков погибает во время одной из атак. Умирает его отец. Но остается пшеничное поле, остается вера в победу справедливости, в то, что всё было не зря. В то, что ангелы, которыми становятся души погибших воинов, помогут не только на поле боя, но и в жизни, а в ней правое дело неизменно остается правым.

«Проломив забор между участками, они зашли к дому с тыла, и, приготовив гранату, Земляков собрался метнуть её на веранду, и уж было замахнулся, но раздалась обычная короткая очередь, неожиданно сразившая его. Падая, он сумел лишь отбросить от себя взведённую гранату, и она взорвалась метрах в шести, а сам он, подломив одну ногу, опрокинулся навзничь. «Что это я, — мелькнуло в голове у Землякова, и она поплыла. — Неужели и меня достали?!» И это было единственное, о чём он успел подумать... Он пытался дышать разбитым горлом, но это плохо получалось — больше хрипел и булькал кровью, чем дышал... Жизнь ещё цеплялась, пыталась задержаться, хотя он сам ничего уже не чувствовал, но мозг пока жил. И перед тем, как сознанию окончательно провалиться в темноту, Сергею привиделось своё поле, жена и сын привиделись... Они махали ему, звали к себе, и он махнул им в ответ: «Катя, Гриша, я иду...» Он обнял сына и прильнувшую жену обнял, и стояли они втроем у поля пшеницы — самые счастливые на свете. «Вот и хорошо, что встретились. Пошли домой, — позвал он. — Соскучился! Теперь я навсегда с вами!»

Вероятно, читатели ожидали и желали иного окончания романа, но он закончился так, как закончился — гибелью главного героя. В этом весь драматизм и даже трагизм ситуации, ибо не бывает на войне так, как хочется кому-то. У войны свои законы. И всё-таки верится в то, что, находясь в забвении, смертельно раненый Сергей Земляков видит свою семью и разговаривает с женой и сыном. И его заключительная, неосознанная фраза возносит на высоту и самого героя, и роман.